

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

**ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА
И ЭТНОСА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ**

Выпуск V

Москва 2002

3. В теории синергетики есть понятие *самодостраивание*, применяемое в основном к процессу креативного мышления. Самодостраниванием называют способность творческого мышления интегрировать целое из фрагментов, восполняя недостающие звенья, как бы перебрасывая мостики между ними. При этом происходит не просто объединение целого из частей, но самовырастание целого в результате самоусложения этих частей. “Сам поток мыслей и образов в силу своих собственных потенций усложняется и спонтанно выстраивает себя” [Князева, Курдюмов 1994: 117]. По-видимому, именно эти процессы свершаются в книге стихов: дополнительная упорядоченность и дополнительные ограничения, налагаемые на поэтическую материю, приводят ее в движение, запускают механизм смыслообразования в границах нового целого. Так происходит самоорганизация и становление Книги.

4. Книга в определенной степени уравновешивает роль автора и читателя-интерпретатора, ибо понимание целостности книги есть одновременно интерпретация и самодостранивание смысла не только автором в процессе создания книги, но и читателем в процессе ее восприятия. Книга увеличивает возможности автора в формировании культурного контекста и прогнозировании возможного направления интерпретации ее читателем и одновременно активизирует творческую самостоятельность и читателя, декодирующего связи, обозначенные автором, и создающего новые, свои ассоциативные “мостики” между “кирпичиками” книги-интертекста. Все в целом позволяет говорить о КНИГЕ СТИХОВ как способе реализации целостной нравственной позиции автора, способе сделать модель мира поэта *умопостигаемой* для читателей.

5. Русская поэзия от Анненского и Блока до пре-постмодернистов, по-видимому, была ориентирована именно на Книгу Стихов в ее классическом понимании. Постмодернистская поэзия вводит мифологему Книги, отчелив ее всего овеществленную в Книге Песка Х. Л. Борхеса (рассказ “Книга Песка”): это книга, как песок, без начала и конца, число страниц в ней бесконечно, а страницы пронумерованы произвольно, причем они вырастают из книги сами собой. Книгу, как и Жизнь,

нельзя дважды открыть на одной и той же странице. Это представление о Книге возникает из теории интертекста Барта - Кристевой, когда мир мыслится как интертекст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно лишь по принципу калейдоскопа. Тогда книга стихов может быть организована сколь угодно произвольно, намеренно лищена порядка, плана. Ее можно читать с любой страницы, слева направо и наоборот или даже перевернуть вверх ногами. Классический пример такой книги – “Стихи на карточках” Льва Рубинштейна – иконический знак произвольности, анти-порядка. Стихотворение – ряд фраз, каждая из которых представляет собой отдельную карточку, чтение стихов должно представлять собой перебирание карточек. Вместе с тем произвольность следования фраз оказывается мнимой – ибо именно взаимное расположение элементов берет на себя функции интерпретанты, без которой текст как целое превращается в бессмыслицу. Другой пример – стихи Д.А. Пригова, алогичные с позиций “обычной” (мещанской) логики, и тяготеющие к объединению в циклы, снабженные “предуведомлениями” и нередко пронумерованные. С точки зрения синергетики, здесь имеет место “игра” противоположных начал – центробежного и центростремительного, тенденций к хаосу и тенденций к порядку, и именно эта игра создает подвижность смыслового поля произведения и способствует самоорганизации целого и смыслопроизводству.

В целом, как нам представляется, применение методов лингвосинергетики к анализу Книги (и не только книги стихов, по-видимому, книги рассказов, например Бунина, живут по тем же законам) способно по-новому осветить традиционно филологические проблемы.

Литература

Гинзбург Л. Я. О поэзии. – М., 1964.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодостранивание // Вопр. философии. – М., 1994. – № 2.

Князева Е.П. Топология когнитивной деятельности: синергетический подход // Эволюция. Язык. Познание. – М., 2000.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург; Омск, 1999.

Кушнер А. Аполлон в снегу. – Л., 1991.

Рецензенты:

д.ф.н., проф. Ф.М.Березин
д.ф.н., проф. Е.Ю.Мягкова

Я 41 Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Выпуск 5 / Под редакцией В. А. Пищальниковой. – М.: МГЭИ, 2002. – 164 с.

ISBN 5-291-00067-8

В очередном выпуске сборника представлены материалы Международной научной конференции «Когнитивная лингвистика и лингвосинергетика: проблемы и перспективы». Анализируется понятие концепта как методологической категории, рассматриваются процессы становления когнитивизма и коннекционизма, исследуются когнитивные аспекты перевода, предлагаются способы моделирования этнокогнитивных структур.

Сборник предназначен для широкого круга лингвистов.

ББК 81.002

©Институт языкоznания РАН, 2002

©МГЭИ, 2002

ISBN 5-291-00067-8

СОДЕРЖАНИЕ

Афанасьева Е.А. Особенности самоорганизации переводческого корпуса	4
Базылев В.Н. Метод в когнитивной лингвистике?	6
Белоусов К.И. Хроногеометрия текста	12
Босова Л.М. Когнитивные основы перевода как вида межкультурной коммуникации	15
Голикова Т.А. Моделирование этнокогнитивной структуры стереотипа «Я» русских и алтайцев	28
Ионова М.Б. Роль взаимодействия абсолютно слабых позиций в процессе самоорганизации структуры текста ...	34
Клюканов И. К моделированию семиотической свободы	37
Корбут А.Ю. К проблеме симметрии/асимметрии текста и среды	46
Коржнева Е.А. Возможности лингвистического эксперимента и структурно-позиционного анализа при исследовании доминантного смысла текста	49
Лукашевич Е.В. Синонимия как процесс изменения когнитивной структуры слова	52
Москальчук Г.Г. Констатирующий эксперимент по восприятию структуры текста	67
Нестеренко С.П. Графема как объект исследования смыслообразующей роли печатного знака	74
Орлова Н.В. По чьей воле? (Когнитивный анализ народных мемуаров)	81
Поломошнова А.И. Изменение когнитивной структуры значения у больных с афазией	87
Пушкина Е.С. Параметры оценки психокомфорта учебного текста в аспекте формообразования	89
Щепинкина Т.Г. Ориентация переводчика в пространстве смысла	91
Рябцева И.К. Лингвистическое моделирование ментальной сферы человека (на материале русского языка)	94
Сонин А.Г. Блеск и нищета когнитивизма	109
Сорокин Ю.А. Концепт – методологическая категория? ..	130
Суворова П.Е. Самоорганизация стихотворного текста и индивидуальный стихотворный стиль	137
Уйбина Н.А. Некоторые основы языковой суггестии	140
Чувакин А.А. Концептуальные основы риторического образования на филологическом факультете университета	142
Шкрапоцкая М.Г. Деривационное пространство слова ...	149
Шуришина Т.И. Роль творческой позиции исследователя в цветофоносемантической интерпретации целостности художественного текста	154
Кузьмина Н. А. Книга стихов как синергетический объект	159

ОСОБЕННОСТИ САМООРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОРПУСА

На ведущие позиции в оценке эквивалентности перевода выдвигается способ подачи информации как последовательной серии знаков, инициирующих смыслопорождение и эмотивные характеристики, максимально сходные с заданием в оригинале последовательностью. Сохранение внутритекстовой дискретности формы эффективно для сохранения эквивалентностей структурно-семантического плана. Эквивалентность пути автора к доминантному смыслу текста (креативный атTRACTор) должен повторить и читатель, чтобы получить сходное впечатление (или приблизиться к нему). Для изучения особенностей самоорганизации структуры текста внутри переводческого корпуса в качестве материала был выбран фрагмент «Плач Ярославны», имеющий статус самостоятельного произведения внутри «Слова о полку Игореве», и ряд его переводов на русский и украинский языки (всего 21 текст). Цель заключается в определении диапазона воздействия оригинала на переводческую матрицу и выявлении границ вариативности переводческого корпуса.

Важно выявить особенности взаимодействия и структуризации внутри системы текстов, созданных на основе одного первичного источника и объединенных стремлением максимально соотноситься с этим источником по различным параметрам. Это возможно только с помощью представления о переводческом корпусе как о единой целостной системе, компоненты которой (единичные переводы) комплексно самоорганизуются и взаимодействуют. Целостное изменение внутри системы переводческого корпуса прослеживается в применении процедуры гармонической правки текста. Правленый переводческий корпус состоит из всех возможных вариантов переводческих моделей, которые максимально удачно реализуют тенденции оригинала. В стремлении соответствовать параметрам оригинала система отбрасывает разрозненные единично реализованные тенденции,

не способствующие общей структуризации и вносящие дисбаланс в систему.

Наблюдение над неосознаваемой трансформацией матрицы от текста к тексту дает материал для анализа деятельности переводчика (фактически в выборке предоставляется ряд вариантов, которые могут получиться при переводе данного текста). Важнейшим аспектом является вскрытие таких внутренних качеств текста, которые определяют диапазон вмешательства в матрицу. Мы изучаем готовый эксперимент – речевую практику группы переводчиков, работавших над одним и тем же материалом. Подобное внутриязыковое исследование имеет ряд преимуществ: поскольку грамматическая система оригинала и переводов практически идентична, не возникает вопросов по поводу соответствия языковых единиц в текстах; отпадает необходимость в поиске сопоставимого способа вычисления объема текстов, следовательно, исчезает скидка на искажения, непременно возникающие при переносе текста из одной языковой среды в другую. Фактически мы имеем дело с рядом диахронических авторских проекций одного и того же текста внутри одного языка. Группа переводов, более или менее удачно реализующих внутренние особенности оригинального текста, при образовании корпуса переводческих текстов структурируется определенным способом (по степени эквивалентности оригиналу различаются модели, находящиеся в ядре корпуса, и модели, относящиеся к периферии).

Внутри вариаций одного текста по образцу оригинальных тенденций удовлетворять условиям оригинала может не один, а несколько вариантов модели перевода. Учет всех приемлемых для оригинала вариантов моделей приводит к расширению переводческого корпуса. Так после применения процедуры гармонической правки текста переводческий корпус составили 35 эквивалентных оригиналу вариантов. Из них расценены как полностью эквивалентные: 14 случаев полной идентичности оригинальной модели /12221/ с креативным атTRACTором в конечных интервалах текста, граничные условия /-1/- общевосходящая модель; 3 случая реализации синонимичной (функционально идентичной) оригиналу модели /22221/ с креативным атTRACTором в тех же ин-

тервалах текста, что и в оригинале, с немного утрированной оригинальной восходящей тенденцией /-2/; 1 синонимичный оригинал варианту /22021/, отличающуюся от оригинала лишь распространностью атTRACTора второй степени. Традиционно эквивалентны модели с атTRACTором, продленным на весь текст, реализующие общую направленность оригинальной модели. В выборке это ряд синонимичных моделей с внутренним балансом формы 211111 (зона зачина – атTRACTор второй степени, все остальное – атTRACTор первой степени) – 15 случаев.

Переводческий корпус как развивающаяся система представляет собой некий инвариант, стремящийся в процессе гармонической правки структурно и функционально уподобиться оригиналу. Тенденции переводческого корпуса до применения процедуры гармонической правки флюктуируют вокруг средне вероятностной модели, несколько размыто отражая особенности оригинального текста. После применения процедуры гармонической правки показатели внутренней структуры переводческого корпуса отодвигаются от среднестатистической модели к индивидуальной экспрессивно выраженной структуре оригинала. Процедура гармонической правки индивидуализирует тенденции переводческого корпуса, конкретизирует их. Подобная конкретизация способствует усилению степени эквивалентности оригинальным тенденциям компонентов переводческого корпуса. Наличие в правленом переводческом корпусе ряда синонимичных моделей, удовлетворяющих условиям оригинала, указывает на существование некоторых границ вариативности матрицы переводческого корпуса, которые можно выявить при наблюдении над инвариантными особенностями изменения внутритекстовых асимметричных тенденций.

Базылев В.Н.

МЕТОД В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ?

В методологии лингвистики когнитивные аспекты занимают в последнее время приоритетное место. Плодотворной признается идея экстраполяции методов разных

наук в лингвистику, что позволяет обогащать и расширять возможности языковедческих методов.

Начнем с констатации: метод – это единство подхода к изучаемому материалу, его систематизации и теоретического осмысливания. Возникает когнитивное направление в неизменной среде вечных проблем, решение которых связаны с желанием понять, как человек интерпретирует мир и себя в мире. По-видимому, в силу того, что идет становление когнитивной науки, осмысливание общих и частных ее задач, в работах этого направления остро выражено стремление подчеркнуть свою новизну, хотя ретроспективный анализ выдвигаемых положений нередко указывает лишь на смену акцентов. Это, конечно, тоже важно, так как открывает новые стороны в изучении объекта.

На переднем плане находится системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов. Теоретическому осмысливанию подлежат: интерпретация текста, объясняющая логический вывод на естественном языке – «речевое размышление», и вычислимость смысла текста, т.е. установление связности его (логической непротиворечивости), при том, что, вслед за феноменологами, связность суждений о мире считается коррелятом истинного существования мира [1, с. 304-307]. В языковедении существует множество моделей, с помощью которых делаются попытки объяснить, как рядовой носитель языка понимает и классифицирует мир, как он использует в языке весь свой жизненный опыт и накапливает знания. В поисках решения этих проблем в последнее время часто используются и развиваются уже известные модели, например, теории фрейма, сценария, прототипа, когнитивной метафоры и т.п. Вместе с тем разрабатываются новые подходы: в рамках когнитивного направления исследуются отдельные лексические единицы и связанные с ними концепты, лексико-семантические, тематические, терминологические группы и соответствующие концептуальные сферы. Когнитивные модели используются также в исследованиях дискурса, синтаксической типологии, отдельных стилей и т.д. При всем том отчетливо видно, что пока складывается лишь «первичное» приложение отдельных эле-

ментов когнитивной парадигмы к проблемам и объектам науки о языке. Этот этап характеризуется общими чертами, неоднократно выявлявшимися методологами ХХ в. Сравним два тезиса: один принадлежит Р.О. Якобсону, второй – Г.П. Щедровицкому. Р.О. Якобсон писал: «Таким образом, предметом науки о литературе является не литература, а литературность, т.е. то, что делает данное произведение литературным произведением. Между тем до сих пор историки литературы преимущественно уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и все, что находилось в квартире, а также случайно проходивших по улице мимо. Так и историкам литературы все шло на потребу: быт, психология, политика, философия. Вместо науки о литературе создается конгломерат доморощенных дисциплин» [2, с.275]. Г.П. Щедровицкий: «Методологические и методические приемы стремятся просто перенести в языкознание и таким образом решить специфические языковедческие проблемы. Но этот ход не может быть удовлетворительным: он игнорирует то обстоятельство, что перед каждой наукой стоят свои особые задачи и поэтому она берет объект – пусть даже тот же самый – в иных аспектах и срезах, чем другие науки, выделяет всегда свой особый предмет изучения, создает особые понятия. Поэтому почти никогда перенос понятий из одной науки в другую не помогает делу» [3, с. 518]. Отвлекаясь от негативного оценочного отношения к положению дел в методологии, необходимо признать, что по-видимому, когнитивная парадигма в языкознании проходит сейчас именно тот этап, в котором она мыслится исследователями как *простое расширение соответствующей отрасли естественнонаучного знания – когнитивной психологии, как приложение ее специфических понятий и методов к новой области объектов*. В этой связи представляется уместной еще одна из работы Г.П. Щедровицкого: «Есть более существенный, чем эмпирическая область, момент, в котором все эти подходы (т.е. подходы к изучению знака – логический, психологический, лингвистический) остаются принципиально различными и несовмещающимися, это – метод. Фактически нигде

не идет речи о специфических методах семиотики, об особых – а они должны быть новыми – процедурах выделения и анализа ее предмета... Показательным с этой точки зрения был проведенный недавно в Москве симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Попадавшее большинство докладов, представленных на нем, – это либо традиционные филологические, этнографические и искусствоведческие описания, либо чисто механические приложения понятий и способов анализ лингвистики к другим знаковым образованиям. Организаторы симпозиума не планировали ни одного доклада по методам семиотического исследования, ни одного доклада по понятиям знака и знаковой системы. И это вполне закономерно, так как они представляли себе семиотику лишь как расширенное приложение понятий и методов лингвистики и математической логики к новым областям эмпирического материала... Совершенно очевидно, что при любом из таких пониманий семиотики мы никогда не получим синтеза наших представлений о знаках и знаковых системах, мы не будем иметь семиотики как особой науки, синтезирующей все другие представления. А потребность в синтезе сейчас чувствуется все больше и больше» [3, с.519-520]. Полагаем, что с небольшими терминологическими корректировками эта характеристика приложима к сегодняшней ситуации в когнитивной лингвистике.

Сходная ситуация наблюдается прежде всего в отношении методов исследования. В частности, ставится вопрос о соотношении традиционного семантического анализа и концептуального анализа, который связывают с когнитивным подходом к анализу языковых единиц. Существует мнение, что следует говорить как о точках соприкосновения данных методов анализа, так и об их нетождественности. Если первый направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений, то концептуальный анализ в большинстве работ предстает как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Исключение здесь составляет только работа В.А. Пицальниковой [4]. Семантический анализ, как правило, связан

с разъяснением слова, концептуальный анализ ведет к знаниям о мире. Однако здесь еще много неясностей. Сами основания, указанные для различия, вызывают сомнения хотя бы уже потому, что описание семантической структуры слова вряд ли возможно без понимания его места в системе знаний о мире. Оценивая весьма скромно заслуги когнитивной лингвистики в области методов анализа, нельзя не обратить внимание на такое их достоинство, как возможность снятия назревших противоречий в семантическом анализе, представления в явном виде семантических отношений между разными словами как узлов когнитивной структуры, более наглядного и четкого объяснения семантических сдвигов, образования идиом, синонимии и т.п. И, кроме того, данный подход позволяет снять запрет на включение в анализ любого типа знаний, лишь бы он действительно находил свое отражение в языке. Поэтому справедливо будет утверждение, что изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям, поскольку мыслительные категории практически неотделимы от языковых категорий. Очевидно, что разные исследователи, причисляющие себя к когнитивному направлению, широко используют многое из того, что было апробировано ранее в семантическом анализе, в том числе и те идеи, которые высказывались задолго до того, как объявила о своем существовании когнитивная наука. Это безусловно отражает обычный ход развития научного знания в целом. Более того, именно наличием двух факторов – осознание новизны поставленных в настоящее время задач, с одной стороны, и традиционность их – с другой, можно объяснить то, что в наши дни, как никогда ранее, активизировалось внимание к идеям прошлого. На этом основании можно утверждать, что новизна направления определяется не столько дистанцированием от предшественников, сколько поиском своего места в богатом контексте накопленного «старой» наукой. О том, что сейчас идет процесс обновления методов, говорит также и то, что представители когнитивной лингвистики широко обсуждают достоинства и недостатки различных приемов анализа. Это верный путь, который ведет не к разграничению традиционных и новых методов, не к выдвижению единственно верного

подхода к языку, а к разработке широкой программы моделей описания языка.

Мне представляется наиболее вероятным следующее направление исследовательской работы: направленность на поиски общего метода как вычленения именно той стороны языка как объекта исследования, который признается важнейшим в когнитивной теории языка. В этом смысле метод создает предмет исследования, который с неизбежностью приобретает моделируемый характер. Следовательно, речь пойдет о выборе модели. Представим их возможный спектр: модель как отражение свойств явления; модель как абстрактная структура представлений, замещающих сложный объект в целях теоретизации; модель как набор постулатов об объекте с их последующей интерпретацией; модель как физическая абстракция; модель как эвристическая форма для сведения непривычного к привычному, т.е. для построения новых объектов; модель как описание старого объекта новым теоретическим языком; модель как средство теоретического познания; модель как воспроизведение сложного оригинала на основе полагаемой общности; модель как гипотеза объекта; модель как формализация и интерпретация; модель как имитация.

Безусловно, многие из исчисляемых моделей носят метафорический характер, но именные научные метафоры, как намечал В.А. Звегинцев, все больше приобретают характер нового метода, тем более, что метафораметод в гносеологическом плане может рассматриваться как когнитивный тип метафоры. А феноменологически накопленные знания служат, как правило, основой для построения методик исследования, накопление новых, выводных знаний из феноменологических требует знаний более универсального характера, которые отражали бы в сознании исследователя онтологические сущностные представления о типах наблюдавшихся объектов или об их аналогах. Такие знания формируют концепцию, которая в образцовой, высшей своей форме представляет научную теорию. В соответствии с целями исследования требуются проверенные исследовательской практикой приемы логического перехода от «больших» и «малых» посылок к выводам о ненаблюдавшихся феноменологических свойствах объекта. Эти приемы и составляют ме-

тод исследования. Вычленение той или иной области знания – в нашем случае когнитивной лингвистики – в самостоятельную дисциплину мы можем считать, вслед за П.Б. Паршиным и Е.С. Кубряковой, состоявшимся лишь при наличии следующих условий. Границы объекта четко оформились, сложились методики получения новых феноменологических знаний о свойствах этого объекта, существует концепция дисциплины, дающая целостную онтологическую картину природы изучаемого объекта, разработан метод (или комплекс методов), позволяющий на основе новых феноменологических знаний об объекте и ранее установленных концептуальных или теоретических знаний получить логическим путем новые знания о свойствах изучаемого объекта. Тем самым эффективная исследовательская деятельность возможна в том случае, если она имеет в своем составе все необходимые компоненты ее структуры, и в первую очередь – метод. Говорить же об особом методе когнитивной лингвистики пока преждевременно.

Литература

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века// Язык и наука конца ХХ века. - М., 1995.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике. - М., 1987.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. - М., 1995.

Пицальникова В.А. Теория значения: синергетический аспект //Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. - Барнаул, 2001.

Белоусов К.И.

ХРОНОГЕОМЕТРИЯ ТЕКСТА

Управляющими параметрами процессов самоорганизации текста являются мотивационно-целевые установки человека и универсалии формообразования любого природного объекта. Первый из указанных параметров позволяет говорить о тексте как о функциональной системе, поскольку продуцирование / восприятие текста всегда функционально направлено на достижение кон-

кретного результата коммуникации. Второй параметр определяет единые для природных систем паттерны самоорганизации. Взаимодействие управляющих параметров создает возможность рассматривать текст как функциональную систему, пути эволюции которой опираются на природные универсалии. Текст как функциональная система состоит из многих подсистем, взаимодействующих друг с другом по принципу взаимодействия. Каждую из таких подсистем можно рассматривать как отдельную функциональную систему, и поэтому сам текст предстает в виде ансамбля функциональных систем.

Достижение полезного результата связано с у становлением функциональной системой единого темпоритма ее различных подсистем, образование конгруэнтных друг другу топологически организованных паттернов. В качестве таких подсистем можно, в частности, рассматривать просодическую и эмоциональную системы текста. Просодика текста основывается на его физическом бытии в виде акустического сигнала, что позволяет применять аппаратурные методы для описания этой подсистемы. Эмоциональность текста, понимаемая как такая структурированная сторона его организации, которая обусловлена качеством, способным вызывать в процессе восприятия текста динамический континуум эмоций в психике человека, базируется на ментальном бытии текста и выявляется опосредованно лишь в ходе психолингвистических исследований. Однако просодическая и эмоциональная функциональные системы, несмотря на относительную независимость друг от друга, стремятся к кооперативному развитию: просодика текста, как никакая другая его сторона, «переполнена» эмоциями продуцента, и с другой стороны, эмоциональное переживание реципиента основывается, в первую очередь, на осознании просодики воспринимаемого текста.

Организующим принципом просодики является ритм, поскольку он конституирует целое не только речевой, но и любой природы. Метроритмическая матрица как модель формы текста, есть описание ритмической организации целого (текста), что было выявлено в результате изучения просодической организации текста с помощью аппаратурных методов исследования устной

речи. Метроритмическая матрица (теоретическое описание формы текста) коррелирует с просодической матрицей текста, что позволяет говорить о метроритмической матрице текста как об интегративной просодической единице. Просодическая сторона речепорождения представляет особую значимость, поскольку, будучи рассмотрена в аспекте теории речевой деятельности, представляет собой в изучении процессов материализации мотивов, замыслов, целей речевой коммуникации наиболее «прозрачный» и операциональный ее «уровень», связанный, в частности, с эмоциональным пространством текста. Поэтому мы можем высказать предположение, что форма текста начинает формироваться еще на этапе мотивации, но природа ее, конечно, отлична от той природы, которая нам дана на материале произнесенного текста. Можно говорить о форме целого, которое на этапе мотивации имеет психологическую природу, а на этапе вербализации – физическую. Естественно, в этом процессе на «выходе» происходит «искажение» той изначальной формы целого в силу ряда причин: многомерности психической природы и ее континуальности и одномерности линеаризованного текста и его дискретных единиц. Но, несмотря на очевидное «искажение», комплексы симметрии и асимметрии должны, по закону П. Кюри, сохраняться. И здесь мы вступаем в интереснейшую область возможного моделирования на основе физической формы – формы идеального целого, что является предметом перспективных исследований.

Исследования кооперации просодической и эмоциональных подсистем текста проводилось с помощью аппаратурных и психолингвистических методов. Связь между эмоциональным и динамическим «уровнями» текста обнаруживается в корреляции динамического с эмоциональным контуром текста, полученным в ходе психолингвистического исследования. Данный факт говорит о том, что форма текста представляет не только физическую реальность, являясь интегративной просодической единицей, но и реальность психическую, связанную с эмоциональным пространством человека.

Итак, текст есть самоорганизующаяся функциональная метасистема, отдельные системы которой стремятся установить по отношению друг к другу единые

темпо-ритмические параметры эволюции. Коммуникативно успешным может считаться текст, в котором происходит согласование (кооперация) таких систем. Зона зачина текста ($0; 0,146$) от размера текста, принятого за единицу, является пространством «схождения» путей эволюции отдельных систем к их дальнейшему кооперативному взаимодействию, проявляющемуся в конгруэнтных друг другу паттернах интенсивности процессов эволюции этих систем в зависимости от пространственно-временной локализации. Позиция гармонического центра зоны начала ($0,236$) есть первая кооперативная позиция в эволюции метасистемы – текста. В позициях гармонических центров ($0,236; 0,618$), абсолютно слабых позициях ($0,382; 0,854$), а также в позиции $0,944$ от абсолютного начала текста наблюдаются явления осцилляции, то есть увеличивающейся амплитуды динамических и отчасти эмоциональных процессов текстообразования, что позволяет рассматривать сами позиции как осцилляторы в процессах речевой деятельности.

Босова Л.М.

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕВОДА КАК ВИДА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Перевод – процесс творческий, многогранный, не-простой, во многом противоречивый – является уникальным средством не только общения (коммуникации) между представителями разных культур, но и средством распространения идей, опыта, знаний, т.е. культуры в самом широком значении слова.

В последнее время появляется множество исследований, рассматривающих перевод с разных точек зрения, а также вопросы, связанные с процессом перевода – как в теоретическом плане, так и в практическом. Особенно широко это сложное и многоаспектное явление исследуется как коммуникативный процесс с методических и лексико-стилистических позиций, при этом до сих пор не уделяется должного внимания анализу когнитивных аспектов организации коммуникации, каковым может являться, в частности, разработка и построение системы фреймов, конституирующих ситуации об-

щения с выявлением общего и частного и периферийного в них, вовлечением в круг анализа знаний и представлений инофонной культуры о мире с целью прогнозирования и выбора адекватных коммуникативных стратегий. Проблемы межкультурной коммуникации, как и речевого общения в целом, должны рассматриваться в тесной связи со знанием, мышлением, практической деятельностью человека.

Перевод есть особая речевая деятельность, которая включает процесс реконструкции переводчиком на базе его концептуальной системы доминантного смысла исходного текста, а в основе теории перевода лежит концептуальный анализ, при котором содержание текста представляется как функциональное поле смысла, а не речевая актуализация семантического поля какой-либо лексемы. Переводческому процессу должен предшествовать анализ «взаимоотношений доминантного смысла текста как синергетического процесса смыслопорождения, представленного вербально, в котором лексемы не реализуют некое абстрактное системное значение, а фиксируют актуальные субъективные авторские смыслы с помощью конвенциональных семиотических единиц» [1, с. 113]. Профессиональный переводчик должен стремиться к адекватному отображению авторского смысла, а потому актуализировать доминантные структурно-смысловые связи текста и соотносимые с ними ментальные содержания. Однако прежде чем переводчик приступит к собственно переводу, ему предстоит стадия восприятия оригинального текста, выявление его смысла – прагматической, семантической, синтаксической информации. При сопоставлении двух или нескольких языков актуально «изучение даже не специфики в семантике языков, а характера обнаружения национальной специфики смыслов речевого произведения в процессе понимания» [1, с. 108].

Одной из характерных свойств перевода является «двуполярность», поскольку принимающий решение переводчик постоянно находится между двумя языковыми и культурными полями. Текст перевода всегда устремлен в чужую культуру, он никогда с ней не порывает (он не может лишиться национальной специфики, утратить свое культурное своеобразие). Переводчик по-

стойко пребывает в поиске, связанном с выбором из возможных вариантов, при этом он пользуется собственными лингвистическими и когнитивными знаниями, ориентируясь и на предположительные когнитивные и лингвистические знания потенциальных реципиентов. Стремление переводчика сохранить особенности языка и культуры оригинала часто встречают сопротивление родного языка и культуры. Любое оригинальное произведение воспринимается как таковое носителями языка только в случае соблюдения всех его законов. Перевод – не просто перенос произведения из одной языковой и культурной системы в другую, но и постоянное моделирование ее ментальной сферы. В реальном межкультурном взаимодействии фоновые знания постоянно уточняются, перефокусируются, перестраиваются, приумножаются благодаря введению новых параметров и связей в известные когнитивные структуры, т.е. когнитивная перестройка фреймов выступает обязательным условием приближения к содержанию когнитивной структуры иносказуемого.

Проблемы взаимоотношения языка, культуры и сознания и процессы межкультурного общения уже в течение почти двух десятков лет занимают одно из центральных мест в проблематике языковых исследований. Теоретической основой таких исследований является представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отражаются в его деятельностном отношении к действительности, а деятельностный процесс с необходимостью включает исследование языка как знаковой системы, поскольку опосредуется знаками. Взаимодействие структур сознания и структур действительности, его характер определяются процессом деятельности. Поэтому нет однозначной корреляции между структурами сознания и формой языка, напротив, язык обладает значительной свободой варьирования в репрезентации смысловых образований.

При переводе как виде речевой коммуникации, наряду с реализацией языковых систем (языка-оригинала и языка-перевода), их адекватности и различия, правил и норм их передачи с одного языка на другой, важное

место занимают психологические механизмы восприятия, понимания, работы памяти, выражения, мотивации, операции переформирования мыслей. Хотя создание текста перевода всегда опосредовано его ориентированностью на иноязычный оригинал, и переводчик общает об уже состоявшемся акте коммуникации на исходном языке, он в то же время *создает новый текст на языке перевода, обладающий относительной самостоятельностью*.

Проблема языкового перевода как когнитивного процесса – это вопрос о том, как происходит *процесс выражения человеком одних и тех же мыслей средствами двух разных языков*, ибо здесь налицо переключение мышления с одного языка на другой, поэтому перевод и считают необыкновенным видом речи, а *особым мыслительным процессом*, таким образом решение вопроса перевода всегда непосредственно связано с вопросом *взаимоотношения языка и мышления*.

Поставленная проблема рассматривается нами на основе положения Л.С.Выготского о целостном, системном и смысловом строении сознания, о единстве его процессов и содержаний, явлений и функций [2]. Трактовка автора категорий цельности, системности и осмысленности предполагает их соотнесение с некоторым содержанием сознания индивида, полученным в результате интерпретирующей деятельности последнего при его взаимодействии с некоторой знаковой продукцией. Известно, что цельность, системность и осмысленность представляют собой характеристики ментального образования как результата понимания, объектом которого выступают языковые знаки, а субъектом их recipиент.

Представляется важным акцентировать, что *понимание текста рассматривается как система смыслов (концептов)*, слагающаяся в сознании индивида с обязательным учетом бессознательного. Компонентами подобного комплекса являются смыслы слов, составляющие текст. Смысл или концепт состоит, в свою очередь, из других концептов как его семантических анализаторов и непрерывно связан с остальными концептами системы [3]. Перевод как вид речевой деятельности является собой *коммуникативный процесс*, который включает

процесс когнитивный, поэтому "порождая" переводный текст, переводчик тем не менее должен *создавать и когнитивные структуры с целью познания некоторой ситуации*. Иначе говоря, адекватное представление ситуации на языке перевода неизбежно предполагает ее *когнитивный анализ*.

Перевод как когнитивный процесс характеризуется, с одной стороны, известной заданностью, которая ограничена концептуальной системой автора, с другой стороны, реализация смыслового содержания исходного текста на языке перевода возможна только при неизбежной реконструкции авторского смысла под влиянием концептуальной системы переводчика. Иными словами, в *процессе перевода происходит непрерывное взаимодействие двух концептуальных систем - автора и переводчика*.

Переводческая деятельность аналогична по своей структуре другим видам речевой деятельности, которой свойственен континуальный характер. *Перевод состоит в перекодировке информации, которая, не только допускается, но и предполагается на когнитивном уровне языка*.

Подобный взгляд на перевод прослеживается и в работах Ю.М.Лотмана, выдвинувшего идею "семиосферы" как результата и условия развития культуры [4, с.269]. Согласно такой трактовке, перевод характеризуется континуальностью и представляет собой процесс, в котором знаки находятся в динамических отношениях друг с другом. При этом происходит своего рода аппроксимация между объектом и интерпретатором. Суть ее состоит в том, что интерпретатор постоянно стремится понять объект с помощью перевода одних знаков в другие. При этом перевод носит *двунаправленный характер*, так как интерпретатор и объект постоянно меняются местами, выступая одновременно и как культура-репципиент, и как культура-источник.

Переводчик иноязычного текста фактически является *толкователем и интерпретатором*. Обладая свободой выбора из нескольких возможных вариантов перевода одного иноязычного элемента, он действует по требованиям, предъявляемым ему, с одной стороны, прави-

лами языка (грамматика, словоупотребление, сочетающиеся и т.д.), с другой стороны, самим текстом (семантика, стиль, актуальность). Но при этом переводчик обладает структурами своего собственного языкового сознания, являясь одновременно реципиентом и речепорождающим субъектом. Языковое сознание, по А.Н.Леонтьеву, "есть форма фиксации и структуризации общественного опыта людей, знаний о мире [5, с.45]. Тем самым подчеркивается знаковая природа сознания и выделяется та его область, где процессы протекают преимущественно с опорой на вербальные знаки.

При выборе конкретного варианта перевода того или иного языкового элемента переводчик поступает по-переменно в соответствии либо с требованиями языка (своего или переводного), либо текста и его структуры, либо привносит в текст элементы своего тезауруса и своего мироощущения.

Переводчик, являясь не только создателем подстрочного перевода, но и организатором языкового материала на родном языке, должен следовать законам родного языка и организации текста на своем языке. С другой стороны, переводчик выступает как речепорождающий субъект со всеми присущими ему особенностями как психологического, так и психофизиологического плана. Системность переводного текста задается также и системностью интеллекта, и эмоциональной сферы переводчика. Вербализуя мысль и осмысливая чувство, индивид ограничивает процесс словесной парадигмой как единственным возможным способом материализации внутреннего мира.

Таким образом, необходимым условием понимания текста является наличие у реципиента когнитивной базы, которая включает как общеизвестные, так и специфические знания, при этом не менее важным фактором представляется и презентация в сознании индивида языковой структуры текста.

В процессе восприятия и понимания текста важная роль принадлежит так называемой *ситуационной модели*, которая является когнитивным представлением в памяти событий, действий, лиц и вообще ситуаций, о которых говорится в тексте. Так как большинство ин-

формации, получаемой индивидом, не является для него абсолютно новой, при понимании текста он обращается к знаниям, уже представленным в его памяти, структурно организованным.

Изучение языкового проявления деятельности человеческого сознания непосредственно связано с познанием когнитивной системы, которая обеспечивает всю эту деятельность. Язык же рассматривается как глаенальная когнитивная составляющая этой системы.

Теоретические и экспериментальные исследования языка дали сведения о таких когнитивных структурах, как память, восприятие, мышление и т.п. На их основе были выявлены структуры хранения знаний, начиная от единичных представлений и кончая сложными пропозициональными структурами, фреймами, сценариями и т.п., что позволило говорить о существовании упорядоченных способов хранения и переработки информации.

Сторонники когнитивизма выделяют универсальные (не зависящие от конкретного языка) и неуниверсальные когнитивные процессы при интерпретации текста и восприятии действительности. Так, В.З.Демьянков различает «переменные когниции», которые варьируются от языка к языку (например, морфемы, синтаксические конструкции, прототипы) и универсальные стратегии использования этих когниций при продуцировании и интерпретации сообщений на конкретном языке. Набор знаний и стратегий обновляется по мере взросления человека, среди новых стратегий особое место занимают оптимизирующие стратегии, которые в отличие от исходных универсальных когнитивных стратегий свойственны далеко не каждому типу личности. В результате взаимодействия опыта человека со все расширяющимся запасом оптимизирующих стратегий, расширяется его когнитивная система [6, с.28-29]. При этом универсальные стратегии заданы самой биологической структурой человеческого мозга, знания же и оптимизирующие стратегии накапливаются и постепенно приводят к перестройке универсальных стратегий. Таким образом, человек обладает некоторым набором знаний и представлений, которые приобретаются и интерпретируются с помощью различных стратегий.

Неоднороден и набор знаний и представлений, он включает

1) индивидуальные знания и представления, 2) групповые знания и представления, связанные с принадлежностью человека к различным социальным группам, 3) национальные. Соответственно, В.В.Красных выделяет индивидуальное когнитивное пространство (определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает человек), коллективное когнитивное пространство (определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все личности, входящие в тот или иной социум, ту или иную группу), когнитивная база (определенным образом структурированная совокупность обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке) [7, с.45]. В многокультурном социуме *когнитивная база* этого национально-лингво-культурного сообщества составляет «ядро» *когнитивных пространств* (национального и коллективных), в силу чего они также оказываются национально-детерминированными и национально-маркированными [7, с. 46].

Таким образом, *человек обладает своим индивидуальным когнитивным пространством, а также набором коллективных когнитивных пространств всех социумов, в которые он входит, и когнитивной базой национально-лингво-культурного сообщества, членом которого он является.*

Когнитивные пространства и когнитивная база формируются *когнитивными структурами*, которые представляют собой «некую «содержательную» форму кодирования и хранения информации»[7]. По определению Н.И.Чуприковой, это «внутренние относительно стабильные психологические системы репрезентации знаний в самом широком смысле слова, которые вместе с тем являются системами извлечения и анализа текущей информации. Это своего рода «кристаллизованные» матрицы получения всех знаний о мире» [8, с.31].

При этом онтогенетическое развитие когнитивных структур идет по линии их прогрессивного усложнения, по линии роста их системной иерархической организации. Одним из основных принципов такого усложнения является принцип системной дифференциации: более развитые, сложные, высоко расщепленные и иерархически упорядоченные когнитивные структуры, допускающие глубокий, широкий, многоаспектный и гибкий анализ и синтез действительности, развиваются из более простых, диффузных, глобальных или плохо расщепленных структур (там же).

Таким образом, *информация из окружающего мира извлекается, используется и запоминается субъектом в той мере и в такой форме, как это позволяют когнитивные структуры*, которые являются определенным образом организованными и структуризованными участками когнитивного пространства или базы.

В науке выделяются различные по объему и наименованиям когнитивные структуры: фреймы, схемы, сценарии, планы и т.д. Минимальной когнитивной структурой некоторой информации можно считать *значение*, представляющее собой «устойчивую, но внутренне (принципиально) динамичную структуру, реализующую определенный способ познания действительности, дискретированную определенным звуковым образом, который поэтому и входит в значение, и символизирует его» [9, с. 35]

По определению В.А.Пищальниковской, модель системы значения включает четыре компонента: акустическая оболочка, когнитивная структура, мотив, невербальные ассоциации. «Внутренняя взаимосвязь акустического образа, мотива, когнитивного способа категоризации и невербальных ассоциаций – это и есть значение как когнитивная структура, стабильно-нестабильная структура как основа смыслопорождения» [9, с.37]. А связи внешних по отношению к ней компонентов (акустической оболочки, эмоции, актуализированного когнитивного признака, вербальных ассоциаций) автор справедливо называет структурой актуального содержания в данном процессе речепорождения или смыслом. В процессах смыслоречепорождения обе эти структуры не-

делимы и их взаимодействие порождает определенное ментально-речевое содержание.

Разработанная В.А.Пиццальниковой модель значения как когнитивной структуры универсальна, может выступать моделью любого типа значения/ смысла. Значение – это познавательная структура, которая задает и способ языковой обработки индивидуального опыта (состоит не с конкретным образом, а с целым классом, что способствует объединению и упрощению различных предметов и явлений), и способ понимания речевого произведения. Значение является формой «представления всего цельного понятийно-образного компонента отображаемой действительности», в связи с этим именно через значение можно выйти на содержание мышления как процесса, исследовать его национальную специфику и универсальные черты. Значение слова как минимальная когнитивная структура позволяет исследовать и описывать содержание когнитивных пространств и когнитивной базы, так как будучи ментальным феноменом, является минимальным составляющим элементом этих ментальных образований. Тот факт, что значение также является и речевым феноменом дает возможность использовать язык (лексику) как источник данных в когнитивных пространствах и базах. Значение как «когнитивная структура некоторого знания» выступает компонентом континуального мышления и «принадлежит дискретным единицам речи/языка». Именно эта структура (значение) и «задает способ понимания речевого произведения» [9, с.118].

Особое место в процессе перевода занимает *проблема понимания*. Понимание представляет собой уникальную характеристику интеллектуальной деятельности человека, которая всегда налицо на любом уровне познания или общения. Процесс понимания направлен на выполнение определенной конструктивной деятельности на основе имеющихся у индивида знаний: выдвижение предположений, суммирование, восстановление информации, ее организация, выведение заключений, включение (интеграция) полученной новой информации в уже существующую картину мира индивида. «Понимание – это не пассивное механическое движение от значения к смыслу. Это сложный, целостный психо-

логический процесс. И начинается он с поиска общей мысли высказывания, в котором огромное значение имеют предвосхищение и установка, возникающие в языковом сознании слушателя (читателя)" [10, с. 74].

Понимание связано со сложными формами организации смысла, который раскрывается через знак – символ. Однако, понимание текста заключается не только в установлении значений лингвистических единиц, составляющих текст, но и в конструировании когерентной смысловой структуры текста и ее интеграции с существующей когерентной "картины мира" субъекта понимания, его индивидуальной когнитивной системой.

Возможность понимания и, в конечном счете, возможность присвоения знания определяется психологическими факторами и прежде всего ассоциативно-апперцепционным характером мышления. Присвоение нового знания происходит на базе чувственно-логического содержания концептуальной системы, путем установления новых ассоциативных связей между концептами.

Понимание – это встречное порождение высказывания, оно происходит на основе сформированного прогноза о структуре и содержании текста. Как убедительно доказывает в своих исследованиях О.Д.Кузьменко-Наумова, модель смыслового восприятия слов соответствует обобщенной модели речепроизводства, из чего можно заключить, что и при понимании происходит переструктуривание семантических признаков, входящих в слово [11].

Об адекватности понимания можно говорить только при условии соотнесения предметной или ментальной ситуации с реальностью отражаемого текста. Вторая сторона понимания состоит в движении от реалий лингвистического порядка, от дискретно организованного текста к его континуально построенной возможности, к его контексту. В этом аспекте обнаружается огромная моделирующая сила слова и стоящей за ним языковой культуры. Слово вместе со своей концептуально-логической структурой способно не только выразить практически возникающую ситуацию, но также моделировать огромное число совершенно новых ситуаций,

возможных или невозможных в действительности. Схваченные словом предметные или мысленные ситуации получают свое символическое и культурное бытие, становятся фактом культурно-организованного сознания. При этом следует подчеркнуть, что пониманию подвергается не само слово как таковое, но слово в реальности текста, слово, моделирующее определенные контексты значений и подчиненное некоторому общему контексту, непрерывности авторского замысла.

Понимание текста опирается на его взаимодействие с контекстом, представляющим собой континуум всех отношений знаковых элементов, моделирующих те или иные представления о реальности. Взаимная связь элементов, определенная замыслом, детерминирует текстовое бытие данного слова. Тогда *понимание слова – это его отношение к тексту как целому*.

В тексте словесный материал помимо своих языковых значений приобретает еще и значения, обусловленные его организацией в рамках текстовой целостности, его ориентацией на общий смысл произведения и внутренние соотношения различных его элементов.

Чтобы понять текст, необходимо увидеть его как способ существования духовной реальности, как важный механизм духовного производства. Подобно слову, смысл которого нельзя исчерпать во всех возможных контекстах, понимание текста сосредоточивается на той схеме возможностей, которая в нем заложена и в отношении которой действительное содержание есть не что иное, как единичная реализация возможных осмыслиний.

В самом общем виде *адекватным* с точки зрения деятельности теории перевода признается такой перевод оптимально организованного художественного текста, который *обеспечивает развитому реципиенту перевода возможность усматривать и понимать содержательность, состоящую из содержания и некоторой конфигурации смыслов и идей, максимально близкую содержательности усматриваемой и понимаемой реципиентом оригинала*.

Таким образом, знание особенностей культур языка источника и языка перевода, как и понимание перево-

димого текста в его богатстве национально-культурной семантики, является необходимым условием перевода как акта межкультурной коммуникации.

Все высказанные подтверждают мысль о том, что перевод как средство коммуникации неразрывно связан с явлениями, имеющими когнитивную природу, более того, именно *когнитивные параметры лежат в основе коммуникативных процессов* и должны учитываться при разработке и внедрении коммуникативных стратегий. Учет когнитивной основы вербальной коммуникации способствует дальнейшей разработке коммуникативных стратегий и их успешному внедрению в процессы общения не только внутри одной языковой общности, но и между представителями разных социумов.

Литература

- Герман И.А. Лингвосинергетика. – Барнаул, 2000.
 Выготский Л.С. Мысление и речь. - М., 1992.
 Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико - функциональный анализ языка. – М., 1983.
 Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек, текст, семиосфера, история. – М., 1996.
 Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1983.
 Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 39-77.
 Красных В.В. Виртуальная реальность и реальная виртуальность. – М., 1998.
 Чуприкова Н.И. Принцип дифференциации когнитивных структур в умственном развитии, обучение и интеллект // Вопросы психологии. – 1990. - № 5. – С. 31-39.
 Пиццальникова В.А. К основаниям динамической теории значения // Языковое бытие человека и этноса. – Барнаул, 2001 – С. 108-122.
 Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – Москва, 1998.
 Кузьменко-Наумова О.Д. Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. – Куйбышев, 1980.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭТНОКОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ СТЕРЕОТИПА «Я» РУССКИХ И АЛТАЙЦЕВ

Взаимообусловленность языка и культуры осложняет синхронные лингвокультурологические исследования живых коммуникативных процессов, но и вместе с тем служит механизмом отражения специфики локальных культур в языке, «смоделированности в тексте» [1, с. 35], а также представленности языка как универсального способа обнаружения специфически культурологических черт этноса. Все чаще в настоящее время предметом исследования современной науки становится национальный (этнический) менталитет; предпринимаются многочисленные попытки описания менталитета конкретной нации (этноса).

Теоретической базой этнопсихолингвистики в современной науке являются ведущие концепции этнолингвистики, лингвокультурологии, этнопсихологии, психолингвистики. Так, лингвокультурология, изучая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка, ориентирована на современное состояние и функционирование языка и культуры. Ее цель – описание обыденной картины мира, исследование повседневной речи носителей языка, а также выявление вербальных способов воплощения, хранения и трансляции культуры. Можно было бы говорить, по-видимому, о выявлении культурологически обусловленных когнитивных структурах, формируемых у каждого отдельного носителя языка. Вместе с тем, несмотря на то, что многочисленные концепции интерпретации этноса как локальной культуры, лингвокультурология не исследует этнический фактор ни в языке, ни в менталитете, ни в культуре, апеллируя, однако, понятиями «народный менталитет», «этническая картина мира», «этнореалия» и под. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо более точное обоснование культурного и культурологического в языке, тем более, что лингвокультурология акцентирует три основных характеристики культуры. Культура – это явление национальное, этноцентристическое и прототипическое [2, с. 27-28].

Этнолингвистика, напротив, абсолютизирует этническое в языке, сформированное в историческом прошлом. Неясно, почему этнолингвистика не в состоянии исследовать синхронные языковые процессы (обусловленные этнически). Этнолингвистика как «раздел языкоznания или - шире - направление в языкоznании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [3, с. 27], имеет давнюю традицию исследования социальных факторов развития языка, национальных, народных, племенных особенностей этноса, используя при этом методы и приемы диалектологии, фольклористики, этнической истории.

Проблематику социальной психологии и социологии составляют: проблема выявления и описание некоторых стереотипов самооценки этноса или оценки его представителями других этносов (авто- и гетеростереотипы) в рамках национальной психологии; проблема социальной дифференциации форм коммуникации в том или ином национальном коллективе, а также проблема интерпретации специфики этой дифференциации в разных национально-культурных общностях; вопросы, связанные с национальными традициями, обычаями, рассматриваемые как часть национальной культуры.

Культурно-психологическое своеобразие этносов и иных больших устойчивых групп слагается исторически, часто усилиями многих поколений, поэтому подлинная природа социально-психологической консолидации таких общностей может быть вскрыта только посредством историко-психологического анализа. Так, исследования этнической идентичности Т.Г. Стефаненко расширяют и обогащают представления о формах и механизмах психологической интеграции социальных групп. Автор показывает, что этнодифференциирующими признаками, на основе которых строится осознание этнической принадлежности, могут быть самые различные и подчас неожиданные элементы материальной и духовной культуры [4].

Кроме того, как указывал Г.Г. Шпет, «сфера этнической психологии априорно намечается, как сфера дос-

тупного нам через понимание некоторой системы *знаков*, следовательно, её предмет постигается только путем расшифровки и интерпретации этих знаков» [5, с. 306]. В интерпретации вербальных знаков, в установлении их значения мы находим предметную область этнопсихолингвистики.

Необходимость выявления специфики сложнейших коммуникативных процессов в современных многонациональных и/или полиэтнических обществах привела к интеграции этнографических, этнологических, социальных, психологических, лингвистических исследований в рамках этнопсихолингвистики.

Обозначились исследования этнопсихолингвистической детерминации речевой деятельности, языкового сознания, общения; верbalных и невербальных словарей и грамматик этнического поведения, контрастивное сопоставление «текстов», обслуживающих тот или иной этнос, «идеологической семантики» (т.е. семантики генезиса и взаимосвязи значений), «надстраивающейся» над «технической семантикой», с учетом взаимодействия и взаимозависимости и идеологических, и технических семантик и др.

В результате разброса предметной области этнопсихолингвистики, непоследовательности в разграничении аспектов изучения и акцентирования подчас противоположных явлений этнопсихолингвистические исследования в настоящее время не имеют достаточной цельности и единого теоретического обоснования.

Дальнейшие исследования языка в контексте культуры, по прогнозам А.А. Залевской, «будут вестись в русле интегративного подхода при возрастании роли теоретических построений и с применением разнообразных процедур обращения к языковому сознанию представителей разных этносов для выявления естественных механизмов семиозиса и влияния комплекса факторов на реальные процессы означивания и взаимопонимания в условиях межкультурного общения» [6, с. 80]. В комплексе проблем, которые решает психолингвистика, наиболее важной, на наш взгляд, остается проблема выявления национально-культурной специфики смыслообразования, решение которой позволит скорректировать многие представления, касающиеся категории картины

(образа) мира. Национально-культурная специфика смыслообразования в межнациональных и межэтнических контактах обеспечивает понимание и сосуществование этнических коллективов. Именно наличие такой специфики позволяет представителям этносов обмениваться национально-культурной информацией независимо от их врожденных физиологических и психических особенностей. Речевые действия носителей разных культур могут стать базой для осознания механизма возникновения и функционирования национально-культурной специфики смыслообразования в разных этносах.

С целью моделирования когнитивной структуры этнических стереотипов русских и алтайцев в 2001 г. в г. Горно-Алтайске было проведено ряд экспериментов. В экспериментах приняло участие и русское, и алтайское население Республики Алтай. Этническая ситуация на территории Республики Алтай в настоящее время складывается следующим образом: алтайцы составляют 81 % населения республики, русские – 60 %, казахи – 6 % и т.д. Название «алтайцы» сегодня объединяет названия всех тюркоязычных этносов, проживающих на территории Республики Алтай.

На одном из этапов эксперимента алтайским и русским студентам было предложено ответить на вопрос «Кто я?» [7, с. 180-189]. В эксперименте участвовало 65 студентов алтайского отделения и 67 студентов русского отделения филологического факультета Горно-Алтайского госуниверситета. Было получено 949 реакций алтайских студентов и 953 реакции русских студентов. Анализ полученных данных показал, что в фиксации личностных характеристик выделяются следующие стратегии:

- **фиксация эмоционально-оценочных характеристик:** подруга 21, друг 18, личность 17, добрый/ая 11, любимая девушка 9, спокойная 8, хороший/ая 8, гордый/ая 7, индивид 6, помощница 6, хорошая подруга 6, скромная 5, веселая 4, живое существо 4, простая девочка 4, умный/ая 4, вежливая 3. - 42,4% реакций алтайцами; добрый/ая 24, личность 23, подруга 21, умный/ая 19, сильный 18, веселый/ая 13, красивый/ая 11, любимый/ая 11, любящий/ая 10, хороший/ая 9, эго-

ист/ка 8, друг 7, заботливый/ая 7, индивидуальность 7, красавица 7, общительный/ая 7, ответственный/ая 6, вежливый/ая 4, ленивый/ая 4, лентяй/ка 4, нежная 4, патриот/ка 4. - 59,9% реакций русскими.

• **фиксация семейно-родственных характеристик:** дочь (дочка) 27, сестра 26, будущая мать (мама) 19, жена 13, родственник/ница 13, будущая жена 12, сосед/ка 8, будущий отец 6, внучка 6, дочь своих родителей 6, мама (мать) 6, тетя 6, отец 5, старшая сестра 4, сын 4, любимая внучка 3. - 20,9% реакций алтайцами; дочь (дочка) 25, внук (внучка) 21, сын 14, будущая мать (мама) 11, брат 10, сестра 8, племянник/ца 6, будущая жена 4, жена 4, тетя 3. - 14% реакций русскими.

• **фиксация профессиональных характеристик:** студент/ка 51, будущая учительница (будущий учитель) 19, спортсмен/ка 12, будущий педагог 10, студентка ГАГУ 8, будущий филолог 7, первокурсник/ница 6. - 17,8% реакций алтайцами; студент/ка 52, спортсмен/ка 13, водитель 5, автолюбитель 2, актриса 2, баскетболист 2, будущий специалист 2, будущий филолог 2, призывник 2. - 11,4% реакций русскими.

• **фиксация половозрастных характеристик:** человек 39, девушка 29, женщина 6, ребенок 5, юноша 4, восемнадцатилетняя 3, мужчина 3, девчонка 2, совершеннолетняя 2, была ребенком, мальчик, парень. - 10% реакций алтайцами; человек 42, девушка 33, парень 9, мужчина 7, женщина 5, юноша 3, ребенок 2, мальчик, совершеннолетняя. - 10,8% реакций русскими.

• **фиксация социально-этнических характеристик:** алтайец (алтайка) 29, гражданин/ка РФ 13, гражданин/ка 6, житель/ница Республики Алтай 6, член общества 3, квартирантка 2, россиянка 2, абориген Алтая, Алтая, горжусь тем, что живу в Республике Алтай. - 8,2% реакций алтайцами; русский/ая 7, гражданин 3, гражданин России 3, гражданка РФ 3, россиян/ка 3, житель, житель Горного Алтая, жительница Алтайского края, жительница г. Горно-Алтайска. - 2,7% реакций русскими.

• **фиксация имен собственных:** Айана Константиновна Штанакова, Алена, Аня, Артур, Нальчикова Суркурай Георгиевна, Тысова Камила Альбертовна, Шалдурова Анна Александровна. - 0,7% реакций алтайцами; Катерина, Катя, Леша, Марина, Ольга, Оля, Сергей, Сергей Геннадьевич, Шадрина, Юлия 2, Яна. - 4% реакций русскими.

Как видим, русские в оценке своего «я» ориентированы на эмоционально-оценочную стратегию, которая значительно превышает численность соответствующих алтайских реакций. Русские студенты, таким образом, отвечают скорее на вопрос «*какой я?*». Студенты-алтайцы ориентированы более на семейно-родственные отношения, количество их реакций превышает на 7% русские реакции. Это соответствует данным, полученным в ходе ассоциативного эксперимента, проведенного в 2000 г. среди алтайского и русского населения г. Горно-Алтайска. В качестве слов-стимулов применительно к ассоциативно-смысловому полю «человек» алтайцами (не только студентами, но и школьниками, а также лицами со средним специальным и высшим образованием – всего около двух тысяч человек) были названы «брать», «дочь», «отец», «папа», «ребенок», «сын», в то время как русскими были названы «коллеги», «личность», «любимый человек».

Профессиональные характеристики также присущи в большей степени алтайским студентам (разница с реакциями русских студентов составляет более 6%). Для алтайцев в целом очень важно профессиональное определение в обществе, кроме того, занятие алтайцем значительных социальных позиций сопровождается высоким авторитетом со стороны своей диалектной группы, своего сеока.

Социально-этнические характеристики, как показывают этносоциологические исследования, актуальны для этносов, по численности уступающих другому этносу. В связи с этим и алтайские студенты по сравнению с русскими чаще себя называют по признакам этнической и территориальной принадлежности.

Таким образом, моделируя когнитивную структуру «человек» по данным анализа автостереотипов русских и

алтайских студентов, выявляем, что этнокогнитивную структуру стереотипа «я» составляют следующие когнитивные признаки:

- «студент/студентка», «человек», «алтайец/алтайка», «сын/дочь», «друг/подруга», «личность» (для студента алтаяца);
- «студент/студентка», «умный/умная», «добрый/добрая», «друг/подруга», «дочь/сын», «личность», «человек» (для русского студента).

Литература

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.

Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999.

Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г.Г. Психология социального бытия. Москва – Воронеж, 1996, С. 261-372.

Залевская А.А. Актуальные проблемы этнолингвистики // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул, 2000. С. 74-80.

Кун М., Маркпартлэнд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1989.

Ионова М.Б.

РОЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АБСОЛЮТНО СЛАБЫХ ПОЗИЦИЙ В ПРОЦЕССЕ САМООРГАНИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

Определение роли абсолютно слабых позиций (далее АСП) в процессе самоорганизации текста – это выявление специфики их дифференцированного функционирования, а также способов взаимодействия друг с другом на глубинном уровне структуры текста. Инвариант-

ные характеристики границ позиционных срезов, преобладающий характер границ каждой АСП выявляют индивидуальные функциональные нагрузки АСП. Характер развития симметричных и асимметричных тенденций формообразования относительно АСП позволяют определить особенности взаимодействия данных позиций.

Симметричные границы в инварианте структуры текста представлены в двух АСП в равной мере. Их вероятность не велика по сравнению с более предпочтительными асимметричными крутыми и пологими границами. Преобладание крутых границ, характерное для АСП 1, свидетельствует о том, что волна концентрическости, запускаемая Абс. Н. и ориентированная на Абс К., набирает новую силу в АСП 1, затем убывает к АСП 2. Лидерство пологих в АСП 2 указывает на рост началостремительных тенденций к АСП 2. Такое перераспределение, отмеченное как тенденция, способно характеризовать АСП функционально. Предпочтения того или иного типа границы каждой из АСП в инварианте свидетельствуют о их дифференцированности, а также выявляет повторяющееся, закономерное в процессах самоорганизации текста.

В АСП с явным преобладанием одной из указанных тенденций возрастает вероятностная плотность одного типа границ и закономерно падает частотность другого, создавая тем самым угол гармонизации (далее УГ) разнонаправленных тенденций. О создании УГ можем говорить как об одном из показателей степени функциональной активности АСП 1 и АСП 2. АСП с выраженным расхождением в вероятностной плотности, а значит с большей величиной УГ более значима функционально. Если данные тенденции максимально приближены друг к другу, то будем считать АСП более нейтральной.

Асимметричные тенденции определяют динамически неустойчивые процессы самоорганизации текста как системы. Но вместе с тем существует некоторый порог их разнокачественности, достичь которого они нейтрализуются. Концентрические и началостремительные тенденции формообразования, поддерживаемые абсолютно слабыми позициями, обнаруживают зону сближения, которая устанавливает некоторый баланс между разнонаправленными тенденциями. Возникающая об-

ласть гармонизации уравновешивает нестабильные процессы, задаваемые развитием асимметрии.

Точка максимального сближения, пересечения двух тенденций названа *точкой гармонизации* (далее ТГ). Положение ТГ относительно пространственно-временной оси тела текста не статично, это объясняется зависимостью от следующих факторов: 1) смещение происходит в связи с вероятностным ростом/убывлением асимметричных тенденций (при стабильности симметрий) в АСП; 2) одна из АСП более активна функционально, что проявляется в разнице вероятностных перепадов между АСП 1 и АСП 2. При этом устанавливается прямая взаимозависимость различия в функциональных нагрузках АСП и величины отклонения ТГ: чем активнее одна из АСП, тем больше величина смещения.

ТГ смещается от пропорции ГЦ в сторону пред-ГЦ, реже – в сторону пост-ГЦ. Отклонения от ГЦ незначительны, принимая целый текст за единицу, среднестатистическая величина отклонения составляет 0, 041. Незначительное отклонение ТГ от пропорции золотого сечения позволяет говорить о закономерном стремлении ТГ к ГЦ.

Движение симметрии в инварианте относительно стабильно и обособленно. Минимальная степень нестабильности симметрии, отмеченная в отдельных выборках, не вносит существенных изменений в процесс самоорганизации текста. Наоборот, симметрия является устойчивым и нейтральным компонентом. Она действует как некая константа, на основе которой возникают спонтанные динамические процессы, задаваемые асимметричными факторами.

Таким образом, мы можем сформулировать следующие функциональные возможности абсолютно слабых позиций.

1. Функции АСП в целом не ограничены поддержанием процессов, задаваемых другими позициями, но способны выполнять определенную специфическую роль в формообразовании текста. Это проявляется в поддержке начало-/или концестремительных тенденций динамики формы текста. При этом дифференцированность функциональных нагрузок АСП в инварианте проявляется в поддержке АСП 1 концестремительных, АСП 2 – началостремительных тенденций формообразования.

2. Функции АСП способны быть взаимодополняющими и направленными на гармонизацию текста как целостной системы. Взаимодействие АСП проявляется в формировании точки гармонизации, закономерно стремящейся к области, маркированной пропорцией золотого сечения, то есть к ГЦ. ТГ способствует установлению оптимального режима для восприятия определенной области текста, совпадающей или максимально приближенной к зоне ГЦ.

Клюканов И.

К МОДЕЛИРОВАНИЮ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Сегодня все чаще можно слышать призывы к осуществлению «более глобального, по существу междисциплинарного подхода к интерпретации сущности языка как специфического феномена, через посредство которого можно понять природу личности, ее место в социуме и этносе, ее интеллектуальный и творческий потенциал, т.е. глубже осмыслить для себя, что же такое Человек» [1, с.4]. Отмечается, например, что язык для описания интегративных процессов структурной организации текста должен быть не лингвистическим, а общенаучным [3, с. 16].

В настоящей статье развитие языка (и, соответственно, «говорящего человека») трактуется как постоянное перераспределение энергии, как движение, в результате которого происходит интеграция или распад значений. Смысл в такой трактовке предстает в виде силы, благодаря которой системная единица (человек, культура) сопротивляется воздействию извне и становится дружой, чем была до того момента.

При взаимодействии с Другим основной задачей системной единицы является успешная интеграция знаний, т.е. поиск семиотической свободы как движения, объединяющего в себе моменты свободы «от чего-то» (ср. «отрицательная свобода», по И. Берлину, или первичность, по Ч. Пирсу), свободы «чего-то» (ср. вторичность) и свободы «для чего-то» (ср. «положительная свобода» или третичность). Семиотическая свобода, таким образом, является динамической реакцией системы на взаи-

модействие с другой системой (Другим). Одной из задач исследователя является, соответственно, выяснение таких преобразований, которые приводят к «нормальному» (свободному) функционированию языка, т.е. к успешной интеграции значений говорящего («языкового») человека (или «очеловеченного») языка). В настоящей статье данные процессы рассматриваются на примере межкультурного общения и описываются с помощью так называемого «семиотического квадрата» (далее – СК).

Одной из попыток по-новому осмыслить природу межкультурного общения, в которой высказываются идеи, напоминающие семиотического квадрата, является работа Р. де Богранда, рассматривающая механизм geopolитики дискурса [5]. Отмечая узость собственно лингвистического подхода, Р. де Богранд представляет межкультурное общение как динамику двух общих локусов контроля или же четырех более частных порядков контроля.

Прежде всего общение можно рассматривать с точки зрения «антецедентного» (предшествующего) локуса контроля, т.е. тех значений, которые наиболее жестко встроены в языковую систему. В пределах этого локуса выделяются два порядка контроля – (1) фонетики и грамматики, и (2) словаря-вокабуларя. Данные порядки контроля как бы приписывают значения, которые должны быть актуализированы в процессе общения. Вторым локусом контроля является «консеквентный» (последующий) локус, который включает в себя (1) «пограничные» (*baseline*) и (2) «преднамеренные» (*deliberate*) выборы, предоставляющие возможность более стратегического манипулирования знаками. Именно эти локусы (порядки) контроля образуют geopolитику дискурса, и основная задача ученых – установить, как семиотическая свобода субъектов-культур проявляется на этой geopolитической арене.

Аналогичные идеи начинают высказываться, например, в науке о переводе и дискурсивном анализе, где попытки применить семиотические идеи носят более эксплицитный характер [6, 9, 12]. Своебразную модель общих стратегий идеологической коммуникации предлагает в одной из своих работ Т. ван Дейк. Отмечая, что в основе идеологической репродукции дискурса лежит

присутствие или отсутствие информации (т.е. по сути доступ субъекта к непосредственному знанию), Т. ван Дейк выделяет следующие стратегии.

1. Усиливать положительную информацию о Нас.
2. Усиливать отрицательную информацию о Них.
3. Подавлять положительную информацию о Них.
4. Подавлять отрицательную информацию о Нас.

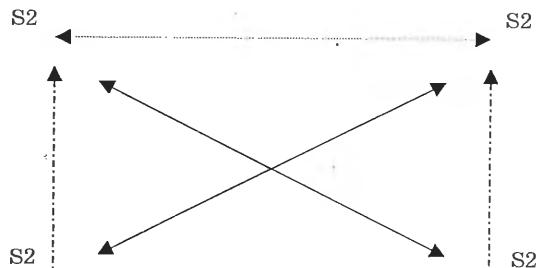
Данные четыре стратегии образуют, по словам Т. ван Дейка, идеологический квадрат.

Однако задача последовательного описания динамики межкультурного общения на основе СК, выделяя в качестве основного принципа действие семиотической свободы, является наиболее важной и до их пор не решенной. Так, отмечают, что динамика возникновения, развития и исчезновения знаковых структур является «загадочной» [8]. С помощью СК, как представляется, можно объяснить суть данной динамики.

В оригинальной работе А. Греймас и Ж. Курте описываются многие коммуникативно-семиотические явления с использованием СК, включая алетические и деоитические логики, операциональные преобразования и манипулирование; говоря с динамике семиотического манипулирования, данные авторы затрагивают вопрос о свободе [7; с. 184-185]. Представляется, что эти идеи являются чрезвычайно перспективными, и именно они лежат в основе нашего дальнейших рассуждений.

Напомним кратко основную суть СК. «Под Кв. сем. понимают зрительное представление логической организации (членения) той или иной семантической категории» [2; с. 496]. Данная организация включает в себя (более поверхностные) отношения между двумя членами, которые опираются на различие типа оппозиции, а также (более внутренние) отношения, «основанные на изотопии («родстве») различительных черт, которые могут быть в них выявлены» [2; с. 497].

Таким образом, в процессе организации определенной семантической категории устанавливаются прежде всего отношения противоречия (контрадикции) между двумя членами, характеризующиеся невозможностью наличия обоих членов одновременно, а также отношения дополнительности (комплементарности) и противоположности (контрарности) между членами семантической категории.

Соответственно, СК принимает следующий вид:

Рис. 1

- отношения противоречия (контрадикции)
- отношения противоположности (контрарности)
- отношения дополнительности (комплементарности)
- S1-S2 ось противоположных членов
- S2-S1 ось субпротивоположных членов
- S1-S1 позитивная схема
- S2-S2 негативная схема
- S1-S2 позитивное указание (позитивный дейксис)
- S2-S1 негативное указание (негативный дейксис)

Объяснительная сила СК определяется тем, что «он связан с эпистемологической проблематикой относительно условий существования и производства значения (означивания), а также с методологическим подходом, применяемым к конкретным лингвистическим объектам» [4, с. 502]. СК дает возможность представить нормативность как динамику определенных модальностей, т.е. дискурсивных структур, которые тем или иным образом оценивают ситуацию общения, ср. рефлексивный взгляд на МО [12, с.45]. Особого рассмотрения заслуживают следующие модальности.

Прежде всего можно обратить внимание на модальность состояния (предикат «быть»). Данные отношения, наложенные на СК, получают следующий вид:

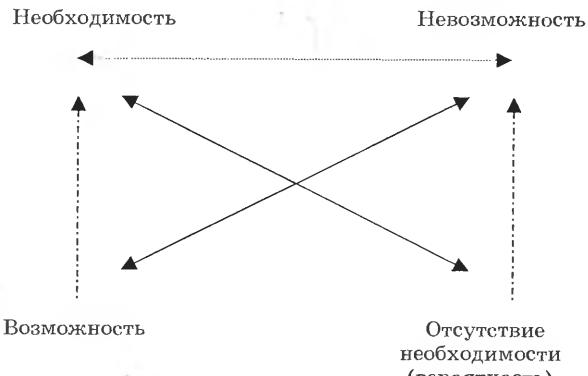
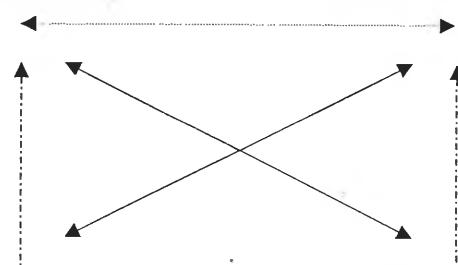

Рис. 2

Кроме того, можно выделить модальность действия (предикат «делать»), которая представляет действие субъекта (с точки зрения объекта, т.е. другого субъекта) в следующих терминах:

Необходимо делать

Невозможно не делать

Не необходимо
не делать

Не необходимо
делать

Рис. 3

Данные отношения накладываются на СК следующим образом:

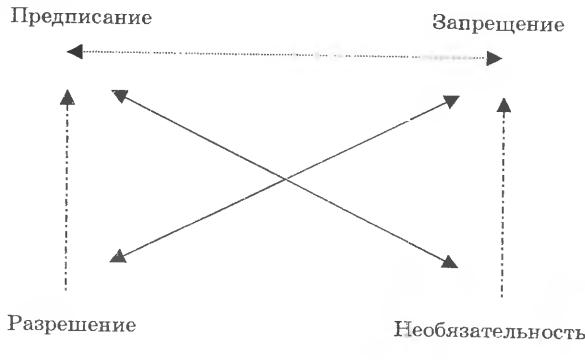

Рис. 4

И, наконец, модальность каузации заостряет внимание на непосредственном взаимодействии субъектов и может быть представлена следующим образом:

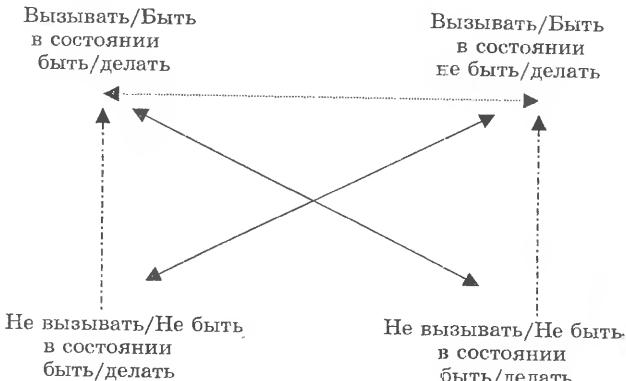

Рис. 5

А. Греймас и Ж. Курте называют данную модальность «манипулированием» [2, с. 184]; данный термин представляется не совсем удачным в силу возможных отрицательных коннотаций. Желание названных авторов употребить такой всеобъемлющий термин, однако, является понятным, поскольку эта модальность наиболее эксплицитно объединяет в себе столкновение двух субъектов, т.е. две различные перспективы – отправителя и получателя, которые А. Греймас и Ж. Курте называют, соответственно, «манипулятором» и «манипулируемым». Более правильным, как кажется, является понятие «переговоры», в котором также присутствует элемент борьбы-манипуляции, но которые тем не менее могут быть успешными для обеих сторон, ср. смешанную природу переговоров, т.е. борьбу-коопérationю. Значение по определению подлежит обсуждению, коммуникативным переговорам [11, с. 50]. В результате данная модальность как бы раздваивается и может быть наложена на СК следующим образом:

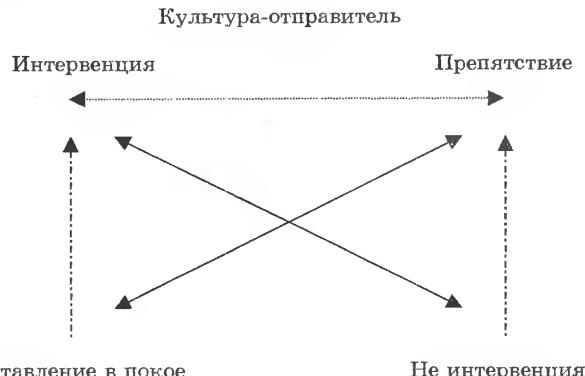

Рис. 6

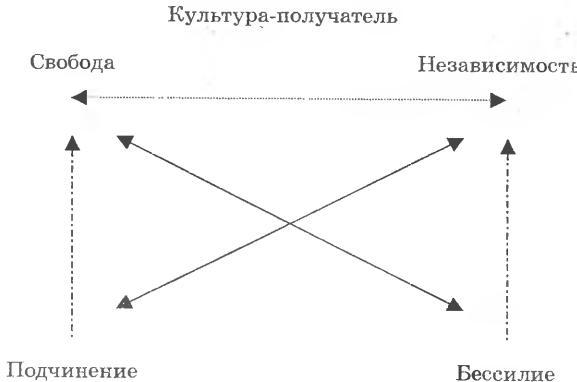

Рис. 7

Поскольку любая классификация модальностей носит искусственный характер [12, с. 54], можно утверждать, что вышеперечисленные модальности представляют собой операционально выделенные аспекты единого процесса взаимодействия двух (или более) субъектов, которые одновременно выступают в роли объектов по отношению друг к другу. Модальность состояния заостряет внимание на (модализируемом) объекте, который – в зависимости от желания субъекта – как бы возникает, выявляется в процессе общения с различной степенью необходимости, вероятности и т.д. Модальность действия заостряет внимание на (модализирующем) субъекте, который строит свои действия на основе разрешений, запретов и т.д. Модальность каузирования занимает промежуточно-центральное положение, заостряя внимание на тех процессах, которые происходят между взаимодействующими субъектами, т.е. в какой степени они ощущают общение как интервенцию, не интервенцию и т.д., и в какой мере они чувствуют себя по-настоящему свободными, бессильными и т.д.

Выделенные виды модальности целесообразно соотнести с тремя основными способами существования, которые можно представить как Виртуальность, Актуальность и Реализованность [7, с. 194]. Виртуальность соот-

носится с областью возможных коммуникативных взаимодействий, Актуальность – с областью действительных коммуникативных движений, осуществляемых здесь и сейчас, и Реализованность – с областью коммуникативных движений, которые принимают самый общий характер в силу своей необходимости. В общесемиотических терминах Ч. Пирса мы имеем дело с динамикой Первичности, Вторичности и Третичности.

Один и тот же аспект межкультурного общения может быть рассмотрен с разных позиций – с позиций наблюдателя или наблюляемого. Это следует постоянно иметь в виду, читая данные рассуждения; так, если речь идет о семиотической свободе культуры-получателя (что удобнее делать в операциональных целях), нельзя забывать о культуре-отправителе, которая, несмотря на то, что на первый план в ее рассмотрении выходит модальность каузации, также характеризуется модальностью способности, т.е. вызывает действия и состояния другой культуры лишь постольку, поскольку является в состоянии вызывать эти действия и состояния.

Итак, центральным понятием, к которому сводится динамика межкультурного общения, можно считать понятие семиотической свободы. Именно данную семантическую категорию целесообразно (и необходимо) представить в виде различных отношений, которые образуют СК.

Литература

Сусов И. П. Космические мотивы в науке о языке и в философии языка.

Греймас А., Курте Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М., 1983. С. 483-550.

Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. ун-та, 1998.

Степанов Ю.С., Булыгина Т.В. Комментарий // Семиотика. М., 1983. С. 585-627.

Beaugrande de, R. Cognition, communication, translation,instruction: The geopolitics of discourse // R. de Beaugrande et al. (Eds.). *Language, discourse and*

translation in the West and Middle East.
Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1994. P. 1-22.

Geest de, D. The notion of "system": Its theoretical importance and its methodological implications for a functionalist translation theory // *Geschichte, System, Literaturische Übersetzung*. Berlin, 1992. S. 32-45.

Greimas A., Courtes J. *Semiotics and language: an analytical dictionary*. Bloomington: Indiana University Press, 1982.

Gupta C., Chattopadhyaya D. History and historiography of civilization // C. Gupta, D. Chattopadhyaya (Eds.). *Cultural otherness and beyond*. Leiden, etc.: Brill, 1998. P. 1-42.

Hermans T. Translation as institution // M. Snell-Hornby, Z. Zounnar (Eds.). *Translation as intercultural communication*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 3-22.

Dodd C. *Dynamics of intercultural communication*. Madison, WI, 1995.

Ruthrof H. Semantics and the body: meaning from Frege to the postmodern to the postmodern. N.-Y., 1997.

Sulkunen P., Torronen J. The production of values: The concept of modality in textual analysis // *Semiotica*. 1997. Vol. 113. No. 1-2. P. 43-69.

Корбут А.Ю.

К ПРОБЛЕМЕ СИММЕТРИИ/АСИММЕТРИИ ТЕКСТА И СРЕДЫ

Симметризация объекта – средство упорядочивания его структуры. Элементы, формирующие упорядоченность текста, – элементы его симметрии. Высокая вероятность наличия элементов симметрии в тексте уже доказана [1, 6]. Вопрос об источниках симметрии, воплощающейся в структуре текста, – один из ключевых вопросов текстосимметрики. Заданы параметры симметричности, или происходит поэтапная подстройка системы? Первичное приближение к решению этой проблемы предполагает установку соотношения симметрии/асимметрии текста и среды.

Методологически принципиален вопрос: что следует считать средой для текста? Бытие текста предполагает соединение двух на первый взгляд противоположных процессов (порождения и восприятия). В этом смысле текст имеет две среды бытия: передающую и принимающую (концептуальную систему продуцента и реципиента [2, с. 169].

Предположим, что репрезентантом передающей среды является концептуальная система продуцента. Поскольку данный объект – нематериальное явление, исследовать его по принципу симметрии не представляется возможным. Однако можно исследовать промежуточные материально выраженные тексты. Как мы далее увидим, именно эти объекты имеют «смешанную» психо-физическую природу [3, с. 31].

Перед испытуемыми ставилась задача зафиксировать этапы продуцирования текста в графическом виде. В соответствии с теорией порождения речевой деятельности, были предложены к фиксации три этапа: внутреннее программирование, грамматико-семантическая реализация, собственно реализация. Этап контроля был сокращен (тексты не исправлялись испытуемыми).

В эксперименте участвовали 20 человек (студенты пятого курса ИГПУ). От каждого испытуемого получен трёхэтапный лабораторный текст: 1) мгновенная запись образа (первичный текст-слово), 2) запись словесного набора (первичный текст-набор ключевых слов) [4, с. 225-228], 3) синтаксически правильное законченное высказывание (развернутый текст). Таким образом, мы можем наблюдать поэтапную сверку системы. Ставится конкретная задача – обнаружение симметричности высказывания относительно себя на разных этапах порождения. Элементами симметрии признаются межэтапные лексические, корневые и семантические повторы в пределах одного лабораторного текста.

На первом этапе в 4-х текстах вообще не подобран знак языкового кода: внутренний образ выражен прописью, волнистой линией, точкой, знаком бесконечности. Результат подтверждает нелингвистическую структуру условно-предметного кода, но нерелевантен для решаемой проблемы. В остальных 16 текстах первый этап представлен словом или словосочетанием, которое и

сопоставлялось с лингвистическим наполнением второго и третьего этапов. Отрицательный результат дали 3 текста (межэтапной симметрии не зафиксировано).

«Сквозная» симметрия всех трех этапов наблюдалась в 4-х текстах (пример поэтапной симметрической преемственности: *красивая – … грациозная … – … очаровательная…*). Симметрию первого и третьего этапов фиксирует 1 текст (при несимметричности второго этапа первому: *Мурзик – одеяло, миска, молоко, мягкий, желтые глаза, тепло, лень, когти – Когда я приезжаю домой … беру на руки своего кота Мурзика …*). Симметрию первого и второго этапов (в сумме с трехэтапной симметрией: *пушистое счастье – мягкое, пушистое, умное, хитрое животное, независимое, бесшумное*) фиксируют 5 текстов. Симметрию второго и третьего этапа – 17 текстов. Средний лингвистический объем в словоформах возрастает от этапа к этапу: 1,2 (на первом) – 12,7 (на втором) – 51,8 (на третьем). Среднее количество элементов симметрии возрастает с 1,2 (между 1-2 этапами) до 4,6 (между 2-3).

Частичная асимметричность второго этапа (набора ключевых слов) относительно третьего (развернутого текста) явилась неожиданным результатом. Другими словами, не все слова набора являются ключевыми при последующем развертывании, а в трех случаях не обнаруживается *ни одного* ключевого слова (см. выше). Ведь именно ключевые слова в данном ракурсе и являются межэтапными элементами симметрии. Причину неожиданно выявленной диссимметрии третьего этапа можно увидеть в координации количества элементов симметрии с объемом оперативной памяти (7 ± 2). Не все слова становятся ключевыми: их среднее количество уменьшается с 12,7 до 4,6 слов (ср.: 4, с. 226).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что симметрия текста и его среды обнаружена, но связь их неоднозначна. Наблюдаемый объект идентичен сам себе на всех трех этапах, однако вероятность симметричности всех трех этапов не более 20%.

При укрупнении объема объекта наблюдается возрастание вероятности симметрии от 25% до 85% при увеличении объема текста от 13 до приблизительно 52 единиц. Таким образом, симметрия растет с увеличением объема от этапа к этапу.

Полученные данные подтверждают гипотезу о фрактальности изучаемого объекта, в структуре которого наблюдается самоподобие, обнаруживаемое при укрупнении структуры именно за счет наличия элементов симметрии.

На этапе внутреннего программирования объект принципиально асимметричен (элементы симметрии маловероятны). Эта характеристика совпадает с имеющимися уже положениями о нерасчлененности, предикативности, принципиальной семантичности, а следовательно, максимальной информативности этапа, так как именно асимметрия максимально информативна.

Вероятность элементов симметрии возрастает на этапе лексико-синтаксического программирования (в 3,4 раза) при соответственном возрастании объема (в 4 раза). Вероятность симметризации растет относительно объема и относительно процесса социализации информации. А значит, происходит именно *поэтапная подстройка системы*: объект симмеризуется в процессе социализации об этом свидетельствует картина эндогенной спонтанной активности текста.

Литература

Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998

Пищальникова В.А. Симметрия и асимметрия текста как синергетической системы // Культура. Образование. Духовность: Бийск, 1999. С. 167-171

Пищальникова В.А. К проблеме способа существования свойств лингвистического объекта // Текст: структура и функционирование. Барнаул, 2000. Вып. 4. С. 29-32

Коржнева Е.А

ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И СТРУКТУРНО-ПОЗИЦИОННОГО АНАЛИЗА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ДОМИНАНТНОГО СМЫСЛА ТЕКСТА

Эксперимент является одним из объективных способов получения информации в лингвистике. Но прове-

дение квалифицированного эксперимента весьма сложно и громоздко, если осуществлять его, строго следуя требованиям, предъявляемым экспериментальным процедурам. Отклонение же от этих требований, а именно от нормативов и параметров эксперимента, ведет к получению невалидных результатов. Альтернативой лингвистическому эксперименту при исследовании текста может служить структурно-позиционный анализ (СПА) разработанный Г.Г. Москальчук. СПА обладает высокой валидностью, поскольку при его осуществлении полностью отсутствуют факторы, влияющие на флуктуации результатов эксперимента - условия проведения эксперимента, психологические и физиологические параметры реципиентов, внутренние установки самого экспериментатора. СПА способен, на наш взгляд, менее затратными средствами, без привлечения большого количества испытуемых, дать исчерпывающую информацию о физической стороне изучаемого объекта. Данный метод был успешно использован в исследованиях В.А. Пищальниковой (1999), А.Ю. Коробут (1995, 1998), А.Г. Сонина (1999), М.А. Балаш (1999), И.Н. Шадриной (2001) и др. С помощью методики позиционных срезов (или СПА) изучались процессы порождения и восприятия текста, определялся смысл текста, заложенный автором произведения в матрицу текста, а также выявлялась эмоциональная и звуковая доминанта.

Целью нашего исследования является доказательство альтернативности СПА традиционному лингвистическому эксперименту при исследовании процессов восприятия реципиентами доминантного смысла в тексте. В качестве рабочей гипотезы (несмотря на то, что данный факт был подтвержден Г.Г. Москальчук и В.А. Пищальниковой) был взят тезис о том, что реципиенты при чтении текста реагируют, в первую очередь, на креативный атTRACTор. Для подтверждения своего предположения нами было проведено 3 лингвистических эксперимента, в которых приняли участие 491 реципиент (студенты филологического факультета, БПГУ и учителя русского языка г. Бийска). Задача данных экспериментов - обозначить наиболее значимую, на взгляд реципиентов, информацию посредством подчеркивания слов, являющихся препрентантами наиболее важного смысла в тек-

сте; определения темы текста (ответить на вопрос: О чем говорится в тексте?); определение идеи текста (ответить на вопрос: Какова главная мысль текста?). Результаты, полученные в процессе экспериментов, мы планировали сравнить с результатами СПА. Высокая корреляция всех этапов исследования позволила бы нам говорить об альтернативности СПА лингвистическому эксперименту. Необходимость проведения многоэтапного исследования заключается, на наш взгляд, в том, что перечисленные выше эксперименты отражают внутреннюю (содержательную) и внешнюю (формально-структурную) стороны организации текста. Первоначальное разграничение в анализе и последующий синтез содержательного и формально-структурного аспектов, позволит, на наш взгляд, конкретизировать свойства креативного атTRACTора при восприятии его реципиентами.

Экспериментальные тексты нами были подобраны с учетом 3 тенденций, наблюдаемых в процессах формообразования текста: начальной стремительности (модель /11111/, искусственный текст «Осень»), ГЦ-концестремительности (модель /22201/, бывший Л.Н. Толстого «Как мужик камень убирал»), и концестремительности (модель /22122/, искусственный текст «Молодость»). Эксперимент, проведенный с текстами /22122/, /22201/ показал высокую степень корреляции со структурно-позиционным анализом. Реципиенты среагировали на продленный креативный атTRACTор /22122/ и на креативный атTRACTор, расположенный в наиболее оптимальном для восприятия интервале АС1-ГЦ-АС2 /22201/. Это можно объяснить большой употребляемостью и удобством моделей (модель /22122/ занимает 8 ранг из 38 по вероятности использования на 1 тысячу русских текстов). Проявилась низкая корреляция экспериментов по тексту (/11111/) со структурно-позиционным анализом (КА расположен в интервале начало-зачин). Этот факт свидетельствует о том, что восприятие реципиента не «успевает подстраиваться» под структуру текста. При восприятии текстов /11111/ реципиенты выдали реакции, которые коррелируют с инвариантной моделью, а именно обозначили в качестве информативных зон начало текста, зону предГЦ-постГЦ (традиционная «середина» текста) и конец текста. Лин-

гвистический эксперимент еще раз подтвердил ранее полученные Г.Г. Москальчук факты: наиболее олагоприятными для восприятия являются тексты с концестремительной и ГЦ-концестремительной формой.

Таким образом, результаты многоэтапного лингвистического эксперимента дублируют результаты СПА. Методика позиционных срезов позволяет значительно сократить поиск наиболее важных смыслов текста, поле смысловой насыщенности и поле максимальной структурной интенсивности.

Лукашевич Е.В.

СИНОНИМИЯ КАК ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Проблема лексической синонимии в современной лингвистике сохраняет свою актуальность. Не ставя целью решение каких-либо теоретических вопросов в области синонимии, покажем на примере специфику практического описания синонимических рядов на основе когнитивного подхода, позволяющего рассматривать синонимию как "явление, фиксацию разных состояний изменения когнитивной структуры" [1, с.51], то есть как динамическую модель.

Взяв за основу результаты операционно-семантического анализа слов синонимического ряда *разговор* – беседа 1 – диалог 1; *жалость* – сострадание – сочувствие - участие, представленные в "Новом объяснительном словаре синонимов русского языка" под редакцией Ю.Д. Апресяна [2] (далее – НОС; автор словарных статей И.Б. Левонтина), мы сопоставили их с результатами нашего исследования. Выбор данного источника в качестве материала для сравнения обусловлен тем, что это экспериментальный "активный интегральный системный словарь, или словарь лексикографических портретов", в котором, на наш взгляд, наиболее последовательно и полно реализованы исходные позиции отечественной теоретической семантики, изложенные Ю.Д. Апресяном в статье "Отечественная теоретическая

семантика в конце XX столетия" [3]. Выделим обозначенные Ю.Д. Апресяном различия между традиционной семантикой 50-60 г.г. ХХ в. и современной семантикой.

1. Принципы исследования: а) интегральность – современная семантика стремится стать, наряду с грамматикой, теоретической основой толковой лексикографии в рамках интегрального описания языка (здесь и далее выделено автором. – Е.Л.); б) системность – представить весь словарь в его основной части как сложную систему единиц, организованную на основе относительно небольшого числа "сквозных" семантических признаков.

2. Инструмент исследования – аналитическое tolkowanie на едином семантическом метаязыке.

3. Объект исследования: а) расширение объекта – любые содержательные единицы языка; б) смена представлений о задачах описания – описание содержательных единиц языка во всей совокупности их свойств, включая коммуникативные, синтаксические, сочетаемостные, просодические, морфологические и т. д., и установление семантической мотивации (там, где она есть); в) смена представлений о структуре объекта – выделение в языковом значении разных слоев смысла – пресуппозиции, ассерции, модальные рамки, рамки наблюдения и т.п.; г) правила взаимодействия значений – каковы значения простейших языковых единиц и на основе каких буквально применимых правил из них складывается смысл целых высказываний.

4. Методы описания. В арсенале разнообразных методов, которые находятся в распоряжении современной семантики, принципиально новым по сравнению с традиционными является построение формальных моделей языка и их экспериментальная проверка на компьютере [3, с. 40].

Столь подробное изложение взглядов Ю.Д. Апресяна в данном параграфе обусловлено нашим желанием показать на конкретных фактах, что, несмотря на споры о том, "должна ли лингвистика ограничиваться в своих установках получением знаний исключительно о языке и языках или же ей надлежит стать наукой, естественно вписывающейся в цикл так называемых когнитивных наук, а потому выходящей через по-

знание языка к познанию говорящего и думающего человека" [4, с. 3], т.е. как бы существующую оппозицию теоретической и когнитивной семантики, на самом деле четкую границу между ними провести достаточно сложно (хотя и существует явная специфика), что и демонстрируют работы представителей данных направлений.

Опираясь на собственную лингвистическую эрудицию, данные словарей и анализ текстов, представляющих ретроспективные и синхронные срезы языка, коллектив авторов осуществил детальное многоаспектное описание отдельных синонимических рядов имен существительных, прилагательных, глаголов.

В качестве материала для наблюдения в нашей работе использовались данные эксперимента по моделированию лексического значения слова (информантами – 50 студентов 1 курса филологического факультета АГУ), результаты ассоциативного эксперимента, зафиксированные в первой книге "Русского ассоциативного словаря" [5] и полученные нами самостоятельно (всего около 3500 реакций и.и. в возрасте от 16 до 30 лет). Ассоциативный словарь может быть идентифицирован как антропоориентированный словарь дескриптивного (описательного) типа, он не выступает как предписывающий или нормативный. Цель эксперимента – максимально полное представление о семантических потенциях (стабильных и нестабильных, случайных) каждого из элементов синонимического ряда на основе анализа языковой способности носителей языка. Представим информацию, которая, на наш взгляд, связана с перспективным, возможным спектром изменения значения исследуемых слов.

Синонимический ряд разговор 1 – беседа 1 – диалог

1. Осуществляя метаязыковую деятельность (моделируя лексическое значение слова), носители языка дают следующие толкования (дефиниции) анализируемых лексем.

Разговор – 'общение (75%), обмен информацией (20%) между людьми (60%) на определенные темы (28%); речь (9%), беседа (8%)'. Единичны признаки 'с какой-либо целью', 'может без цели', 'словесный', 'нормальный тон', 'обсуждение', 'вид устного общения'.

(Ср.: разговор – 1. Словесный обмен сведениями, мнениями, беседа (МАС)).

Беседа – 'спокойный (17%) разговор (80%), общение (41%) двух и более людей (68%) на какие-либо темы (15%)'. По 8% информантов отметили признаки 'приятный, откровенный, дружелюбный', 5% – 'обсуждение какой-л. темы за чашкой чая/ кофе'. Единичны признаки 'обмен мнениями', 'обмен информацией', 'неторопливый', 'задушевный', 'дружеский'. (Ср.: беседа – 1. Разговор, деловой или задушевный (МАС)).

Диалог – 'разговор (70%), общение (9%) между двумя (72%) или несколькими (15%) людьми на определенную тему (8%)'. Единичны признаки 'обмен информацией', 'обсуждение', 'высказывание своего мнения', 'умная беседа двух лиц', 'дружеский', 'деловой'.

(Ср.: диалог – 'разговор между двумя или несколькими лицами' (МАС)).

Как видим, различия между словарной дефиницией и метаязыковой рефлекссией носителя языка незначительны и, как правило, реализуются в экспликации существенных (стабильных) дифференциальных семантических признаков, которые в основном могли бы быть выявлены при глубинном компонентном анализе, или немногочисленных коннотаций, под которыми мы вслед за Ю.Д. Апресяном понимаем "несущественные, но устойчивые (следовательно, все-таки стабильные. – Е.Л.) признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности... они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него" [6, с. 159]. Но метаязыковая деятельность, осуществляемая в данном лингвистическом эксперименте, практически не позволяет уловить механизм процесса превращения несущественных и pragmatischesких признаков значения слова в существенные и семантические и наоборот, т.к. в результате этой деятельности мы имеем дело со статической моделью, и, следовательно, проследить возможную эволюцию значения слова. На наш взгляд, это становится возможным в условиях ассоциативного эксперимента, максимально приближенного к нормальной речевой деятельности.

2. В ассоциативном эксперименте у лексемы *диалог* проявляется тенденция к формированию значения 'учебный текст, написанный в форме беседы 2 лиц (преимущественно вопросо-ответная форма)', о чём свидетельствуют реакции выучить 6, составить 3, английский 2, составить по-английски, к экзамену, по-английски, французский и др. (4,7%). Ср.: в толковом словаре у моносеманта *диалог* отмечено наличие двух оттенков значения: // Часть литературного произведения, представляющая собой разговор двух лиц; // Литературное произведение, написанное в форме беседы (МАС). И.Б. Левонтина в своей словарной статье отмечает, что "сионим *диалог*, выдвигающий на первый план идею внешней структуры акта общения, помимо указания на акт общения, может обозначать только сам *текст*" [НОС, с. 317].

3. Несмотря на то, что в толковом словаре *диалог* определяется как 'разговор между двумя или несколькими лицами' (см. п. 1), И.Б. Левонтина указывает: "...это слово легко допускает расширительные употребления; ср. диалог дельфинов, диалог с компьютером, перен. диалог культур. Все такие выражения, независимо от степени метафоричности, удерживают основную для диалога идею обмена информацией" [НОС, с. 316]. Результаты ассоциативного эксперимента подтверждают мнение автора словарной статьи о том, что смысловые признаки *тип* и *количество собеседников* наиболее отчетливо проявляются в структуре значения синонима *диалог*. Так, на тип собеседников в диалоге указывает 31% ассоциаций, из них количество акцентировано в 9,4% реакций, при этом у синонима *разговор* это соотношение 9,4% и 1,3%, а у синонима *беседа* – 17% и 2% соответственно. Важно, что из 31% реакций, указывающих на тип собеседника, в 9,6% собеседником в диалоге выступает не человек (с совестью, со временем, стран, государств, между странами), доминирует реакция компьютер (6,6%), что отражает реалии сегодняшней жизни, когда одним из основных источников получения информации является компьютер.

4. Анализируя реакции со смысловым признаком *тип собеседников* с точки зрения социального статуса

участников общения, мы обратили внимание на то, что синоним *диалог* действительно безразличен к этому признаку. Но ассоциации, характеризующие тип собеседника у синонимов *беседа* и *разговор* потребовали дальнейшего анализа. И.Б. Левонтина считает, что "с точки зрения социального статуса участников синонимы *беседа* и, в меньшей степени, *разговор* указывают на их равенство, причем в беседе идея равенства участников даже специально подчеркивается" [НОС, с. 316]. В реакциях на стимул *разговор* (9,4%) информанты никак не отразили идею неравенства собеседников, статус которых для них, видимо, не важен: люди 6, человек 5, друзья 13, собеседник 3, соседи 2, мама, брат, сын и т.п. Зато из 17% реакций данного типа на стимул *беседа* 10,2% реакций свидетельствуют о равенстве статусов, а 6,8% можно рассматривать как фиксирующие социальное положение собеседника, причем чаще более высокое, чем у информанта: преподаватель 8, учитель 7, врач 6, декан 3, комбат, шеф, начальник, прокурор, академик, завкафедрой, журналист, взрослые (желание подчеркнуть мнимое равенство?). Ведь в этом случае, по мнению И.Б. Левонтиной, "инициатива общения на равных или как бы на равных принадлежит высшему" [там же].

5. Цитируя мысли И.Е. Аничкова о существовании "идиоматики как науки о сочетаниях слов" в отличие от синтаксиса "как сочетания форм слов", о том, что "ни одно слово не может вступить в сочетание с любым другим словом; каждое слово сочетается с ограниченным числом других слов, и в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены" [7, с. 106], В.А. Пищальникова указывает: "Такие устойчивые сочетания образуются не по формальному признаку, а по сходству смысловой структуры... Наличие разных групп сочетаний в языке означает *наличие в сознании этноса разных когнитивных структур*, а факт разной степени устойчивости этих сочетаний свидетельствует о том, что эти структуры находятся на разных этапах становления, на разных этапах превращения в стабильные структуры" [1, с. 60] (курсив мой. – Е.Л.). По мнению И.Е. Аничкова, "идиоматика готовляет семантику" [7, с. 117]. Для Ю.Д. Апресяния смысловая адекватность

речи и умение правильно сочетать слова друг с другом (соблюдать требования лексико-семантической сочетаемости), ставить их в правильные конструкции (соблюдать требования синтаксической сочетаемости) - идиоматичность в широком смысле слова – два характерных свойства человека, хорошо владеющего языком [6, с. 243-244].

В "Новом объяснительном словаре синонимов русского языка" отмечается, что слова данного синонимического ряда сочетаются с определениями, характеризующими а) тему и содержание общения; б) длину и структуру разговора; в) жанр и характер общения; г) эмоциональное состояние участников [НОС, с. 318].

Реакции-прилагательные составляют значительную долю ассоциаций у каждого из синонимов: беседа – 37,1%, разговор – 33,5%, диалог – 22,6%.

	Разговор	Беседа	Диалог
Тема и содержание общения	15,4%	11,6%	13,2%
Длина и структура разговора	10,4%	5,9%	4,7%
Жанр и характер общения	4,5%	10,5%	2,8%
Эмоциональное состояние участников	3,2%	9,1%	1,9%

Таким образом, для синонима *разговор* наиболее типична сочетаемость с прилагательными-определениями, характеризующими содержание общения, длину и структуру разговора (25,8%), для синонима *беседа* – определения, связанные с содержанием и характером общения, эмоциональным состоянием участников (31,2%); для синонима *диалог* – содержание общения (13,2%), но наш материал не показывает явного предпочтения информантами у *диалога* реакций, связанных с его внешней формой [НОС, с. 318].

Для каждого из слов ряда мы выбрали по 3 прилагательных, наиболее частотных, а следовательно, типичных для сочетаемости по названным критериям: а) тема и содержание – *разговор* характеризуется как *серъезный* 24, *важный* 6, *интересный* 4; *беседа* – *интересная* 22, *пустая* 7, *деловая* 2; *диалог* – *конструктивный* 29 (ср. также *оптимальный*, *оптима*, *успешный*), *политиче-*

ский 16, *бессмысленный* 6. Ср.: *серъезный* – 3. Существенный и важный по содержанию, не легковесный, не шуточный (СО); *важный* – 1. Имеющий большое, особое значение, значительный (СО); *интересный* – 1. Возбуждающий интерес, занимательный, любопытный (СО); *пустой* – 2. Переи. Бессодержательный, неосновательный, несеръезный (СО).

Таким образом, для носителей языка важнее всего охарактеризовать само содержание разговора и беседы, а в диалоге, кроме содержания, важным является результат общения (конструктивный – 2. Такой, который можно положить в основу чего-л., плодотворный (книжн.); плодотворный – благоприятный, полезный для развития чего-н. (СО)). Тему общения носители языка предпочитают обозначать не прилагательным, а предложно-именной конструкцией о ком-чем-л. (см. ниже); б) длина и структура общения – разговор характеризуется как *долгий* 24, *короткий* 16, *длинный* 6; беседа – *долгая* 13, *длинная* 8, *затянувшаяся* 6; диалог – *непродолжительный* 8, *долгий* 5, *краткий* 3. Как видим, для носителей языка важен временной параметр, а вот структура разговора как таковая практически не осознается. Как правило, длительность общения – свидетельство основательности обсуждения темы и заинтересованности в ней: задушевная беседа или серьезный разговор вряд ли могут быть короткими; ср.: беседа дорогу коротает, а песня – работу. Кроме того, словосочетание *короткий разговор* имеет и переносное значение ‘категоричное изложение собственных взглядов и позиций при отсутствии интереса и внимания к аргументам собеседника’. Нельзя не отметить наличие у стимула *разговор* реакций *громкий* 4, *тихий* 2, *умеренный тон* (см. также в реакциях-существительных), а у *беседа* – *тихая* 6, *громкая* 2 (и их полное отсутствие у *диалога*), свидетельствующих о возможной актуализации данных нестабильных признаков в определенной ситуации; в) жанр и характер общения – разговор *откровенный* 7, *мужской* 6, *доверительный* 5; беседа – *дружеская* 18, *откровенная* 12, *доверительная* 6. Ср.: *откровенный* – 1. Искренний, чистосердечный; доверительный – 1. Выказывающий полное доверие кому-чemu-н.; искренний –

выражающий подлинные чувства, правдивый, откровенный (СО). Результаты эксперимента, по-видимому, отражают незначимость данного когнитивного признака для концепта *диалог* - в унисон 1, *ситуативный 1, легкий 1; г) эмоциональное состояние участников – разговор определяется как грубый 4, душевный 4, веселый 3; беседа – задушевная 23, веселая 6, теплая 4; диалог – оживленный 4, страстный 3, мирный 2*. Эксперимент показывает явное преобладание положительных эмоционально-оценочных компонентов.

По мнению Ю.Д. Апресяна, "важнейшим лексикографическим следствием принципа интегральности является существенное расширение объема информации о лексеме в толковом словаре... новый объем сведений о лексеме в гораздо большей степени моделирует языковую компетенцию (феномен владения языком), чем традиционные лексикографические описания" [3, с. 42].

Анализ реакций – имен существительных на данные слова-стимулы (которые вполне можно квалифицировать как потенциальные валентности) позволил установить, что в сознании носителей языка когнитивная структура концепта *разговор* включает такие когнитивные признаки, как а) тема и содержание разговора (4,7%), выраженные предложно-падежной конструкцией о ком-чем-л., реже – по чему-л., - о любви 4, о жизни 2, ни о чем 2, о весне, о душе, по делу, по теме и т.п.; б) средства (в широком смысле), при помощи которых осуществляется разговор (4,5%) – телефон 12, по телефону 10, рот, язык; в) место и условия разговора (2,1%) – в вагоне, в парламенте, в поезде, на ходу, на завалинке и др.; г) "звукание" (1,5%) – голос 3, шепот, звук, вздох, ворчание, чай-то голос; д) время (1,1%): вечер 3, день, миг, время.

Когнитивная структура концепта *беседа* характеризуется признаками: а) тема беседы (9,5%) – о жизни 5, за жизнь 2, на тему 3, ни о чем 3, о вечном 2, о политике 2, о душе и др.; б) место и условия беседы (4,9%) – за столом 4, за круглым столом 2, 9 студия, в беседке, на улице, веранда, ресторан, в дружеской обстановке 2, чай 2, за чаем 2, костер, кресло, курение, сигарета, луна, при луне, по телефону, на высшем уровне, поездка (мы

намеренно приводим полный список реакций данного типа, потому что, на наш взгляд, кроме самого общения, именно для беседы немаловажными являются *внешние условия*, которые и позволяют обеспечить беседе неторопливость, обстоятельность, продолжительность, равенство, синхронность восприятия и заинтересованность в общении, отмеченные И.Б. Левонтиной [НОС, с. 316-318]); в) время беседы (1,3%) – вечер 6, еда, ночь 3, за полночь 2.

Показательно, что в когнитивной структуре концепта *диалог* наиболее представлен признак место и время проведения диалога (3,8%) – в интернете 4, чат 3, в эфире 3, на высшем уровне 3, кафе, встреча 2; при незначительной представленности темы и содержания диалога (1,9%) – о политике 8, о друге, о литературе, о смысле жизни. По нашему мнению, это подтверждает наблюдение, сделанное выше на основе анализа ассоциаций-прилагательных: не столько значимо содержание и тема диалога, сколько факт его осуществления и/или результат, выражющийся в том, что диалог послужил основой для развития чего-н. Возможно, как раз расширение типа участников за счет животных, устройств и других отличных от людей объектов и при этом подчеркнутое безразличие к их социальному статусу, т.е. равенство собеседников, на наш взгляд, и обусловили становление принципиально нового значения: *диалог – разговор, предполагающий разрешение каких-либо проблем и вопросов и выход на иной уровень общения* (вероятно, при этом можетнейтрализоваться и структура акта общения – очередность ролей говорящего и слушающего). Ср.: Что такое демократия? Может быть, *диалог* человека с государством? (С. Довлатов, Записные книжки); Приверженность идеям либеральной модернизации должна быть продемонстрирована не на словах, а на деле, равно как и решимость отстаивать линию радикальной реформы в критическом диалоге с властями (примеры из НОС, с. 317, 319).

И.Б. Левонтина отмечает, что все синонимы данного ряда сочетаются с глаголами, указывающими на деятельность собеседников на разных этапах общения и на развитие самого речевого общения [НОС, с. 318]. Полно-

стью соглашаясь с данным утверждением, считаем необходимым отметить, что в количественном отношении данные реакции незначительны (соответственно 4,5%; 5,2% и 3,7%) и явно преобладает второй признак. Деятельность участников, как правило, характеризуется глаголом *говорить*, специфика заключается в том, что реакциями на разговор являются также глаголы *вести*, *иметь*, *йти*, ср. устойчивые сочетания *вести разговор*, *иметь разговор*, *йти от разговора*. Для развития самого речевого общения значимы такие смысловые признаки, как а) стадия общения – продолжается 4, ведется 3, текла, протекает, лилась, завершилась, окончен 2 и т.п. (при отсутствии фиксации начальной стадии); б) длина разговора (наиболее важна для беседы) – затянулась 8, продлилась, тянется и т.п.; в) факт совершения и результат – не состоялся 5, состоялся, не повторится, не является, не kleится, прерван, не получилась, исчерпан.

Таким образом, выявленный на основе семантических универсалий "когнитивный стереотип" отражает, что эталонным является общение, важное и интересное в плане содержания (для диалога также важен результат общения), которое требует продолжительного по времени и правдивого, откровенного обсуждения, исключающего отрицательные эмоции. Напротив, семантическая специфика отражает возможные пути эволюции данной когнитивной структуры, так как "современный лингвист вполне допускает, что структурные мозговые образования – это не константные психические образы, не паттерны восприятия, хранящиеся в памяти, а функциональные образования, находящиеся в процессе становления и потому (в силу причин, обозначенных Н.И. Жинкиным, А.Р. Лурия, В.К. Виллонасом и многими другими) имеющие в разное время своего существования разные смыслопорождающие интегративные признаки" [1, с. 52].

Наш эксперимент подтверждает и мнение Ю.Д. Апресяна о том, что "устанавливая определенные семантические различия между членами синонимического ряда, мы ни в коем случае не имеем в виду, что эти различия реализуются в полном объеме во всех случаях упот-

ребления соответствующих синонимов. Как правило, в живой речи для говорящего представляет интерес лишь часть (правда, наиболее важная) того комплекса идей, который выражается данным словом ...ослабление, а иногда и полное снятие периферийных компонентов значения происходит и в условиях нейтрализации семантических различий" [7, с. 278]. Ср. также: "Если судить по исследованиям синонимов, выполненным в последние годы, можно подумать, что они служат исключительно для выражения "тончайших оттенков мысли" и никогда не используются в целях перифразирования. Такой вывод был бы неверным" [7, с. 246].

В реакциях на каждый из стимулов представлены их синонимы и аналоги ("слова той же части речи, что и доминанта, значения которых существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов, хотя и не достигает той степени близости к нему, которая демонстрирует собственно синонимию" [7, с.340]). Наиболее значительна эта группа у синонима *беседа* (15,3%) – разговор 66, диалог 7, дискуссия 3, речь 3, правоучение 3, переговоры 2. Ср.: *разговор* (9,4%) – беседа 22, диалог 3, разговор, болтовня 12, переговоры 4, речь 4, обсуждение, трепотня, треп; *диалог* (8,5%) – разговор 18, беседа 14. В каждой из групп информантами называются также слова типа спор, диспут, дебаты, драка, выяснение, поединок, скора, актуализирующие признак 'отстаивание своего мнения, несогласие в чем-л. с собеседником'.

Синонимический ряд *жалость – сочувствие 1 – сострадание*

Моделируя лексическое значение данных лексем, носители языка выделяют следующие признаки:

Жалость – чувство (38%) по отношению к кому-л. (человеку, более слабому, жалкому – 51%) в трудную минуту (8%); сострадание (28%), сочувствие (25%). Причем чувство унизительное, оскорбляющее достоинство, унижающее (14%). Отказы – 8%. (Ср.: 'чувство болезнования, сострадания кому-, чему-л.' (МАС)).

Сочувствие – чувство (10%), переживание вместе (32%) с человеком (30%), которому плохо (горе, несчастье, беда, смерть, что-то случилось – 34%); утешение

(20%), поддержка (6%), помочь общением или действием (3%); жалость (8%) (ср.: 'более сильное, чем жалость, не в унизительном значении'). Отказы – 10%. (Ср.: 'отзывающее, участливое отношение к чужому горю, переживаниям; сострадание' (МАС)).

Сострадание – чувство (31%) по отношению к кому-л. (люди, близкие, слабые, незнакомые или знакомые, - 42%) в трудную минуту (беда, несчастье, горе, неудача – 40%); переживать вместе (30%); страдать вместе (19%), искреннее (8%) желание помочь (23%). Отказы – 7%. (Ср.: 'сочувствие, жалость, вызываемые страданием, несчастьем другого человека' (МАС)).

И.Б. Левонтина отмечает, что "данные синонимы противопоставлены друг другу по признаку того, каков объект чувств" [НОС, с. 108]. Действительно, ассоциативный эксперимент подтвердил актуальность данного признака для когнитивной структуры слов ряда: *жалость* – 37% реакций (к людям 26, к себе 23, к ближнему 21, к человеку 14, к больному 7, к животным 11, к ребенку 9, к собаке 5, к старикам 5, к другу 4, к падшим 4 и др.); *сочувствие* – 32% (ближнему 31, другу 23, человеку 14, людям 13, близким 13, больному 8, товарищу 7, пострадавшим 7, другому 6 и др.); *сострадание* – 33% (к ближнему 62, к человеку 28, людям 21, другу 8, больному 8, близким 7, другому 6, старым 3, к кому-л. 3 и др.). Но при этом, анализируя приведенные выше реакции, достаточно сложно говорить о противопоставлении (или даже о предполагаемом различии) в сознании носителя языка объектов данных чувств (если не считать оппозиции человек (31, 5%) – животное (5,5%) у синонима *жалость*). Показательна, на наш взгляд, частотность реакции *ближний* (*ближний* - 3. В знач. сущ. Устар. Всякий человек по отношению к другому (МАС)), относящейся к пассивному словарю.

Ассоциативный эксперимент проявил и pragmatische склонение к каждому из чувств. Так, *жалость* в обыденном сознании чаще связана с негативными эмоциями, оценками (25,7% из 41, 4%) – ненужная 8, унизительная 4 (унижает 12, унижение 5), досада 4, горькая 2, жестокая 2, плохая 2, неприемлема, презрение и т.п. На наш взгляд, трудно однозначно решить

вопрос о том, является ли признак 'унизительный' коннотацией или входит в лексическое значение слова. Толковые словари, по-видимому, отражают первую точку зрения. Однако комментарии И.Б. Левонтиной по поводу того, что синоним *жалость* "имеет два круга употреблений – нейтральный и pragmatically ограниченный" [НОС, с. 109], и их характеристика, подкрепленная количественными данными в нашем эксперименте, свидетельствуют о возможности иного решения.

Сострадание, напротив, оценивается как положительное чувство (23,6% из 35,7%) – милосердие 31, глубокое 4, истинное 3, искреннее 3, великое 2, сорадость, сопереживание 4 и т.п. При этом наиболее важными признаками сострадания выступают степень, сила его проявления и подлинность, правдивость чувств (ср. невозможность неискреннего, незначительного сострадания). *Сочувствие* в целом также характеризуется и.и. положительно (19% из 29,6%). В то же время, видимо, как раз в силу отмеченного И.Б.Левонтиной более или менее рационального отношения к объекту в случае сочувствия [НОС, с. 108] информанты указывают на возможность его характеристики как неискреннего (ложного 2, мнимого 2, вынужденного, напускного, нахально-го, показного, притворного) чувства.

Эксперимент показал, что ассоциативные поля каждого из слов-стимулов второго синонимического ряда обнаруживают высокую степень стабильности.

Таким образом, отвечая на закономерный вопрос, что нового дает предложенная нами методика когнитивного анализа значения слова по сравнению с имеющимися, апробированными и доказавшими свою состоятельность методиками, мы хотели эксплицировать следующие моменты: 1) взаимосвязь, взаимодействие и не-противоречивость когнитивной семантики и теоретической семантики ("такований моделируют научно-лингвистическое знание языка, а более свободные перифразы, равно как и любые другие приемы объяснения значений, моделируют метаязыковую практику его носителей" [7, с. 346], мы бы добавили: и их языковую способность); возможность использования их методик по принципу дополнительности; 2) характеризуя ассоциативный словарь, Ю.Н. Карапулов указывает, что "он яв-

ляет язык в его предречевой готовности, обнажая скрытый, скрытый от прямого наблюдения способ "держания" языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу завесу над святыми, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего" [5, т.1, с. 191]. Считаем, что ни один самый блестящий лингвист не в состоянии в своей интроспекции отразить все многообразие существующих смысловых (возможно, и формальных) особенностей функционирования единиц языка. Тем более, что, как правило, над ним довлеют и языковая норма (стандарт), и особенности литературного языка. А ведь эволюция основывается на отступлении от нормы, на стабилизации случайных, нестабильных компонентов, которые проявляются себя в языке-феномене (онтологии языка) и впоследствии отражаются в языке-конструкте. Лингвист может оценить и зафиксировать результат эволюции, но повлиять на нее вряд ли; 3) интроспекция отдельных исследователей позволяет констатировать и даже объяснять существование в языке определенных семантических явлений, но отсутствие количественных данных делает описание явно недостаточным. По мнению А.Н. Баранова, "с теоретической точки зрения использование статистических методов в языкоznании позволяет дополнить структурную модель языка вероятностным компонентом, то есть создать *структурно-вероятностную модель*, обладающую значительным объяснительным потенциалом" [8, с. 40] (выделено автором. – Е.Л.). В связи с этим А.Н. Баранов считает, что задача построения структурно-вероятностной модели функционирования языка относится к теоретическим проблемам лингвистики и входит в компетенцию теории языка, так как подобная модель поможет выявить тенденции развития языковых явлений и на основе этого даже сформулировать гипотезы о будущем их состояний [8, с. 39-40]. Ср. идеи Бодуэна де Куртенэ о том, что "нужно чаще применять в языкоznании количественное, математическое мышление, и таким образом приблизить его все более и более к наукам точным" [9, с. 17]. Думается, наш анализ подтверждает, что использование даже самых элементарных количественных данных способствует не только повышению надежности результатов, но

и выявлению стабильных семантических "предпочтений" носителей языка и семантического потенциала слова, появляющегося в результате функционирования языковой единицы.

Литература

Пищальникова В.А. Общее языкоzнание: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001.

Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.В. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. 2-е изд., испр. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1999.

Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка, 1999б, т. 58, № 4. – С. 39-53.

Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка, 1999, т. 58, № 5-6. – С. 3-12

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Книга 1. – М., 1994. С. 190-218.

Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1995.

Аничков И.Е. Труды по языкоzнанию. – С.-Птб., 1997.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкоzнанию. Т. 1. – М., 1963.

Москальчук Г.Г.

КОНСТАТИРУЮЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ВОСПРИЯТИЮ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

Структура текста является результатом латентных и осознаваемых процессов речевой деятельности человека. Она осуществляется в виде неосознаваемой метропритмической матрицы.

Мы исходим из того, что за расстановкой границ отдельных предложений в тексте стоит сложная речевая деятельность испытуемых: 1) выбор модели текста через характер флуктуации размера предложения; 2) определение позиции наиболее значимой информации, потому что смещается положение наилучшего фокуса восприятия.

По тому, каким способом членится реципиентом целое, может быть проверена адекватность понимания текста читателем, а также выявлено неосознаваемое читателем постижение смысла текста. Для проверки гипотезы о предпочтениях носителями языка той или иной структуры текста был проведен констатирующий психолингвистический эксперимент. Из коммуникативно успешных осуществленных речевых актов нами были извлечены и систематизированы структурные характеристики формы текста [1]. Испытуемым в письменной форме предъявлялся фрагмент из «Дневников» М.М. Пришвина с устранными знаками препинания, без деления на предложения и со снятыми прописными буквами внутри текста. Ниже приводится авторский вариант текста, обладающий определенными характеристиками структуры. Случайным образом выбрана модель /21012/, в которой креативный атTRACTор располагается в интервале пост-ГЦн (выделен жирным шрифтом):

Я стою и расту – я растение. Я стою, и расту, и хожу – я животное. Я стою, и расту, и хожу, и мыслю – я человек. Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля. Опираясь на землю, я поднимаюсь: и надо мною небо, все небо моё. И начинается симфония Бетховена, и тема ее: всё небо - мое [2].

Текст предъявлялся в письменной форме на отдельной карточке. Инструкция: расставить знаки препинания в тексте. Время эксперимента 5 минут. Цель эксперимента: выяснить предпочтаемые испытуемыми модели структуры текста, а также оценить адекватность глубинного понимания авторского текста. Тексты предлагались испытуемым пяти групп: 1) школьники 5 и 10 классов – 36 чел.; 2) студенты-филологи (3 - 4 курс) – 29 чел.; 3) студенты-нефилологи (3 - 4 курс) – 30 чел.; 4) филологи с высшим образованием (возраст от 25 до 60 лет) – 29 чел.; 5) нефилологи с высшим образованием (возраст от 25 до 60 лет) – 28 чел.

В ходе эксперимента были получены 32 вариации предложенного текста, различающиеся по своим структурным характеристикам. Далее полученные тексты - реакции анализировались по разработанным нами методикам [1]. Анализ 154 текстов - реакций показывает несущественность образовательного ценза в выборе моделей структуры текста.

Если соотнести выбранные испытуемыми модели с вероятностью их употребления, то обнаруживаются следующие соотношения.

1. По употребительности они соотносятся с выявленной ранее тенденцией к наибольшей активности асимметричных моделей структуры текста. К первому десятку частотных рангов относятся 43 текста-реакции, ко второму – 42, к третьему – 29, к частотным рангам от 31 до 33 – 33 текста-реакции.

2. Модели без симметричных позиций отмечены в 88 реакциях испытуемых (61 %), а в 66 случаях (39 %) выбраны модели с симметричными позициями. Следовательно, эксперимент подтверждает выявленную теоретически тенденцию предпочтения асимметричных моделей структуры текста перед симметричными даже в случае, если текст-прототип содержит в своей модели симметричную позицию.

Таблица 1

Результаты эксперимента по выявлению позиции креативного атTRACTора в тексте (интервалы обозначены римскими цифрами, в скобках приводится частотный ранг)

Группа испытуемых (154 чел.)	I	II	III	IV	V	VI
Школьники (36 чел.)	1	19 (1)	13 (2)	8	5	0
Студенты-нефилологи (30 чел.)	0	13 (1)	8	9 (2)	0	0
Студенты-филологи (31 чел.)	1	13 (1)	13 (1)	8 (2)	2	0

Продолжение табл.

Нефилологи с высшим образованием (28 чел.)	1	10 (2)	10 (2)	13 (1)	1	0
Филологи с высшим образованием (29 чел.)	0	10 (2)	4	15 (1)	1	0
Сумма по всем выборкам	3	65	48	53	9	0
Иерархия интервалов	5	1	3	2	4	6

Расположение креативного атTRACTора в выбранной информантом модели позволяет косвенно оценить направленность гармонической правки текста, а также иерархичность позиционных интервалов в сознании носителей языка. В авторском тексте /21012/ креативный атTRACTор располагается в интервале пред-ГЦн. Далее, вплоть до ГЦ, стабилизация циклического фона создает ровный монотонную интенсивность градации, которая после ГЦ постепенно снижается до уровня зачина.

Следовательно, зачин и конец текста обрамляют нисходящий-монотонный ритм тела текста /3 – 6 – 5 – 5 – 4 – 3/. Общий баланс эволюции формы относительно атTRACTора, обозначенного символом «1»: 412234, граничные условия модели одинаковы, все изменения внутри структуры компенсируют друг друга /0/. Напомним, что чем больше значение, тем ниже плотность циклов в данном интервале.

Результаты показывают хорошее **соответствие ритма внимания реципиентов с характером распределения асимметрии, вызываемой цикличностью самоорганизации текста**. В целом, эксперимент воспроизводит иерархию интервалов текста, близкую к общезыгковой тенденции размещения наиболее значимой информации в тексте. Различия в интервалах пост-ГЦн и пред-ГЦ практически несущественны (табл. 2). В то же время в эксперименте проявилось повышенное внимание испытуемых к начальным интервалам тела текста. Здесь несомненное влияние оказала и структура авторского варианта, в котором область с максимальной плотностью циклов расположена в интервале пред-ГЦн.

Таблица 2

Иерархия по частотным рангам расположения креативных атTRACTоров в отдельных интервалах (жирным шрифтом обозначено совпадение предсказания и эксперимента)

Выборка	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	Пред-ГЦ	Пост-ГЦ	Конец
Реализованные модели	5	3	2	1	4	6
Нереализованные в выборке модели	6	3	2	1	4	5
Сумма по 243 моделям	5	3	2	1	4	6
Эксперимент	5	1	3	2	4	6

Таким образом, эксперимент подтверждает позиционную иерархию интервалов текста с небольшими деталями, относимыми, вероятно, к влиянию авторского варианта, который коллективно «угадан», если суммировать все 154 реакции испытуемых. Иерархия позиционных интервалов текста несколько сдвинута в эксперименте к его началу, что также свидетельствует о spontанности реакций испытуемых. Пока интерес к процессу работы и эмоциональный фон у испытуемых высок, они активно правят текст. Снижение же активности наступает после ГЦ, здесь вообще меньше правок.

В целом иерархия интервалов в эксперименте близка к распределению плотности циклов в материале: резкое возрастание циклической плотности от ГЦн до ГЦ, а затем – значительное снижение ее после ГЦ. Следовательно, алгоритм распределения элементов асимметрии совпал с теоретической общеязыковой моделью циклической самоорганизации текста через флуктуации размера предложения.

Наиболее предсказуемы области вокруг точечных атTRACTоров текста – ГЦн и ГЦ. Важно отметить явную тенденцию к структурной интеграции тела текста и элементов обрамления: зачина и конца. Характерны не слишком резкие различия граничных условий для большинства моделей (см.: модели в табл. 3).

Направленность градации циклов в выбранных испытуемыми моделях позволяет оценить скрытые эмоциональные подтексты, которые приписываются информантами данному тексту. Реальные ритмические параметры текстов довольно сильно различаются, поэтому представим сначала самую общую картину направленности градаций циклов, определяющуюся граничными условиями модели. Результаты показывают незначительное предпочтение в выборе восходящих градаций структуры текста перед нисходящими (табл. 3). Авторский текст относится к стабильным моделям, он опознан 26 реципиентами.

Таблица 3

**Результаты экспериментальной проверки
опознания испытуемыми типа градационной
модели текста**

Тип модели	Восходящая			Стабильная		Нисходящая		
Группа информантов	- 5	- 2	- 1	0 (авторский вариант)	+ 1	+ 2	+ 3	
Школьники	0	5	8	6	14	2	0	
Студенты-нефилологи	0	0	9	8	9	0	0	
Студенты-филологи	1	0	11	4	14	1	0	
Нефилологи с высшим образованием	0	0	11	3	12	1	1	
Филологи с высшим образованием	0	0	15	6	3	0	0	
Сумма реакций по всей выборке	1	5	54	27	52	5	1	
	60			57				

Представляет также интерес оценка распределения границ трех типов границ позиционных срезов в выбранных испытуемыми моделях структуры текста на фоне теоретической вероятностной тенденции. Эксперимент подтвердил общую тенденцию организации структуры текста (табл. 4).

Колебания испытуемых в выборе характера границ в позиционных срезах оценивались по значениям, превышающим средние вероятности для появления в выборке границ того или иного типа. Конкуренция границ в выбранных испытуемыми текстах реализует следующую структуру текста: [2/0 - 2/1 - 0/1 - 1 - 2]. Колебания преобладают в выборе первых трех границ, далее – в ГЦ и на границе с зоной конца текста – выбор испытуемых все больше склоняется к авторскому варианту. Все флюктуации размера предложения, отмеченные в эксперименте, в данных интервалах менее значимы в силу их протяженности. В первых же срезах (зона начала текста) структура целого более чувствительна к флюктуациям размера предложения, ибо сами интервалы здесь значительно меньше по протяженности.

Таблица 4

**Распределение трех типов границ
по позиционным срезам**

Позиция	- 0,472	- 382 (ГЦи)	- 0,236	0 (ГЦ)	+ 0,236
Тип границы					
2 (крутая слева)	833 144/935	500 79/512	750 41/266	333 20/129	250 58/377
1 (пологая слева)	167 6/38	417 75/487	167 50/324	417 133/863	667 94/610
0 (симметричная)	0 4/25	83 0/0	83 63/409	250 1/6	83 2/13

Примечание: в первой строке – указана вероятность на 1 тысячу текстов, во 2 строке – результат констатирующего эксперимента: первая цифра – количество границ в моделях, после косой черты – вероятность; жирным шрифтом выделены значения, превышающие вероятностно-статистическую норму.

Итак, результаты анализа структурных особенностей свободно выбранных испытуемыми моделей формы текста показывают, что позиционный анализ текста может применяться не только в качестве способа обработки результатов эксперимента, но и способен отчасти заменить некоторые виды лингвистического эксперимента.

Данное обстоятельство важно для проектирования и осуществления разнообразной деятельности с текстом: исправление погрешностей стиля, направленная гармоническая правка текста с целью придать ему заданные параметры воздействия; планирование экспериментов; построение моделей текста для исследовательских целей и др. [3].

Литература

Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998

Пришин М.М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8

Москальчук Г.Г. Оценка эквивалентности перевода на уровне гармонии целого // Педагог: наука, технология, практика. Барнаул, 2000. № 2 (9). С. 61-66

Нестеренко С.П.

ГРАФЕМА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕЙ РОЛИ ПЕЧАТНОГО ЗНАКА

В проведенных на сегодняшний день психолингвистических исследованиях смыслообразующей и регулирующей роли различных компонентов воспринимаемого текста за рамками внимания остается графическая оболочка речевого произведения. Вопрос о ее регулирующем влиянии ставится, как правило, лишь в специальной технической литературе и решается в утилитарно-эстетическом аспекте. Между тем психолингвистически обоснованное решение указанной проблемы представляет определенную ценность для ряда сфер человеческой деятельности, связанных с текстом как носителем информации (реклама, издательское дело, дизайн, искусство-введение, шрифтовое программирование, психология, лингвистика), поскольку создаст научные предпосылки для осуществления более эффективного воздействия на читателя с помощью текста.

Печатный текст предстает в виде совокупности печатных знаков, набранных тем или иным шрифтом. Шрифт обладает рядом характеристик (кегль, пропорциональность, гарнитура, насыщенность, начертание,

регистр, контрастность), среди которых гарнитура шрифта – основной параметр печатного знака, непосредственно воздействующий на реципиента в процессе перцепции. Под гарнитурой шрифта в статье понимается (в психолингвистическом аспекте) художественно окрашенный способ передачи смысла печатного текста, непосредственно осознаваемый реципиентом в стадии визуальной перцепции и регулирующий процесс восприятия и декодирования речевого высказывания. С точки зрения языкового знака единицей регуляции является гарнитурно-шрифтовой вариант, в котором «означающее» представлено художественными особенностями конкретной гарнитуры, а «означаемое» – степенью соотнесенности с графемой.

Под «графемой» понимается абстрактная визуальная инвариантная модель графического знака, аккумулирующая минимальный набор его дифференциальных признаков, выполняющая смыслоразличительную функцию и представленная в речи рядом позиционно и непозиционно чередующихся буквенных вариантов (в том числе гарнитурно-шрифтовых). Основанием для расхождения с лингвистической традицией в интерпретации графемы стал, с одной стороны, выявленный автором работы функциональный параллелизм фонемы и графемы, позволяющий, в частности, говорить о наличии у графемы лингвистического содержания, а с другой – данные ряда исследований, ставящие под вопрос вторичность письменной речи по отношению к речи звучащей.

Термин «графема» был введен в 1881 г. И. А. Бодуэном де Куртенэ [1; 2]. Графему ученым характеризовал как некое абстрактное представление о знаке письменной речи, общее для всех вариантов начертания букв, которое невозможно изобразить, поскольку «обнаруженная графема становится буквой, точно так же, как и обнаруженная фонема становится звуком» [2, с. 214]. В современной лингвистике графема понимается как неязыковое явление, носящее материальный характер: это «основная структурная единица, входящая в систему письменного варианта данного языка» [3, с. 117], «единица письма, выступающая в различных ва-

риантах в зависимости от стиля письма, места в слове или в предложении» [4, с. 83] либо «минимальная единица письменного языка, служащая для обозначения фонемы» [5, с. 27].

В данной работе графему мы рассматриваем не просто как некий графический инвариант, реализующий адекватную передачу звучащей речи, а как абстрактную языковую единицу особого уровня иерархической системы языка – *графемного*.

В лингвистике предпринимались попытки выявления в иерархической структуре языка еще одного уровня – графемного, исходящие из того, что «описание письменной формы слов вскрывает особых от устной формы морфологическую систему письменного языка» [5, с. 27]. Основным доводом в пользу включения графемного уровня в систему языка при этом считалась возможность анализа по дифференциальным признакам, позволяющего систематизировать отношения между единицами этого уровня. Целью этого анализа было обнаружение внутрисистемных отношений единиц графемного уровня с целью выявления абсолютного (т.е. функционального и структурного) параллелизма между фонемой и графемой.

Но еще Бодузэн де Куртенэ, отказывая графеме в статусе языковой единицы, говорил о главном ее отличии от фонемы: «характеристическим признаком фонем следует считать их разложимость, характеристическим же признаком графем – их неразложимость» [2, с. 213]; Л. Р. Зиндер, используя метод доказательства от противного, говорит о неправомерности попыток систематизации отношений между единицами гипотетически выделяемого графемного уровня и, следовательно, о невозможности его выделения вообще [5], поскольку по принципу наличия/отсутствия противопоставленных дифференциальных признаков в рамках графемного уровня невозможно выявить аналогичные фонемным системные отношения между графемами; опровержение этого постулата послужило бы лингвистическим основанием для того, чтобы квалифицировать графему как языковую единицу.

На наш взгляд, графема, как и любая другая языковая единица, в речевой реализации может подвергать-

ся не только операции субSTITУции, но и распадаться на сегменты, или, пользуясь термином Э. Бенвениста, «меризмы» – различительные признаки, поддающиеся только операции субSTITУции и вступающие только в парадигматические отношения [6, с. 130–131]. «Меризмы» графем служат штрихи, позволяющие, во-первых, вычленить из окружающей действительности данную совокупность линий как букву вообще, а во-вторых, отличить одну букву от другой. Так, неповторимое и конвенциально закрепленное сочетание двух наклонных, зеркальных по отношению друг к другу вертикальных штрихов и одного соединяющего их горизонтального дает букву «А», а положение горизонтальной перемычки позволяет отличить «П» от «Н».

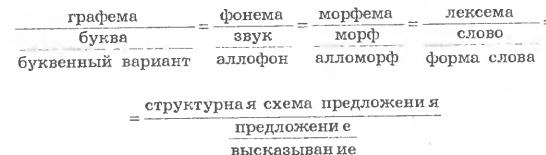
Следует согласиться с тем, что не каждый «меризм» несет функциональную нагрузку, в отличие от самих графем (единственное проявление функциональности «нефункциональных» «меризмов» состоит в том, что данный «меризм» отличает букву от другого графического знака, который буквой не является). Однако этот факт не может быть достаточным для отказа графеме в статусе языковой единицы. Во-первых, те «меризмы», которые по отдельности не несут функциональной (смыслоразличительной) нагрузки, все-таки несут ее, будучи объединенными с еще одним или несколькими «меризмами» (причем их сумма не равна всему графическому облику буквы, например, «М» отличается от «Н» комплексом «меризмов», состоящим из двух сходящихся вертикальных штрихов), т.е. можно говорить о «меризмах» разной степени сложности как основании для установления системных отношений между графемами. Во-вторых, противопоставление «меризмов» не обязательно должно обосновываться лингвистически: достаточно внешних графических различий буквенных вариантов, поскольку противопоставление фонем внутри фонемного уровня базируется также на экстралингвистических характеристиках: фонемы упорядочены в зависимости от акустических особенностей их речевых представителей – звуков. В-третьих, не является непреложным для «меризмов» и принцип объединения их в группы, противопоставленные друг другу: достаточно того, что каждый «меризм» (либо комплекс «меризмов»)

отличается от другого визуально и позволяет говорить о том, что перед реципиентом та, а не иная буква (в рамках фонемного уровня также существуют непарные признаки, дифференцирующие данный конкретный звук). Допустимо выделение синтагматического ряда графемных «меризмов», однако, в отличие от фонемных, они ограничены в возможностях парадигматических отношений (особенно это касается «меризмов» строчных букв), в силу чего сложно судить о возможности существования особого языкового уровня графемных «меризмов», т.е. уровня, стоящего ниже, чем графемный.

Еще одним фундаментальным доводом лингвистов против выделения графемного уровня системы языка является устойчивое традиционное признание вторичности письменной речи по отношению к речи звучащей, основанное, с одной стороны, на том, что в онтогенезе первичным для становления яруса поверхностного лексического компонента речевой способности человека является подъярус звуковых форм слова, а с другой стороны, на том, что ведущим принципом русской орфографии является фонематический принцип [7; 8].

Однако в последнее время в лингвистике встает вопрос о неправомерности понимания письма только как средстваreprезентации фонем. Исследуется вопрос о том, является ли письменная речь не косвенным продуктом речевой деятельности, а специфическим ее типом. Аргументированного ответа (в лингвистическом аспекте указанной проблемы) на данный момент нет, однако решение этого вопроса стало возможным в иной сфере – в рамках психологических исследований порождения и восприятия речи. Психологами был поставлен вопрос о возможности минимизации участия фонемного кодирования воспринимаемого текста в процессе чтения и получены экспериментальные доказательства того, что роль письма не может быть ограничена фиксацией звучащей речи: работая с письменным/печатным текстом, субъект речевой деятельности выражает свои мысли и получает информацию через органы зрения независимо от наличия фонемного кодирования/декодирования общения [9; 10; 11], что позволяет говорить о письменной речи как о самостоятельном средстве реализации языковых значений.

Таким образом, фонема и графема не находятся в отношениях подчинения: между ними существует функциональный параллелизм. Графема и фонема занимают равноправное положение в иерархической системе языка, поскольку обе являются минимальными языковыми единицами. С точки зрения диахромии «язык-речь» выстраивается следующий ряд соотношений:

Графема, подобно фонеме, выполняет *смылоразличительную функцию*, в этом состоит ее лингвистическое содержание. Материальная, т.е. речевая реализация графемы – буква – служит строительным материалом для речевых единиц более высокого порядка – морфов; на уровне абстрактных языковых единиц соотношение аналогичное: план содержания графемы входит в план содержания морфемы. В речи графема может быть представлена рядом *буквенных вариантов*, которые в рукописном тексте обладают индивидуальными чертами почерка, а в печатном – зависят от перечисленных ранее характеристик шрифта, в том числе от гарнитуры.

Природа реализации смыслоразличительной функции графемы в процессе чтения обусловлена психофизиологической и психологической спецификой *процесса восприятия*. Восприятие обладает всеми специфическими характеристиками деятельности: оно предметно, целенаправленно, мотивировано, имеет фазную, иерархически структурированную организацию, допускает вероятностное прогнозирование и эвристический компонент, носит активный саморегулирующийся характер; единицами восприятия являются перцептивные действия и операции, а результатом – психический образ [12]. Становление перцептивного зрительного образа происходит постепенно, в определенной последовательности. Фазная

природа этого процесса обусловлена такой особенностью зрительного восприятия, как аналитизм. В психофизиологии факт аналитичности восприятия был выявлен экспериментально [13; 14], а также установлено, что внимание выделяет значимые компоненты букв, т. е. те, которые способствуют ее опознанию: «Восприятие монограммы из букв Н и В иллюстрирует значение осмысленных перцептивных элементов, сформировавшихся в результате прошлого опыта. При фрагментации этой монограммы в ней последовательно видны знакомые буквы и цифры... Выделение бессмысленных сочетаний происходит гораздо реже» [15, с. 199]; «признаками объекта служат те его части, которые доставляют наибольшую информацию» [16, с. 240].

Таким образом, графическая оболочка речевого высказывания принимает активное участие в смыслообразовании, в первую очередь – за счет ее смыслоразличительных качеств. Формальную сторону воспринимаемого текста в связи с этим следует признать важным компонентом, регулирующим процесс перцепции печатного текста.

Литература

Бодуэн де Куртене И. А. Введение в языкознание // Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т.2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 246-293.

Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т.2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 209-235.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976.

Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1987.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.

Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.

Панов М. Ф. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. – М.: Наука, 1964.

Кузнецов О. А., Хромов Л. Н. Техника быстрого чтения. – М.: Книга, 1983.

Андреев О. А., Хромов Л. Н. Учитесь быстро читать. – М.: Просвещение, 1991.

Каптелинин В. Н. Экспериментальное исследование зрительного восприятия слов // Вопросы психологии. – 1983. – №1. – С. 147-152.

Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Ярбус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения. – М.: Наука, 1965.

Сэттон А. Принципы оформления и макетирования // Оформление газет и журналов за рубежом. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 104-126.

Притчард Р. Стабилизированные изображения на сетчатке // Восприятие. Механизмы и модели: Пер. с англ. / Под ред. Н. Ю. Алексеенко. – М.: Мир, 1974. – С. 194-203.

Ноттон Д., Старк Л. Движения глаз и зрительное восприятие // Восприятие. Механизмы и модели: Пер. с англ. / Под ред. Н. Ю. Алексеенко. – М.: Мир, 1974. – С. 226-249.

Орлова Н.В.

ПО ЧЬЕЙ ВОЛЕ? (КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ НАРОДНЫХ МЕМУАРОВ)

Предметом наблюдения являются некоторые особенности представления отношения *воля человека – действие человека* в сознании авторов народных мемуаров М.Н.Колтаковой и В.А.Плотникова [1, 2]. Общеизвестно, что концептуализация мира человека бессознательна и не лежит на поверхности, однако язык дает возможность верифицировать гипотезы относительно ментальных структур его носителя.

Начнем с того, что мемуары М.Н.Колтаковой и В.А.Плотникова насыщены акциональными глаголами. Так, на стр. 38 текста [1] из 242 полнознаменательных

слов таких глаголов 57. В то же время производитель действия эксплицируется весьма непоследовательно: текст изобилует конструкциями, обозначенными в традиционной грамматике как неполные с пропущенным подлежащим. Зачастую такое положениеельзя объяснить восстанавливающей функцией контекста, поскольку информации о деятеле контекст не несет. См. Типичные фрагменты текста [1], в которых не обозначена смена субъекта, так что неопределенно-личное и определено-личное (с субъектом *я*, *мы*) значения в известном смысленейтрализуются:

В школу я ходила один год. Потом пряли, ткали, лен рвали, трепали, чесали, хлеб ростили. Новины вырубят, высохнет – все сожгут. Лес хороший уберут настройку, а мелкий сжигали; В домах сидели с лучиной. Березы нащеплют и в светильник – корыто с водой – стыкают лучину и так пряли. [1, с. 38].

Комментирующий мемуары М.Н.Колтаковой Б.И.Оsipов отмечает (в связи с другими особенностями текста), что в них «взгляд на человека является менее личностным, более соборным» [1, с. 19]. Представляется, что «отчуждение» действия от его конкретного производителя в самом деле свидетельствует о некоем крмлении роли (и волевого начала) отдельной личности – при том, что таким образом концептуализируется еще одна мировоззренческая категория – «свои, свой круг». Но если здесь за отсутствием «я» чаще всего стоит «мы», то в следующем типе конструкцийрепрезентируется другой традиционный концепт – «они, чужие».

Мемуары обоих авторов изобилуют неопределенноЛичными предложениями с казуативными глаголами. Идея внешней, помимовольной каузации действий субъекта-лица объективируется в сравнительно небольшом списке глаголов (одних и тех же у М.Н.Колтаковой и В.А.Плотникова): (*X-у*) *дали, давали, выдали, отдали, платили, (у X-а) забрали, выгребли, отобрали, отбирали, (X-а) взяли, забрали, повели, увели, гоняли, погнали, прогнали, угнали, не выпустили, распустили, под задтолкали, поставили (заведующим), посадили, освободили, отпустили*. Имплицированный каузирующий субъект (= «неопределенное множество лиц») моделиру-

ет отношение человек – государство, в которых человек лишен собственной воли. Показательно в таких предложениях лексическое представление предиката. Владея достаточно богатым лексиконом, в данном случае авторы опираются на языковые средства, которые лишь на один шаг (+ каузация) сложнее обозначений ситуаций, которые в когнитивистике называют прототипическими [3] (типы движения, перемещения объекта, посессивные отношения и некоторые другие): *гнали, повели = каузация идти, забрать = каузация дать, выдать = каузация иметь и т.д.* Мы можем лишь предполагать, случайно ли такое «возвращение к когнитивным истокам» человеческого сознания и – как следствие – к самым простым (семантически примитивным) языковым формам в тех фрагментах текстов, где речь идет о человеке, лишенном личностных, в том числе волевых, качеств. Особенно высокая частотность высказываний с внешней каузацией движения подталкивает еще к одной гипотезе культурологического плана: если жизнь конвенционально концептуализируется как движение, то, по свидетельству народных мемуаристов, «простой человек» зачастую не только перемещается, но живет не по своей воле. См. примеры:

Ганяли на работу ево. Не-знаю, де-то...куда... Как-вот меня за Красавино ганяли, а ево куда – не-знаю [1, с. 43].

Житье было неважное: ни товаров, ни спичек, ни керосина не было, хлеб отырали, лошадей добрых тоже отбирали для армии, телеги, хомуты – все собирали доброе. Одежду защитного цвета всю отбирали [2, с.115].

Итак, действия человека, лишенного собственной воли в государстве, регулярно обозначаются предикатами неопределенноЛичных конструкций. Следующая особенность видения отношений воля человека – действия человека не связана у авторов с какой-либо сферой жизни. В мемуарах крестьянина В.А.Плотникова (у работницы М.Н.Колтаковой данная особенность проявляется в меньшей степени) активно востребована еще одна конкурирующая с $N_1 - V_{fin}$ конструкция. Если не пользоваться действительностью неудачной номинацией «безлич-

ная» и принять термин Г.А.Золотовой, Н.К.Онищенко, М.Ю.Сидоровой «инволютивная» [4], то мировоззренческие акценты не придется комментировать. Речь идет о модели N_{dat} – пришло - Inf, которая только на стр. 112-124 текста В.А.Плотникова реализована 20 раз! Иллюстрации к словарным значениям «пришло» в словаре С.И.Ожегова [5] высвечивают общий даже для полноизменительных ЛСВ смысл непроизвольности и некоторой случайности: см. Удар пришелся по ноге. Но чует где придется. На каждого пришло по рублю. Еще очевиднее этот смысл в высказываниях, где пришло оказывается в позиции модельного модификатора: Ему придется уехать. В связи с данной конструкцией хотелось бы поразмышлять о том, как оценивает ситуацию «инволютивного действия» сам мемуарист. Естественно было бы ожидать, что не по своей воле человек делает нечто неприятное, тяжелое, то есть, другими словами, видеть пришло в контекстах нежелательных ситуаций. Этот взгляд отражает, кстати, словарная иллюстрация Им пришло нелегко на чужбине. Однако в мемуарах презентированный в пришло инволютивный смысл регулярно сопровождает не только нежелательные ситуации (примеры 1-2), но инейтральные (примеры 3-4) и даже вызывающие ностальгические воспоминания (5-6):

1. Мужчин всех паровых взяли в армию. Нам с сестрой Анной пришло запрягаться вплотную с помощью соседей стариков [2, с. 113]. (2) Отселялись и кушать совсем стало нечего. Пришло корни от камыша, мочку, в болоте тянуть: надо жизнь спасать от смерти! [2, с. 117]. (3) Мне пришло посидеть в комиссиях: я был избран членом сельсовета [2, с. 123]. (4) Была туча, дождь – и мне прилось (то есть пришло время – Н.О.) родить. [1, с. 55]. (5) Отец меня очень любил, потому что я у него был один сын, а тут все девки. Но немножко мне пришло с отцом жить 1912 года ноября 8 ... отец помер [2, с. 113]. (6) Но с хлебом жить пришло недолго [2, с. 113].

Оказывается, грамматикализованный (следовательно, конвенциональный) смысл *не по своей воле* не вызывает в данном случае (в индивидуальных концептуаль-

ных системах) прочных ассоциаций с нежелательным. По-видимому, конструкции с *пришло* философски осмысляются авторами, особенно крестьянином В.А.Плотниковым, как отражающие естественный ход жизни, который остается лишь принять. Не случайно так активнее у этого автора фразисный модификатор *пришла* (весна, осень, страда, пора жениться), манифестирующий наступление природных, естественных состояний\ положений дел. Будучи связаны формой, *прийти* и *прийтись* ассоциируются в смысловом отношении. Тогда следует признать, что, во-первых, в когнитивной структуре инволютивности здесь неактуальны (погашены) смыслы *вынужденно*, *против воли*, *принудительно*, так что здесь *не по своей воле* не значит «*против воли*», а во-вторых, имеет место нейтрализация различий в субъективной (модальной) семантике конструкций $N_1 - V_{fin}$ и $N_{dat} - \text{пришло} - \text{Inf}$.

Кстати, интересное соответствие нейтрализации модальных различий в грамматике обнаруживаем на лексическом уровне. Наблюдения за функционированием модельного глагола *заставить* приводят к выводу о том, что конвенциональный смысл принудительной каузации действия («насилия над волей») в нем регулярно отсутствует. В следующих примерах контексты никак не сигнализируют о том, что производитель действия не хотел его совершать, так что в иных концептуальных системах (у иных говорящих) предпочтительнее были бы глаголы *просить*, *сказать* (*чтобы сделал*) и т.д.:

Иди в избу, заставь замешать тесто, как на пельмени. Немного погуще. Неси сюда [2, с. 126].

Я его заставлю... это... подаю ведро. Он вытащит [1, с. 81].

По всей видимости, сами говорящие не ощущают совершаемого ими насилия над не участвующими в коммуникации третьими лицами (в данных примерах – женой и мужем мемуаристов). Что это – следствие того же отсутствия негативного отношения к действию, совершающему не по своей воле, или некая агрессивность сознания (что, однако, ничем не подтверждается), или что-то, что имеет связь с иерархическими отношениями в семье? В любом случае «озвученная» словом идея при-

нудительности реально не сопровождается у «простого человека» негативной установкой по отношению к тому, кого «заставляют».

Итак, с точки зрения крестьянина и работницы, человек зачастую совершает действия не по своей личной воле. Волюнтивное начало сосредоточено либо в обществе тех, к миру которых причисляет себя (традиционная идея соборности), либо в неопределенном множестве лиц, воплощающих волю государства. В иных случаях, когда носитель воли не манифестируется совсем, фиксируется естественный ход вещей. У крестьянина В.А.Плотникова, атеиста, данный смысл выражен более последовательно, чем у верующей работницы М.Н.Колтаковой. Отношение к действиям не по своей воле неоднозначно (рамки статьи не позволяют говорить об эмоциональной и интеллектуальной реакции мемуаристов на принуждение со стороны государства), однако доминирует мировоззренческая позиция, в явном виде обозначенная В.А.Плотниковым как «*Деваться некуда. Надо все переносить*».

Воспоминания работницы М.Н.Колтаковой.

Когнитивная лингвистика нуждается в работах, расширяющих фактическую базу активно развивающейся теории. Настоящая статья решает в первую очередь эту задачу. Как представляется, на нашем материале «работала» идея прототипов, а тезис о концептуализации мира средствами синтаксиса получил еще одно подтверждение. Наконец, результаты наблюдений дают пищу для размышления о методе когнитивистики, которая не может замыкаться на собственном материале [6]. Лингвистическая верификация гипотез относительно ментальных структур с неизбежностью вовлекает в исследование данные смежных гуманитарных дисциплин (в данном случае социолингвистики).

Литература

Воспоминания работницы М.Н.Колтаковой «Как я прожила жизнь». Публикация и исследование текста. – Омск, 1997.

Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А.Плотникова. Публикация и исследование текста. – Омск, 1995.

Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкоznания. – 2000. – № 4. – С. 85-110.

Золотова Г.А., Онищенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1985.

Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в русском языке) // Изв. АН. Серия лит. и языка. – Том 58. – № 5-6. – 1999.

Поломошнова А.Н.

ИЗМЕНЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ У БОЛЬНЫХ С АФАЗИЕЙ

Афазия – системное нарушение ранее сложившейся речевой функции в результате поражений мозга различной этиологии. Формы афазии различаются по первичному дефекту в речемыслительном процессе сенсорному, моторному или дефекту высших синтезов в структуре речи. Однако первичный дефект часто оказывается скрытым вследствие процессов компенсации, перестройки всей речевой системы, функционирующей по принципу динамической. Интересен и вместе с тем закономерен, на наш взгляд, тот факт, что все исследователи афазии отмечают *изменение структуры значения слова при любой форме афазии в сторону его сужения или глобализации* – эти два, казалось бы, разнонаправленных процесса характеризуются *снижением уровня словесного обобщения*. Наиболее ярко результаты этих процессов выражаются в вербальных парадигмах – словесных ошибках, отражающих изменения в структуре значения слова.

Поскольку словосочетание «значение слова», а тем более «структуре значения слова» в современной лингвистике утратило свою терминологичность и понимается неоднозначно, уместно будет кратко определить, что автор статьи имеет в виду. Значение слова понимается, вслед за В.А. Пицальниковой, как стабильно-динамическая структура, реализующая определенный

способ познания действительности и оформленная определенным звуковым образом. Эволюция значения состоит в смене доминантного концептуального признака, цементирующего всю структуру (полевая организация) и наиболее тесно связанного со словом (с его внутренней формой). Парафазии отражают изменения в структуре значения, связанные со сменой способа концептуализации, в основу кладется другой признак, как правило, более низкого уровня обобщения.

В случае сенсорной и моторной формы афазии страдает уровень организации речи, связанный с процессами восприятия (дефекты фонематического слуха, дефекты образов-представлений и т.д.) и кинестетических ощущений, что находит выражение в дефектах перешифровки звуковой стороны слова в его значение. Разрушение связи звукового облика слова и значения лишает когнитивную структуру стабильности, что проявляется в трудности актуализации слова в процессе производства речи (наиболее частотные стратегии компенсации: замена слова семантически близкими сочетаниями, перечисление слов родственной семантической группы), так и в трудностях и «ошибках» процесса смыслопорождения при восприятии слова, страдает доступ к информационной базе индивида. Однако ослабление или разрушение связи звучания и значения не означает исчезновение когнитивной структуры, она трансформируется, инициируя процессы перестройки всего ментально-го лексикона, представляющего собой самоорганизующуюся динамическую систему вещества (перцептивный уровень, связанный с фонетическим, кинетическим и кинестетическим образом слова), энергии (аффективные процессы) и информации (понятийный уровень). Можно предположить, что в процессах патологического изменения меняется отношение между речью и мышлением, возможно, какая-то часть информации уходит из области сознания, но продолжает участвовать в процессах смыслопорождения, и тогда разрыв между когнитивным содержанием и возможностью его словесного выражения становится еще более ощутимым. Уменьшение количества стабильных структур ведет к снижению разнообразия и, следовательно, утрате мобильности, гибкости всей речемыслительной системы, что является одной из при-

чин затруднений при понимании метафорических выражений (реализация когнитивного механизма аналогии) при всех формах афазии. Это свидетельствует уже о нарушении более высокого уровня организации - языковой способности, психофизиологического механизма перекодирования значения на смысл и смысла на значение. Нарушение языковой способности проявляется и в изменении связи между акустическим образом слова и когнитивной структурой: символическая связь, обеспечивающая возможность многозначного употребления слова (динамика значения), заменяется более жесткой связью, слово начинает функционировать в синтаксически устойчивом окружении (стереотипные речевые формы), понимается в одних контекстах и не понимается в других. Трансформация символической связи связана с общеафазическим процессом изменения словесного обобщения.

При всех формах афазии наблюдается нарушение понимания семантически близких слов, стираются различия между синонимами, что свидетельствует о процессах *симметризации когнитивной структуры значения*, потеря динамики, поскольку синонимия является фиксацией состояний ее изменения.

Независимо от уровня нарушения, от первичного дефекта *афазия является нарушением языковой способности*, что отражается в изменении ее операциональных основ – механизмов символизации и аналогии и ведет к дезинтеграции всей психической сферы индивида, в том числе и мышления.

Пушкина Е.С.

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ ПСИХОКОМФОРТНОСТИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

Учебная деятельность осуществляется, в основном, посредством овладения теоретическим и практическим материалом, представленным в школьных учебниках, которые можно рассматривать как совокупность связанных между собой текстов разной функциональной направленности. Существует проблема определения уровня

сложности текстов для усвоения материала школьника-ми. Главная задача состоит в выявлении принципов моделирования текстов учебника. Мы полагаем, что учебный текст должен обладать таким качеством, как психокомфортность. Под психокомфортностью текста понимается совокупность характеристик, от которых зависит успешность процесса получения, хранения, воспроизведения какой-либо информации. Проблема оптимальности учебного текста рассматривается в работе через призму объективных параметров, регулирующих процессы формообразования. Описание текста через его форму позволяет выйти на иной уровень понимания процессов конструирования и управления текстом. Обнаружение параметров оценки психокомфортности учебного текста осуществляется посредством изучения специфики глубинного уровня объекта. Важно установить связь между процессами скрытыми в форме текста (обнаруживаются с помощью метроритмической матрицы) и процессами восприятия, воспроизведения текста читающим.

Система параметров оценки психокомфортности учебного текста, в которой учитываются следующие параметры: 1) разделение на зоны «слабого» и «сильного» восприятия; 2) особый статус креативного атTRACTора в сценарии становления системы учебного текста; 3) соотношение иерархизации смысловых блоков по степени значимости для реципиентов с градацией текста на структурном уровне; 4) фактор размера текста и составляющих его предложений. Указанные

параметры применялись к текстам правил по орографии и пунктуации как особого типа учебного текста.

Текст как любая динамическая система имеет разнокачественные характеристики состояния процессов формообразования на определенных участках ее развития. Применение метроритмической матрицы как универсального конструктора позволяет выявить качественно-количественные переходы из одного состояния системы в другое. Интенсивность процесса становления текста как целого, определяемая по плотности циклов, отличается в разных позиционных интервалах. Вероятно, данные изменения на пути эволюции текста к атTRACTору предопределяют его функциональную дифференциацию, которая и воспринимается читателем неосознанно.

Падение интенсивности структуры текста, вероятно, обусловливает снижение читательского восприятия, поскольку читатель следует за тем путем развития системы, который заложен в матрице текста. Следовательно, рост интенсивности предполагает неосознанную концентрацию внимания на том участке структуры, в котором расположена значимая информация. Важно обнаружить так называемые зоны «слабого» и «сильного» восприятия, определить место их предпочтаемой локализации в структуре текста, соотнести с интенсивностью процесса развития системы от начала ее становления к концу текста. Представляется интересным рассмотреть корреляцию креативного атTRACTора с зонами «слабого» и «сильного» восприятия. Поскольку креативный атTRACTор - область наибольшей интенсивности формообразовательного процесса и именно там, как правило, размещена наиболее значимая информация, можно предположить, что оптимальность сценария развертки информации в тексте проявится при совпадении зоны «сильного» восприятия с креативным атTRACTором.

Размер текста и предложений есть один из управляемых параметров системы, который определяет характер метроритмической матрицы и обуславливает динамические процессы формы текста (выявление места сильных и слабых позиций текста, также зоны зачина происходит относительно размера текста).

Таким образом, решая проблему поиска способов конструирования учебных текстов, соответствующих оптимальному восприятия и усвоения учащимися, мы обращаемся к исследованию процесса самоорганизации материи текста. При изучении вариантов пути развития текста как системы определяются оптимальные режимы его эволюции.. Предлагаемые нами критерии психокомфортного текста - основа для разработки принципов моделирования текста с лучшим для восприятия сценарием развертки информации

Пшенкина Т.Г.

ОРИЕНТАЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОСТРАНСТВЕ СМЫСЛА

Современные науки, обращаясь к вечной теме «мир и человек», открывают все новые аспекты исследования,

«человеческого фактора», а язык предлагает свои ресурсы для их закрепления в нашем сознании: *homo sapiens* - человек разумный, *homo loquace* - человек говорящий, *homo legens* - человек читающий, а Людвиг Витгенштейн, утверждавший в своих «Философских исследованиях», что понимание - это всегда процесс, успех которого зависит от того, действуем ли мы по правилам предложенной нам языковой игры, предопределил интерес к *homo ludens* - человеку играющему.

А какими особенностями обладает человек *переводящий*? Кто он? Билингв, продукт «смешанного» двуязычья (Л.В.Щерба), «вторичная» «удвоенная» языковая личность (И.И. Халеева), конструктивный маргинал (М.Беннетт)? Что может предложить нам латинский? *Homo traductor*? - «пере - водчик», тот, кто осуществляет перемещение текста из одного языка в другой? Или *homo translans* - человек в процессе перевода, человек переводящий? Узально употребляемого термина пока нет. Может быть оттого, что ещё чётко не оформленся статус переводчика в переводческом процессе, его роль в этой многоаспектной деятельности, не прояснены механизмы и стратегии, избираемые для достижения оптимального результата.

Мы считаем, что возможности когнитивного подхода в этом плане объективно велики, прежде всего потому, что они позволяет подойти к «проблеме непосредственно не наблюдаемого». Их ценность для осознания процесса перевода заключается в том, что они могут помочь «вторгнуться» в мыслительную деятельность переводчика, так как рассматривают когнитивную систему человека как информационно-обрабатывающую систему, способную объяснять, как извлекается, перерабатывается и интерпретируется информация во время речемыслительной деятельности.

Исходя из этих положений, рассмотрим вопрос о *статусной позиции переводчика*, обуславливающей стратегии его деятельности.

В современных работах, посвящённых восприятию и концептуализации действительности, формированию этнической картины мира, a priori подразумевается, что центром процесса познания окружающего мира является человек. Этот взгляд вполне согласуется с основной кон-

цепцией философской антропологии, считающей человека своим исходным началом и утверждающей, что онтологический статус мира определяется его познавательной деятельностью. Однако для нас принципиальным является наметившийся в настоящее время *отказ от обязательного отождествления человека с говорящим*. Действительно, присутствие «субъективного», связанного с местоположением в пространстве, с которого видится объект, проявляется в значении многих лексических и грамматических единиц, причём не обязательно имеющих статус пространственных выражений, и связывается не только с фигурой говорящего, но и наблюдателя.

Мы считаем необходимым расширить границы присутствия наблюдателя, выведя его из семантического пространства одного языка в многомерный и разнонаправленный коммуникативный универсум, и *наделить этой функцией переводчика*, полагая, что именно такая позиция может способствовать успешной реализации механизмов переводческого процесса. Суть этих механизмов, на наш взгляд, заключается в том, что переводчик, организуя и выстраивая свою циклическую двухаспектную деятельность - понимания / извлечения смысла и смыслоречепорождения - должен руководствоваться соотношением концептуальных систем коммуникантов, а также результатами рефлексии над сопоставлением интериоризированных им когнитивных структур значения языковых единиц двух языков.

Использованное нами понятие коммуникативного универсума предложено И.Э.Клюкановым и трактуется им как силовое поле, созданное разницей потенциалов в пространстве отношений между взаимодействующими субъектами и коммуникативной дистрибуцией задействованных знаков. Разница потенциалов при этом определяется степенью маркированности знака в различных культурах. Эта маркированность, а также равновесие в коммуникативном универсуме, его смещение, степень смещения и последующее возвращение в равновесие могут быть выявлены и скорректированы только с позиций наблюдателя. Подобно исследователю семиотики культуры, которому удается обнаружить культурное

значение поз одного народа, только переместившись в среду другого народа и взглянув на них «извне», переводчик способен определить вектор направления и степень смещения в значении знаков, увидеть культурно-специфическое - немаркированное в одной концептуальной системе и маркированное в другой - в том, что ранее воспринималось универсальным, только при «пересечении» языковой и культурной границ.

Присутствие культурно-специфического в знаке предопределяет его вид. Информационная неопределенность культурно - специфического, его энтропийность, требуют концентрации внимания, но «всё, что вызывает концентрацию внимания, есть индекс» (Peirce 1960), следовательно, логично предположить, что знаки, обладающие национально-культурной спецификой, проявляют индексальность, требуя дальнейшей интерпретации и соотнесения своего значения с «кодами» культуры, которые известны говорящему. Представленный взгляд на культурно-специфическое согласуется с основными положениями современной лингвосинергетики. Неустойчивое энтропийное состояние, вызванное недостатком информации, приводят, с одной стороны, к нестабильности системы, но с другой - способствуют новому режиму стабилизации, уменьшению энтропии, её самоорганизации.

Рябцева Н.К.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)*

Новая лингвистика – лингвистика эпохи компьютерной революции, по-новому поставила проблему «человек и его язык». Достижения отечественного языкоznания в этой области можно сформулировать как разработку принципов извлечения знаний о человеке и языке из самого естественного языка. В этом отношении плохо – неестественно – звучат выражения типа Человек

* Работа выполнена при финансовой поддержке Института «Открытое общество», проект RSS, грант 462/1999.

мыслит при помощи гештальтов; понимает/ строит речь или текст благодаря фреймам; предвидит развитие событий на основе скриптов или образных концептуальных схем (ср. [1, 2]). Как показывает русский язык, наиболее естественным средством получения, хранения, представления и использования знаний в русском языке является **представление**, в значении, зафиксированном, например, в следующем предложении: – Зачем же ты, бродяга, на базаре смукал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? (Булгаков).

Отличительными особенностями понятия **представление** в русском языке являются следующие: 1) особыя смысловая емкость; 2) явная связь с перцептивным восприятием; 3) способность фиксировать не только дискурсивные, но и недискурсивные знания; 4) способность фиксировать не только когнитивные, познавательные, но и когитативные, мыслительные составляющие естественного интеллекта; 5) национальная специфичность – отсутствие точных аналогов в других (европейских) языках, в частности, в английском (ср., однако, нем. Vorstellung). Анализ этих особенностей позволяет понять, каким образом естественный интеллект концептуализируется в русском языке.

1. Смысловая емкость понятия **представление**.

Смысловая емкость понятия **представление** определяется его этимологией, внутренней формой и деривационной историей. Так, слово **представление** происходит от важных семантических элементов: *стать/ стоять* и *перед* [3, с. 742]. Перед подразумевает *переднюю часть* и *впереди*, т.е. прямой контакт, *визуальное* восприятие, а *ставить, стать, стоять* – существовать здесь и сейчас, находиться в рабочем – *активном* – состоянии, ср. [4, с. 92]. Так что *представить* – это в некотором роде «поставить впереди так, чтобы было хорошо видно, чтобы было удобно обращаться». Семантическая насыщенность слова **представление** определяется его производностью от многозначного глагола **представить**, который, в свою очередь, входит в целый круг взаимосвязанных понятий, имеющих в словаре отдельные словарные

ные статьи: *представлять* (как в *представлять собой нечто*), *представиться* (об удобном случае), и *предстать* (например, перед взором).

Важно, что смысл слова *представление* порождается **взаимодействием** всех его значений, среди которых можно выделить четыре основных: 1) от *представить* (*себя/ ч.л.*) кому-л., т.е. ознакомление, представление, ср. англ. *introduction*; 2) театр. зрелище, ср. англ. *performance*; 3) понятие, знание, понимание, ср. англ. *idea, notion, etc.*; 4) представление (к награде) – *presentation, representation*. Все эти значения связаны между собой и включают смысл *стоять/ поставить перед глазами* – быть здесь и сейчас: наяву или в мыслях; явиться **реально** или **мысленно**; так, *представитель* – “тот, кто заменяет/ замещает целое (организацию, класс и т.п.); ее *выделенный* член – представитель, обладающий *презентативностью*” – “*встает/ стоит*” вместо нее – в данный момент; (*цирковое*) *представление* – “то, что происходит здесь и сейчас – представляет-ся, присутствует, явлено”.

В результате **представление** как мотивированное перцептивным восприятием, связано со знанием и потому когнитивно, фактуально и ретроспективно; а как мотивированное “ментальным”, “мысленным” зренiem, связано с мышлением и потому когитативно, креативно, виртуально и проспективно.

2. Когнитивность представления. *Представление* когнитивно: оно является носителем знания. Представление об объекте (предмете, явлении, личности и пр.) формируется в результате прямого контакта с ним и подразумевает знакомство, ознакомление, непосредственное – “*face-to-face*” восприятие и потому знание из первых рук – перцептивное знание–знакомство. При этом главным способом знакомства с объектом и получения перцептивного знания о нем выступает зрение – визуальное восприятие–контакт. Контакт, знакомство – в прямом и переносном смысле – с объектом порождает **представление** о нем – образ, “картинку”, “вид”. Причем контакт может быть не только прямым – перцептивным, но и опосредованным – “дискурсивным”, когда знание получается “из вторых рук”. Не случайно пред-

ставить кого-то кому-то означает познакомить, сделять “знакомым, дать возможность увидеть и у-знатъ друг друга, ср. *to introduce smb to smb, an introduction to the subject*, в свою очередь, обозначает *введение* в предмет, ознакомление с предметом (ср. *ввести в курс дела*), опосредованное языком – “дискурсивное” – знакомство с ним, также сопровождаемое формированием **представления** о нем, ср. *Рецензируемая книга обогащает наше представление о многих вопросах семантики* (ВЯ).

Когнитивный статус *представления* проявляется в его синонимичности знанию, ср. Ты знаешь/ *представляешь*, как этот прибор работает? При этом представление, как и знание, градуируется: получить *поверхностное/ примерное/ приблизительное/ достаточное/ четкое/ полное представление* – знать *поверхностно/ примерно/ приблизительно/ четко/ досконально* и т.п.; ср. Я, впрочем, – продолжал болтать Коровьев, – знал людей, не имевших никакого представления не только о пятом измерении, но и вообще ни о чем не имевших никакого представления и тем не менее проделывавших чудеса в смысле расширения своего помещения (Булгаков).

Таким образом, контакт с объектом предполагает формирование представления о нем – (первичного) знания. В результате *представление* становится носителем важных свойств – объективности и ретроспективности, которые обозначают, что представление об объекте сформировалось (в прошлом) в результате непосредственного – перцептивного или дискурсивного – контакта с ним. В этом – эмпиричность представления и его способность быть содержанием и частью (жизненного) опыта – “практического” знания.

При этом представления об объекте как знание – опыт “возникают” естественно и независимо от воли субъекта – они с а м и складываются, формируются, образуются, не нуждаясь в специальном – сознательном – контроле и усилиях (ср. Я с трудом формирую представление об этом), и представляют собой “новообразования” – хочет того субъект или нет – в его сознании.

Так, после того, как в июне 1998 г. в Москве пронесся ураган (точнее, “несся” целый час), москвичи получили (независимо от того, хотели они того или нет), (довольно полное) представление о том, что это такое, и уже не могут от него “избавиться” – можно забыть о самом урагане, но нельзя “затереть” в памяти представление о нем: от представления нельзя отделаться, как от навязчивой идеи. Человек, присутствовавший при этом событии, уже не может сказать “Я не представляю, что такое ураган”. Представление, как и опыт, нельзя потерять, забыть, от него также нельзя отказаться, ср. *потерять представление.

В дальнейшем человек представляет себе нечто на основе уже имеющегося опыта – своих представлений, а не на пустом месте, поэтому представления фактуальны, субстратны, связаны с конкретными фактами и явлениями и имеют основание – *grounding*. Этот смысл фактуальности присутствует в выражении *представлять собой*, обозначающем по сути *являться, быть, наличествовать, “быть фактом, явлением”*, ср. Земля *представляет собой сфероид* The earth is a spheroid. **Фактуальность** представления – в существовании, наличии конкретного объекта (предмета, явления), породившего его – его прототипа; оно задает “практичность” представления, показывает, что оно формируется “опытным” путем – в процессе жизненного опыта. Так что представление не просто носитель знания, но носитель знания-опыта, практического, своего рода “экспериментального”, “экспериментного”, и потому исходно, прототипически – достоверного – знания.

Представления складываются в уме и даже отождествляются с ним, а также с памятью, ср. *ума не приложу (куда положила очки) – не представляю, не помню, не знаю*, что еще раз подтверждает их связь со знанием. Новые представления должны органично – логично, не-противоречиво, естественно – вписываться в имеющиеся представления, ср. *в голове/ в уме не укладывается – “не могу представить – на основе имеющихся представлений”*. Представления связаны между собой и организуются в иерархические структуры. В норме представление состоит из “подходящих к друг другу частей” – со-

ответствующих друг другу и согласующихся, ср. *составить представление, цельное представление, представление не складывается*. Упорядоченность элементов внутри представления способствует их простому запоминанию – хранению – в долговременной памяти и извлечению из нее целиком каждый раз, когда речь идет о каком-либо одном его элементе. Так, представление о покупке связано с представлением о деньгах, продавце и покупателе, магазине и пр. [5].

Когнитивный характер представлений – их фактуальность и субстратность, объясняет, почему представления разных людей об одном и том же объекте часто совпадают. Общие представления – *shared knowledge* – получены в сходных условиях, они объединяют людей в единую “когнитивную общность”, составляют “разделяемые социумом пресуппозиции, не нуждающиеся в явной вербализации и принимаемые за данное” [6, с. 24], ср. *понимать с полуслова, намек понял, прописные истины, общие места*.

Представления – это то, что образует фон, пресуппозицию, разделяемые социумом свернутые общие знания, не нуждающиеся в вербализации и экспликации. Свернутый характер представлению придает их “прототипический характер”: нацеленность на закрепление того, что обязательно, существенно, типично, отличительно, исходно, обобщенно и упрощено – что способно отразить существо явления и представляет собой некоторый инвариант – разделяемый членами сообщества “минимум” знаний о соответствующем явлении. Представление “замещает” реальный объект в сознании субъекта и благодаря этому становится не только носителем знания о нем, но и объектом мыслительных операций. Смысл ‘замещение’ представление получает благодаря значению “представлять кого/что-либо где-либо”, ср. *представитель* – “тот, кто представляет – замещает целый класс явлений/ объектов”. Так что представление – это образ, который замещает класс однородных объектов, и, кроме того, еще и “образец” – как в выражении *достойный представитель*.

Таким образом, представление как носитель знания когнитивно, объективно, ретроспективно, фактуально,

субстратно, кумулятивно, объемно, до-вербально, способно возникать, эволюционировать и развиваться независимо от воли и усилий субъекта и представляет собой естественный способ получения, хранения, представления, пополнения и использования имеющихся знаний и опыта. Но представления еще и операциональны и пропективны – используются для понимания текущей ситуации, моделирования ее последствий и планирования собственных действий и действий других людей в ней. Представлениями руководствуются при осуществлении целенаправленной деятельности, в поступках, в рассуждении, обосновании и пр. При этом чтобы достичь поставленную цель, ее надо сначала представить, также как и то, как ее можно достичь. В этом – когитативность и креативность представления.

З. “Когитативность” и креативность представления. Когитативность представления заключается в его связи с мышлением. Мысление, в свою очередь, основано на выводном знании, мнении и воображении. Представление связано с мнением тем, что формируется в процессе восприятия объекта не механически, а “психологически” – сопровождается внутренней реакцией на него и возникающим при этом **субъективном** отношении к нему – “впечатлении”: эмоциональном, оценочном, утилитарном и пр. В результате представление, как и мнение, становится субъективным, субъектным, аксиологичным, модальным, ср. *в моем представлении – по моему мнению*. Именно поэтому у разных людей могут быть разные/ противоположные представления (о добре и зле). Субъективность представления, его “субъектность”, связь с мышлением, мнением, проявляется также в том, что оно включает смысл интерпретации, ср. оценочную конструкцию *представляться кому-л. как-л.*: На итоговой пресс-конференции Е. Кафельников заявил, что состав участников турнира в Ганновере *не представляется ему таким уж сильным* и он полон решимости занять на нем достаточно высокое место (Лит. г-та). Именно связь с мышлением и мнением придает представлению субъективный характер и делает возможным его ошибочность, неправильность, неточность, предвзятость и пр., ср. *Представление об*

этом полуострове как о курортной зоне с военно-морским уклоном не совсем верно (Новая газета).

Креативность представления – в его связи с воображением. Связь представлений со зрительным восприятием задает не только их ретроспективность, но и пропективность – благодаря тому, что воображение как составляющая мышления представляет собой “ментальное зрение”. Этот факт нашел отражение в том, что глагол *представлять* в одном из своих значений синонимичен глаголу *воображать*, ср. в *моем представлении – “воображении”; Как ты себе это представляешь <мыслишь, воображаешь>*? О том, что воображение – составляющая мышления, говорит и тот факт, что *представлять* может также значить *думать: не могу придумать – не представляю*. Поэтому мыслить и думать – действия, в результате которых могут создаваться несуществующие (пока) вещи, т.е. в них присутствует идея пропективности; ср. словосочетание *представлять к награде*, где идею пропективности можно выразить как “в будущем человека награждают”, ср. также когда *представится удобный случай; предстоит: нам предстоит – we are faced with*.

Связь представления с воображением и потому фантазией задает не только его пропективность, но и креативность, творческий характер, ср. *Я не могу этого представить – “воображения/ фантазии не хватает*”. Тем не менее, представить можно все, что угодно: запах, звук, вкус, вид; объектом, содержанием представления может быть любое явление: предмет, событие, факт, ситуация, то, что относится к прошлому или будущему, к реальному или вымыщенному миру, ср. *Представь русланку/ как ты будешь просить повышения зарплаты/ что ты стал начальником*.

В результате представления позволяют прогнозировать и строить ожидания и допущения, ср. *Ты не представляешь, как было трудно! (“нельзя было предположить”); ср. также Я вас представлял другим/ таким и представлял. Ср. Представляю, что он скажет “ничего хорошего ожидать не приходится”; Представляешь, его зовут Акакий! “в это трудно поверить” (приляешь, его зовут Акакий!* “в это трудно поверить” (приляешь,

меры Ю.Д.Апресяна). Отсюда модальность представления и его вплетенность в рассуждение, ср. *Представь! Предположим, что ты стал врачом*. Причем наличие представления дает человеку возможность объяснить ч.л., ср. *Не могу представить, как он мог ошибиться адресом – “не могу объяснить”*.

4. Наглядность и недискурсивность представления. Наглядность и недискурсивность представления за-дается его связью со зрением. Представление наглядно и потому объемно и многомерно: *Представь себе* значит “вообрази, нарисуй мысленно картинку”, ср. *Я представлял себе мою будущую жизнь чем-то вроде дерева*. В ту пору я называл его древом возможностей. Жизнь представляется такой совсем недолго (М. Кундера). Наглядность представлений прослеживается в выражениях ясно/ отчетливо/ живо/ смутно представлять себе, и показывает их связь, во-первых, с перцептивным, в первую очередь визуальным, восприятием, и, во-вторых, с образным мышлением, ср. я не представляю – “не могу мысленно увидеть”. Многомерность – объемность – представлений объясняет их недискурсивность: их содержание не поддается прямой вербализации, не является обычно объектом рефлексии и потому не подлежит описанию, ср. *?опиши свои представления, ?расскажи о своих представлениях*; они не являются также объектом дефиниций или определений, ср. **дать определение своего представления*. Представления не обсуждают, ими не обмениваются, в отличие от впечатлений или предположений, которыми обычно делятся, и которые высказывают, выражают и т.п. Хотя можно обратиться к человеку с просьбой попробовать вербализовать свое представление, ср. *Как ты себе представляешь свою будущую работу/ жену/ квартиру/ картину (и т.д.)?*

“Проявлениями” представлений могут быть понятия, концепты, идеи, мысли, взгляды, убеждения, предположения и т.п. Это способы объективации – вербализации, “дискурсивизации” представлений, их манифестиций, выявления, осознания и использования. Так, взгляды – это, в частности, представление о том (или

понимание того), как следует и как не следует поступать в определенных ситуациях.

5. Представления-взгляды. Связь представления с мышлением объясняет, почему у каждого человека свои представления (например, о добре и зле). Представления об одном и том же объекте у разных людей могут совпадать и не совпадать, походить друг на друга или различаться: быть разными ввиду разного опыта, различной реакции на происходящее, наличия собственного мнения, ср. иметь сходные/ разные представления. Так что представления естественным образом складываются во взгляды, убеждения, мировоззрение – то, чем руководствуются в поведении, поступках, отношениях с другими людьми и т.п.

При этом на содержание представлений-взглядов влияет характер субъекта, его гендерный или социальный статус, национальность и т.п., ср. *Рафа в представлении мужчин был гангстером и даже террористом. Женщины считали его обыкновенным пьяницей* (Довлатов); *Большинство опрошенных предпочитает интересную работу и никак не может согласиться с тем, что коммерсант полезней для общества, чем искусствовед*. У нас другие, в отличие от американских, представления об успехе (Лит. г-та), а также время, в котором он живет, ср. *У каждой эпохи свое представление об апокалипсисе* (Новая г-та); Да и кесарю-то по нынешним представлениям не следует учить нас, что смотреть, а что не нужно. Я знаю Патриарха. Патриарх – образованный, здравомыслящий человек. Мне кажется, его просто подставили: он не смотрел картину, а судил о ней со слов неумных советчиков. Такое часто бывает с начальниками (Новая газета).

Также, как и взгляды, представления складываются стихийно и могут быть ошибочными и даже вредными. Это бывает, когда представление не полное, не точное, смутное, одностороннее, “старое” – не обновленное в соответствии с новыми свойствами соответствующего объекта, ср. ложное/ ошибочное представление (о скромности) Они могут представляться

другим людям как неправильные (ср. *вбить себе в голову*) и потому стать объектом сознательного воздействия, ср. *бороться с чужими/ отсталыми/ устаревшими/ рациональными представлениями*. При этом свои или выгодные себе представления *навязывают, внушают, насижают*. Общепринятые представления, как и взгляды, часто превращаются в стереотипы, застывают и “отстают от жизни”, т.е. становятся отсталыми, отжившими и пр., ср. *литературный недоросль с вывихнутыми представлениями о времени, пещерные представления о справедливости* (Н.г.).

Таким образом, можно сказать, что *представление* – это образ какого-то явления и одновременно знания и опыта, связанные с ним. Представление складывается, в основном, на подсознательном уровне, в процессе восприятия объекта или другого прямого контакта с ним, а также в результате полученных о нем дискурсивных знаний – устно или письменно – от другого лица. Возникшее представление нельзя уничтожить; в процессе жизнедеятельности имеющиеся представления изменяются, эволюционируют или превращаются в предрассудки. Они представляют собой не механическое “копирование” увиденного или услышанного, а обобщающую модель ситуации, фиксирующей ее наиболее характерные и прототипические черты, а также отличительные особенности и свойства, включая ее ретроспективные и проспективные характеристики, динамические и статические. Представления преобразуют вербализованные знания в “зрительные образы”, которые, в случае необходимости, могут быть вербализованы. Важно, что именно “представление” является носителем свойства антропоцентричности – отражает особенности концептуализации мира носителем языка. Представление антропоцентрично уже в силу того, что оно, как мнение, не отделимо от своего носителя-субъекта: *мое/ наше/ их/ общее/ личное/ широко распространенное представление*.

Итак, “представление” – это естественный, практический, конструктивный, креативно заряженный и универсальный способ получения, хранения, пополнения и использования всех видов знаний и опыта. Представле-

ние одновременно фактуально (порождается некоторым явлением, объектом) и виртуально (связано с воображением), визуально, объемно (связано со зрением, зрительным образом) и дискурсивно, ретроспективно (порождается в результате прошлого опыта) и проспективно (является основой прогноза), когнитивно, объективно (представляет собой способ фиксирования знания) и гогитативно (включает мнение, отношение), пассивно (находится в долговременной памяти и слабо осознаваемо) и активно, акционально (проявляется в поведении и деятельности), практически (конкретно) и теоретично (обобщает опыт).

6. Язык и представление. О том, что практические знания носителей языка складываются в представления, об их содержании и особенностях мы узнаем благодаря языку. В языке представления его носителей о внешнем и внутреннем мире складываются в языковую картину мира и проявляются в виде значений лексических единиц и грамматических конструкций, а также в виде способов и условий их употребления и восприятия. Последние, в свою очередь, отражают способы категоризации, концептуализации и интерпретации соответствующих явлений – их антропоцентрическое “видение”, которое присутствует и выражается в языке не-дискурсивно – неявно, имплицитно, косвенно. Так, например, представление о том, что такое море, проявляется в “языковом поведении” этого слова и его “окружении” – в его определениях и предикатах, свидетельствующих, что в представлении носителей, в частности, русского языка, море отличается от озера тем, что воспринимается, концептуализируется и категоризуется не только как емкость, но и как пространство, поэтому (или так как) можно сказать *в открытом море*, но не **в открытом озере*, *широкое море*, но не **широкое озеро*, подробнее см. [7, 8].

7. Национальная специфика русского слова *представление*. Универсальность русского слова “представление” проявляется в том, что ему в английском языке может соответствовать большое количество понятий, ни одно из которых при этом не приближается к нему по объему и содержанию. Это concept, conception,

precept, thought, idea, notion, frame, scenario, scene, script, scheme, mapping, image, image scheme, view, picture, knowledge, theory, experience, (folk) theory, ethnotheory, understanding, impression, introduction, (re)presentation, performance, embodiment, supposition, explanation. При этом концептуальные свойства самого слова *представление* становятся особенно очевидными при его сравнении с его межъязыковыми эквивалентами, в частности, английскими. Так, “теоретический” потенциал *представлений* проявляется при анализе контекстов употребления таких слов, как *a theory*, *a folk theory*, *ethnotheory*, *cultural model*, которые часто могут, а иногда и должны, передаваться на русский язык при помощи выражения *обыденные представления*: “Any adult has a wide variety of theories available that can be used to make sense of his or her life... Ethnotheory is used as implicit assumptions in daily discourse and understanding” [9, с. 292].

Эти эквиваленты показывают, что *представление* способно к *обобщению* опыта, к абстрагированию от второстепенных деталей, к категоризации и идеализации, подобно тому, чем занимается научная *теория*. Причем соответствующие обобщения и *выводы* касаются не только собственно явления в узком смысле, но и связанных с ним смыслов, ассоциаций, ожиданий и стратегий – т.е. целостного культурного контекста. При этом естественным образом поддаются объяснению способности человека реагировать не только на типичное и простое, но и на множество отступлений и отклонений от него: маргинальное, редкое, расплывчатое, неопределенное, сложное и пр.: “простые, гибкие и удобные в обращении, представления легко совмещаются друг с другом, объединяются в более сложные конфигурации, позволяют экстраполизировать, строить аналогии, сравнивать и мн. др.” [10, с. 380-381].

Таким образом, ментальная сфера человека задается (порождается, организуется, упорядочивается) следующими противопоставлениями: восприятие, идентификация (зрительное распознавание) – отношение (реакция), знание – мнение, факт – оценка, память – вообра-

жение и др. При этом все они оказываются неотделимыми, синтетически и интегрально связанными как между собой, так и с внутренними состояниями субъекта, его переживаниями и намерениями, поступками и действиями. Центральным элементом ментальной сферы выступает знание, которое оценивается как важная и практически значимая сущность, неотъемлемым атрибутом которой выступает мнение – отношение к знанию. В русском языке все указанные выше противопоставления синтезируют в себе *представление*, которое способно объединять рациональное и эмоциональное, когнитивное и когитативное, объективное и субъективное, ретроспективное и проспективное, динамичное и статичное, предметное и событийное, термовое и пропозициональное, образное (недискурсивное) и вербальное (дискурсивное), элементарное и холическое (ср. иметь *смутное/ полное представление* = знание + мнение + воспоминание + образ); см. также [11, 12].

При этом показательно, что содержание представления (почти?) полностью представимо – эксплицируется, вербализуется, формализуется и “рас-концептуализируется” – при помощи “толкования” (см., например, [16]) – предельно конструктивного инструмента исследования, представления и синтезирования семантики (и pragmatики) языка, также, как и *представление*, не имеющего точного эквивалента, аналога или синонима в английском языке. Причем толкование способно отразить значение не только слова, но и любого другого языкового явления, и при этом в форме, позволяющей объяснить все его семантически значимые характеристики, свойства и особенности, включая и когнитивные, антропоцентрические [13, 14, 15].

В качестве примера можно сравнить толкования слов *ультиматум* и *шантаж*, приводимые в [16]. Так, в них явным образом отражены их общие и отличительные черты, отношение говорящего к данному явлению, особенности ситуации, когда они используются – их пресуппозиции, т.е. представлено схематичное описание соответствующих концептов. Поэтому по-русски такое “*представление знания*” может быть описано как

Представление о том, что такое ультиматум/ шантаж складывается из следующих компонентов...”, в то время как по-английски это знание, как принято говорить, фиксируется фреймом, скриптом, сценарием и т.п., – is framed as...

Возможно, именно наличие в русском языке такого емкого, универсального и удобного понятия, как представление, и стало толчком к формированию понятия семантического толкования в лингвистике, и соответственно, стимулировало его всестороннюю и глубокую теоретическую и практическую разработку, вылившуюся в теорию интегрального описания языка и теорию лексикологии, и воплотившуюся в принципиально новом типе словарей – в объяснительном словаре активного типа [17] – тем самым еще раз подтвердив справедливость утверждения о великом и могучем русском языке.

Литература

Lakoff G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. – 1990, N. 1.

Crane M, Richardson A. Literary studies and cognitive science: Toward a new interdisciplinarity // Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature. – Winnipeg 1999, v. 32, N.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., “Прогресс”, 1986.

Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // ВЯ, 2000, № 4.

D'Andrade R. A folk theory of mind // Holland D, N.Quinn (eds.) Cultural models in Language and thought. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.

Holland D, N.Quinn (eds.) Cultural models in Language and thought. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: От сочетаемости к семантике // АДД. М., 1999.

Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: Языки пространств. – М., “ЯРК”, 2000а.

Lutz C. Goals, events, and understanding in Ifaluk emotion theory // D.Holland, N.Quinn (eds.) Cultural models in language and thought. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.

Keesing R. Models, “folk” and “cultural”: paradigms regained? // D.Holland, N.Quinn (eds.) Cultural models in language and thought. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.

Рябцева Н.К. Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка: Языки динамического мира. – М., “ЯРК”, 1999.

Рябцева Н.К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка // Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Под редакцией А.С.Нариньяни. Т.1. Теоретические проблемы. – Протвино, 2000.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ. 1995, № 1.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., “ЯРК”, 1999.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., “ЯРК”, 1997.

Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999, № 4.

Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.И. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. // Первый выпуск. М., “ЯРК”, 1997; Второй выпуск. М., “ЯРК”, 2000.

Сонин А.Г.

БЛЕСК И НИЩЕТА КОГНИТИВИЗМА

Объединение разрозненных исследований по психологии, лингвистике, нейробиологии и искусственно-интеллекту в единое исследовательское

пространство было связано с принятием определенного набора основополагающих гипотез, которые Дрейфус представляет следующим образом:

1. Биологическая гипотеза: мозг обрабатывает информацию, выполняя дискретные операции на основе некоего биологического эквивалента коммутаторов типа « все или ничего ».

2. Психологическая гипотеза: разум может рассматриваться как система, оперирующая дискретными элементами по формальным правилам. Компьютер – модель человеческого разума.

3. Эпистемологическая гипотеза: всякое знание может быть формализовано. Другими словами, все, что может быть понято, может быть выражено в форме функций Буля. Логические манипуляции – определяющий способ, которым когнитивные элементы связываются между собой.

4. Онтологическая гипотеза: всякая значимая информация о мире может в принципе анализироваться как набор определенных элементов, не зависящих от контекста. Все сущее – это набор фактов, каждый из которых логически не зависит от всех остальных [1].

Эти общие гипотезы могут быть дополнены более частными положениями :

1. Каждое из 2-х возможных описаний комплекса разум/мозг – физическое (материальное) и информационное (функциональное) – совершенно независимы одно от другого. Отношения между ними можно сравнить с отношением описаний компьютера как физической системы и того же компьютера как системы обработки информации.

2. На информационном уровне когнитивная система человека характеризуется внутренними (ментальными) состояниями и процессами, ведущими к переходу от одного состояния к другому. Эти состояния репрезентационны, т.е. обладают содержанием, отсылающим к внешним объектам.

3. Внутренние состояния (репрезентации) формируют своеобразный ментальный язык близкий к формальному языку логики. Что касается процессов, то они в принципе сводимы к небольшому набору элемен-

тарных операций, не требующих дополнительной интерпретации. Процессы не допускают двусмысленной трактовки и должны быть выполнимы за конечное количество этапов [2, с. 13-14].

Первое положение подчеркивает полную независимость физического и символического в этом подходе. Конкретная физическая структура, в которой реализуется система символьических правил, никак не связана с когнитивной эффективностью этой структуры (главное, чтобы были достаточными ее временные, энергетические и физические ресурсы). Так, отождествив сначала работу мысли с правилами формальной логики, затем формальную логику – с символическими вычислениями и, наконец, символические вычисления и компьютерию, когнитивизм поставил знак равенства между естественным и искусственным разумом, что позволило Джонсону-Лэарду в его знаменитой работе [3] утверждать, что любая когнитивная система является компьютерационной и что компьютер составляет непременную метафору работы мозга. Функционализм когнитивной философии, отраженный в первом из приведенных положений, несмотря на серьезную критику, по сей день разделяется многими исследователями.

Существование внутренних состояний (репрезентаций), постулируемое во втором положении, сближает когнитивную эпистемологию с лингвистической философией и до последнего времени признавалось представителями всех направлений когнитивистики. Дискуссионным считался лишь статус репрезентаций : в классическом когнитивизме символ наделяется физической реальностью, в коннекционистских (субсимволических) моделях символ рассматривается как последующая интерпретация наблюдателем динамики нейронных связей. Однако в последнее время все больше приверженцев находит теория самопорождения (аутопоэзиса), выдвинутая чилийскими биологами Матураной и Варелой [4]. Эта теория строится на отрицании необходимости использования таких понятий, как « информация » и « репрезентация » для объяснения когнитивных процессов.

Наконец, последнее положение, лежащее в основе современных теорий компьютеризации, служит источником непрекращающихся споров о статусе правила в когнитивных теориях. В общих чертах эти споры можно представить как дискуссию между последователями школы Хомского, для которых правила суть реально действующий механизм, и сторонниками понимания правила как суммарного описания регулярности проявления изучаемых феноменов.

Основополагающим для когнитивизма является разделение данных и процедур. Она позволяет сделать последние автономными, представив их как трансформационные правила, не принимающие в расчет семантику символических структур. Семантическое значение обусловлено когерентностью процедур и является внешним по отношению к самой обработке. Оно обеспечивается последующей интерпретацией произведенной символической структуры за счет присвоения определенного смысла переходу от исходного состояния к конечному состоянию данных. Место смысла и содержания занимают формальные отношения, что проявляется, например, в том, что для активации символа и его включения в операцию достаточно иметь данные о его локализации в системе (адресе) вне зависимости от его значения. Тезис Ньюэла о физических системах символов так резюмирует эту концепцию: интеллект (естественный или искусственный) является продуктом физического воплощения системы механических правил, манипулирующих структурами символьических данных [5].

Примечательно то, что естественный язык рассматривается основоположниками когнитивизма как парадигматический пример действия системы правил. (По-видимому, порождающую грамматику Хомского необходимо – хоть и с небольшим опозданием – поставить в один ряд с формальной логикой и компьютерными моделями как еще один источник классического когнитивизма. Очевидны сходства в попытках свести семантику к интерпретации синтаксических структур, утвердить автономный характер синтаксиса как манипулирования абстрактными символическими структурами и категориями, полностью

исключить из рассмотрения контекст и практическую речевую деятельность за счет акцентирования абстрактной идеальной языковой компетенции, не зависящей от физического субстрата. Сам тезис о языке мысли может рассматриваться как философская экспликация концепции Хомского.) Непрекращающийся научный статус лингвистики и значительный багаж собранных ею эмпирических данных заставил создателей когнитивной науки принять эти концептуальные идеи как аксиоматические. Так в когнитивизм вошли представления о естественном языке как системе правил, о значении как продукте синтаксической организации, о нерелевантности анализа эмпирических данных для понимания механизма внутренней системы, об усвоении языка как уточнении частных параметров системы общих врожденных принципов и т.д.

На сегодняшний день, по крайней мере в среде лингвистической, эти положения давно уже перестали звучать аксиоматично. Современная лингвистика построена на критике и опровержении этих тезисов, на их преодолении сначала за счет обращения к семантике и прагматике, а затем и на основе новых подходов к фонологии и синтаксису. Постепенно были построены теоретические рамки новой парадигмы альтернативной порождающей грамматике. Так нужен ли современной лингвистике этот звучный атрибут «когнитивная»? Мы полагаем, что нужен, поскольку он подчеркивает, что ядром лингвистических исследований должна быть (а, в прочем, была всегда) проблема смысла, того, что когнитивные науки называют ментальной репрезентацией.

Все когнитивные исследования – как общеметодологические, так и узкодисциплинарные – связаны прямо или косвенно с установлением природы отношений репрезентации, что обуславливает их интерес к проблемам связи между знаком и референтом, ее обусловленности отношениями знака с другими знаками и как следствие с другими референтами, о преvalировании внутрисистемных связей или внешних воздействий, а также о способах установления и передачи этой связи в фило- и онтогенезе и существовании стабильных моментов «исходной ин-

тенциональности ». (Для когнитивной философии ментальное состояние является репрезентацией в той мере, в какой оно обладает содержанием, соответствующим объекту или явлению внешнего мира. Для обозначения этого свойства ментальных состояний и используется термин « интенциональность », или (редко) « aboutness »).

Однако проблема заключается в том, что, сделав ставку на компьютерационный подход и превратившись в солидную и основательную теорию обработки информации, когнитивизм заплатил за это своей несостоенностью в качестве теории репрезентации. Как отмечает Д. Деннетт, одолжив концептуальные основания для своей теории у информатики, современный когнитивизм посвящает большую часть своей философской и научной деятельности оплате этого долга. Пока он так и не дал ответа на важнейшие вопросы, касающиеся как самых общих концептуальных проблем, так и базовых понятий и объяснительных принципов для анализа частных феноменов. Разумеется, символические модели позволили более точное описание психологических механизмов и предоставили теоретическую базу и технические орудия, позволяющие имитацию человеческой памяти. Однако их использование сталкивается с некоторыми серьезными затруднениями:

- они не объясняют, каким образом формируются символические репрезентации;
- они не раскрывают связь между когнитивным уровнем и нейрофизиологическими структурами, лежащими в основе когнитивных процессов;
- они не дают четкого описания механизма контроля, обеспечивающего динамику самоорганизующихся когнитивных систем.

Более того, стремление классического когнитивизма отстоять свои основные положения неоднократно выступает препятствием для разработки новых направлений. Примером тому могут служить жесткая критика теории ментальных образов, экологической теории Гибсона или коннекционистских моделей. При этом всякий раз в качестве основного аргумента выступает демонстрация либо несовместимости теории с

гипотезой о языке мысли, либо, напротив, возможности представить ее как частный случай этой гипотезы. Что же касается самой гипотезы о языке мысли, то ее состоятельность даже не доказывается, а ее якобы превосходство над другими концепциями объясняется тем, что она лучше других вписывается в общие постулаты когнитивизма [6, 7, 8]. (Тот же Деннетт окрестил Фодора, наиболее активного критика всех новых теорий, «римским папой компьютерационного интегризма»).

Дело, конечно, не в личных качествах того или иного ученого. Можно предположить, что классический подход обречен на такую непримиримость в связи с тем статусом, которым он наделяет когнитивные модели. Под влиянием теорий Хомского когнитивизм рассматривает модели и теории не как средство анализа и синтетического представления результатов, а в качестве реальных принципов, которые управляют когнитивными процессами. Если в рамках функционально-дескриптивных подходов теория – это, прежде всего, модель для интерпретации данных, использование которой ограничено областью применения и рассматриваемыми фактами, в рамках генеративной грамматики всякая модель – это теория реальных механизмов и имеет самое общее применение, выходящее за рамки отдельной области.

Как отмечает Б. Лакс [9], для структуралистов лингвистическая модель и реальное нейрофизиологическое функционирование сличаются самой своей природой. Структурализм предлагает системное описание языка, которое не является описанием ментальной деятельности говорящего, так как язык в качестве системы недоступен в индивидуальных речевых актах. Устанавливая структуры, структурализм не озабочен проблемой их имплементации. Для Хомского же одна из важнейших задач состоит в локализации речевых механизмов в ментальном аппарате. В его понимании речь не просто одна из ментальных функций, а настоящий орган, изучение которого должно состоять в установлении его инвариантных характеристик: специфики « роста », генетической базы его программирования, а также факторов, объясняющих его

появление и развитие в филогенезе [10, с. 67], поэтому «... мы должны подходить к проблеме языка так же, как к проблеме органа тела. Как не существует 2 альтернативных в равной мере справедливых моделей работы сердца, генеративная грамматика исключает *ex hypothesis* любую другую теорию языка...» [10, с. 121]. Очевидно, что при таком подходе когнитивная гипотеза не может быть верна лишь отчасти.

Завершая общее представление фундаментальных позиций классического когнитивизма, хотелось бы отметить, что, если в 50-70-е г.г. 20 столетия выступление общим фронтом представителей различных дисциплин было обусловлено необходимостью преодоления засилия бихевиоризма, расценивавшегося как тормоз на пути научного прогресса, и к формировалась парадигма примкнули даже те исследователи, которые разделяли далеко не все положения, декларируемые как общие для когнитивного подхода, сегодня когнитивизм превратился в устоявшуюся концептуальную парадигму. И для того чтобы сохранять определенный динамизм, он скорее нуждается в конструктивной критике, чем в расширении числа новых последователей.

На сегодняшний день основным и наиболее последовательным критиком традиционного когнитивизма выступает коннекционизм, что и побудило нас продолжить анализ перечисленных выше положений в контексте теоретических споров представителей этих 2-х направлений. В отличие от сторонников «экспрессивной» концепции (иначе, концепция ННН (Herder-Humboldt-Heideger) или концепций социально-культурного развития коннекционизм не только выявляет апории классического когнитивизма, но и предлагает свои варианты их разрешения. Поэтому, прежде чем перейти к изложению принципиальных разногласий между 2-мя противостоящими парадигмами, мы считаем необходимым представить (пусть в самых общих чертах) историю формирования коннекционистской платформы.

О первых попытках поймать концепты в сети

Коннекционизм как особое течение объединяет исследования, которые направлены на моделирование се-

тей, состоящих из взаимосвязанных элементарных единиц обработки информации. Эти единицы призваны имитировать нервные клетки, а соединения – синапсы. Локальное функционирование сети управляется простыми правилами, не противоречащими физиологическим законам.

При моделировании частной проблемы исследователь осуществляет выбор наиболее подходящего для решения данной проблемы локального правила с условием, что это правило будет достаточно общим и реалистичным; таким же образом задается исходная архитектура сети. Последующая эволюция структуры контролируется посредством обучения. Под этим термином понимается, что комбинации узлов, обладающие адаптивным потенциалом за счет микро-правил гибких синапсных связей, способны изменять свою собственную конфигурацию в зависимости от внешних условий и внутренней активности. Они стремятся к устойчивым состояниям организации (аттракторам), в результате чего возникают новые коллективные свойства. Новые макро-правила, возникающие за счет изменений в силе соединений между элементами, остаются имплицитными, хотя сеть функционирует, как будто эти правила эксплицитно запрограммированы в ней ее создателем [11, с. 18-19].

Таким образом, важнейшими компонентами коннекционистской модели являются: (а) простейшие элементы (узлы); (б) уравнения, определяющие значение активации для каждого узла; (в) уравновешенные соединения между элементами, которые позволяют им взаимодействовать; (г) правила обучения, которые изменяют поведение сети не за счет добавления или изменения пропозиций, а изменяя силу соединений между узлами. Каждый концепт в сети представлен узором активаций узлов, при этом ни один узел сам по себе не может выражать концепт, так как в принципе не поддается семантической интерпретации. Каждая презентация рассредоточена во многих узлах, а каждый узел участвует в оформлении многих презентаций.

Как уже подчеркивалось выше, в 1943 г. (еще до появления теории фон Неймана) Маккаллок и Питц продемонстрировали, как архитектура, имитирующая функционирование нейронов, с элементарными процес-

сорами, способными лишь принимать и передавать энергию по цепи и принимать уровень заряда в зависимости от полученного импульса, может воспроизводить логические операции. Из этой демонстрации следовало, что логика может быть представлена как последующая концептуализация работы нейронов, будучи имманентной организации мозга. Другими словами, проблема разработки программ была поставлена в терминах, противоположных когнитивизму: логика представлялась как эмерджентное свойство работы нейронов, как следствие их специфической организации, а не наоборот. Вместо постулирования особого языка символов и автономного синтаксического уровня коннекционизм представил логику как явление, непосредственно происходящее из свойств нейронной сети. Понятие правила, эксплицитного символического вычисления и алгоритма заменяются здесь понятиями равновесия, вероятностного поведения, подстройки и глобального статистического эффекта. Эта идея была поддержана Шредингером, который, говоря о нейробиологии мозга, отмечал, что вероятностное поведение и статистическое подстраивание происходят из природы самого субстрата, состоящего из множества взаимосвязанных элементарных единиц [12, с. 49-51].

Нетрудно заметить, что эти концепты перекликаются с понятием кольца обратной связи, центральным для кибернетики первой волны. В модели Шеннона – Уивера обратная связь является основой сложного эффекта гомеостаза, соответствующего оптимальному состоянию информационных систем. Это позволяет системе достигать равновесия, удовлетворяющего противоречивым ограничительным принципам, ее организующим.

Значимость концепта равновесия для гуманитарных наук была продемонстрирована в генетической эпистемологии Пиаже, где этот концепт занимает центральное место. Вокруг него выстраиваются такие ключевые понятия, как адаптация, ассилияция и саморегуляция.

Следующим этапом в формализации нейронных сетей стала работа Хэбба [13]. Она содержала 2 принципиальных положения, касающихся функционирования мозга:

1. Перцепты и концепты физически представлены в мозгу симультанной активацией группы нейронов.

2. Между двумя одновременно активированными нейронами происходит усиление синапсной связи. Это второе положение получило название правила Хэбба и стало одним из главных правил « обучения » нейронных сетей.

Иллюстрацией действия этого правила может служить модель распределенной ассоциативной памяти. Предположим, что некоторое событие представлено в сети одновременной активацией двух не связанных между собой участков X и Y. Паттерны X и Y могут задаваться различными сенсорными модальностями или представлять связанные сенсорную и моторную активность. При одновременной активации этих паттернов произойдут определенные модификации в связях между компонентами согласно заданным локальным правилам. Если впоследствии в сети активируется только старый паттерн X, паттерн Y может быть восстановлен в соответствующих узлах, которые находились в состоянии активности при одновременной активации. В такой модели ассоциативной памяти хранятся не сами конфигурации, а их отношения, обусловленные силой связи между компонентами и позволяющие восстанавливать конфигурации. Когда сеть обнаруживает регулярность в отношениях между паттернами X и Y, она будет проявлять тенденцию к восстановлению связи даже при измененных версиях X [11].

Новый импульс коннекционизму дала теорема Розенблatta, доказавшего, что, если существует группа узлов, дающих правильные ответы на группу конфигураций, то сеть способна научится давать правильные ответы за конечное число повторов обучающей процедуры [14]. Созданный им автомат («перцептрон») был основан на статистических, а не логических (булевых) основах и явил собой новый тип автоматов по обработке информации: впервые машина проявила способность генерировать новые идеи. « В качестве аналога биологического мозга перцептрон (а точнее, теория статистической разделяемости) отвечает требованиям функционального объяснения работы нервной системы, как никакая другая из существующих систем [...]. В качестве концепта

перцептрон устанавливает принцип систем, выполняющих функции когнитивной системы человека на уровне, который превосходит то, что можно было бы ожидать от современных машин» [15, с. 14].

Одной из первых задач, в решении которой были использованы сети формальных нейронов, была проблема распознавания букв [16]. Главная ее сложность здесь заключалась в том, что существует практически бесконечное количество вариантов написания букв в зависимости от почерка индивида. Свою модель Селфридж назвал пандемониумом (pandemonium), т.к. принцип ее функционирования заключался в одновременной работе большого числа «когнитивных демонов», каждый из которых параллельно с другими выполняет свою задачу, отвечая за распознание одной какой-то буквы и не обращая ни малейшего внимания на остальных. Все демоны выкрикивают свое суждение о представленной букве, и чем больше индикаторов говорят в пользу этой буквы, тем громче кричит соответствующий демон. Главный демон, принимающий решение, прислушивается к самому громкому демону. Сами же когнитивные демоны получают информацию от демонов обработки, отвечающих за распознание какой-то одной черты. Демон этой черты соединен со всеми когнитивными демонами, в буквах которых такая черта имеется. Поэтому когнитивный демон, в букве которого имеется максимум похожих черт, кричит громче других. Такая система позволяет распознавать даже те буквы, в написании которых есть нетипичные или недостающие линии [15].

В дальнейшем исследователи обнаружили, что подобные сети могут служить не только для моделирования распознавания форм, но и для представления способов организации знаний на основе ассоциативных связей между разными формами.

До конца 60-х символический и коннекционистский подход развивались параллельно, однако после выхода в свет книги Минского и Парпета *Perceptrons* [17] многие программы по разработке нейронных сетей были свернуты. Целью этой книги было изучение при помощи математического инструментария потенциальных возможностей и недостатков подобных моделей и набора операций, которые они в состоянии выполнять. На осно-

вании проведенного анализа ее авторы заключили, что разработка таких моделей бесперспективна. С одной стороны, было продемонстрировано, что перцептрон не в состоянии решать некоторые задачи (например, задачи с исключающим ИЛИ). С другой стороны, несмотря на то, что последующие модели позволили усовершенствовать сети и сделать эту задачу выполнимой, в глазах многих исследователей эти частные проблемы были симптомом более общей проблемы. Как уже отмечалось выше, в центре внимания создателей коннекционизма оказались когнитивные процессы, связанные с ассоциациями, а теория ассоциаций была как раз тем течением, против которого выступали все основатели современного когнитивизма, начиная с Хомского. Связь коннекционистских моделей с ассоциационизмом и отсутствие в них рекурсивных операций подрывала доверие к ним и укрепляло мнение, что разработка символьических программ – основное направление в когнитивных науках.

Лишь в начале 80-х, когда были созданы новые многослойные модели сетей формальных нейронов, открыт алгоритм ретропропагации градиента в многослойных сетях и достигнуты серьезные успехи в математическом описании поведения нелинейных систем, коннекционистские модели вновь стали привлекать внимание специалистов. Кроме того, как отмечают Бечтел и Абрахамсен:

1. Когнитивные науки – сознательно или нет – долгое время (до начала 80-х) оставались закрытыми для нейронаук. Не было создано необходимых парадигмальных рамок, которые бы позволили осознать, каким образом достижения нейронаук могут быть применены в когнитивных моделях. С ростом интереса когнитивистов к нейронной основе когнитивных процессов коннекционистские модели – модели нейронного типа – были обречены на популярность.

2. Интерес к нейронным основам – это лишь проявление более широкого интереса: желания дать фундаментальное объяснение всему, что характеризует когнитивное начало в человеке. Повышающаяся адекватность символьических моделей достигалась все большим их усложнением. И чем дальше, тем сильней становилось же-

ление достичь тех же результатов более экономными средствами.

1. Исследователи все чаще начали констатировать ограниченность символьических моделей. Если первоначально создание программ правил, способных воспроизвести человеческое поведение казалось вполне реальным, со временем начали возникать сомнения. Системы правил оказывались слишком чувствительными к шуму, слишком негибкими, не способными к самообучению и т.д. [15, с. 27-28].

Однако сами создатели новых коннекционистских моделей, объясняя причины очередной волны интереса к сетевому типу моделирования, акцентируют в первую очередь тот факт, что сетевые модели обладают такими свойствами, присущими человеческому разуму, которые обычно не удается воспроизвести в символьических моделях.

Шарм по-коннекционистски

Во-первых, коннекционистские модели в большей степени, чем модели символьные напоминают работу нервной системы человека. Это естественно, поскольку создавались эти модели именно как копия нервной системы.

Во-вторых, модели, имитирующие поведение нейронных сетей, обладают так называемой гибкой обусловленностью. Основной принцип осуществления обработки в сети – соединение между элементами. Если это возбуждающее соединение, то при активации первого элемента, второй тоже активируется. Отличие этого принципа от принципа действия символьных систем (правил) существенно. В первом случае правила носят детерминистический характер, то есть если включается некое правило, то его выполнение обязательно. В сети же определенный узел связан с множеством других узлов. Если один узел отправляет возбуждающий сигнал, в то время как два других – запрещающий сигнал большей суммарной силы, общий эффект будет запрещающим. Узел сам находит лучшее общее решение в ответ на многочисленные импульсы, и это решение может не согласовываться с некоторыми отдельными импульсами.

Это придает коннекционистским системам недостающую символьным моделям гибкость. Гибкое обуславливание позволяет строить системы, способные обрабатывать новые непредвиденные ситуации. Кроме того, оно позволяет коннекционистским сетям преодолевать одну из обычных трудностей, встречаемую разработчиками традиционных систем. Речь идет об исключениях, которые сопровождают практически любые правила. Коннекционизм добился определенных успехов в объяснении существования правил и исключений через единый механизм. И в том, и в другом случае ответ системы определяется набором соединений.

В-третьих, коннекционистские системы характеризуются постепенной деградацией, обуславливающей их сходство с работой человеческого мозга. У мозга, как и у любого другого механизма, есть свои пределы. Он может быть перегружен чрезмерными требованиями или избыточной информацией, а также может пострадать от физического воздействия. Однако в этом случае не возникает полной остановки его работы. Работа продолжает осуществляться в субоптимальном режиме. Мозг начинает игнорировать некоторые задачи или часть информации. Даже потеря значительного числа нейронов может не приводить к специфическим дисфункциям, но ведет к общей прогрессивной деградации. Если в символьных системах утрата одного элемента делает невозможным для системы доступ к информации, которую он кодирует, то в коннекционистских сетях, напротив, разрушение нескольких соединений или даже нескольких элементов обычно не нарушает в значительной мере деятельности такого типа систем. При частичной дисфункции сети, она не прекращает работу. Просто качество полученных результатов будет прогрессивно снижаться по мере ее разрушения.

В-четвертых, сравнение работы мозга с работой компьютерных программ обнаруживает еще одну слабую сторону последних. Когда информация классифицирована и разбита на блоки в системе памяти, единственный способ получить к ней прямой доступ – это воспользоваться ее адресом. В памяти классического компьютера каждая символьическая единица, которая вводится в память, предваряется адресом, по которому ее можно най-

ти. При последующем использовании центральный процессор посыпает в память команду найти единицу, зарегистрированную под таким-то номером. За счет этого он может комбинировать ее с другими единицами, вызываемыми подобным образом, согласно инструкциям, содержащимся в программе. После использования, процессор возвращает их на место. В общих чертах, так выглядит работа компьютера с серийной обработкой информации, закодированной в формальном языке. Разумеется, если адрес потерян, отыскать информацию сложно, и необходимы сложные и продолжительные процедуры перепроверки всего содержания памяти. Коннекционистские сети предлагают относительно естественный способ получить информацию с адресацией по содержанию, даже при некоторых ошибках памяти. Свойства могут быть найдены по имени, имя по свойствам и т.д. Достаточно ввести лишь некоторые указатели, соответствующие лишь части требуемой информации, для того, чтобы восстановить целое. Для этого необходимо и достаточно, чтобы указатель находился в зоне аттрактора. Тогда сеть воспроизводит выученную ранее конфигурацию. Другими словами, обучение позволяет сети создавать относительно равновесные состояния, которые, закавычив, можно назвать ее представлениями или концептами. Когда в систему поступает сигнал в форме части записанного ранее содержания, система способна воспроизводить соответствующую конфигурацию межнейронных отношений. Вся информация хранится в сети в виде распределения "синапсных" связей. При передаче любого сообщения задействованы одни и те же синапсы, но меняется их состояние, а с ним и характер связи. У информации нет точного адреса в сети, она располагается по всей сети, и реально существует лишь с момента, когда полученный сигнал заставляет сеть ее воспроизвести. Информация хранится в форме модальностей распределения связей.

Все эти факторы привели к тому, что когнитивисты стали уделять коннекционистским системам все большее внимание: одни – всеследо посвятив себя развитию нового направления, другие – пытаясь внести некоторые изменения, заимствованные из коннекционистской парадигмы, в традиционные символические по-

строения. Самые известные случаи успешного объединения принципов классического когнитивизма и коннекционизма – это модификация Андерсоном его модели ACT (Adaptive Control of Thought) [19], SOAR Ньюэла [5], а также поздние модели Кинча [19, 20].

Таким образом, на сегодняшний день когнитивные науки стали местом конфронтации двух парадигм: классического когнитивизма и коннекционистской парадигмы, предлагающей альтернативу базовым понятиям символа и репрезентации. Как мы постараемся показать в следующей части нашей работы, лингвистические проблемы занимают отнюдь не последнее место в теоретических дискуссиях представителей этих 2-х парадигм.

Ин и янь современной когнитивистики

Современное состояние когнитивных исследований никак не укладывается в предложенную Куном модель научных революций. Полемика между формальным подходом символических моделей традиционного когнитивизма и субстанциализмом коннекционистских моделей, связывающих когницию с деятельностью мозга, завязавшаяся еще в 40-е г.г., продолжается по сей день. Достаточно обратиться к синоптическому представлению различных в принципиальных позициях, касающихся статуса когнитивных операций [17], чтобы убедится в том, насколько мало изменился характер разногласий. (Анахроничным, на наш взгляд, выглядят лишь упоминания лево-/правополушарной дифференциации.)

Когнитивные операции	
Символическая парадигма	Коннекционистская парадигма
Логические	Аналогические
Пошаговые	Параллельные
Дискретные	Коинтимальные
Локализованные	Рассредоточенные
Иерархические	Гетерархические
Левополушарные	Правополушарные

Построение новой когнитивной науки идет не за счет революционной победы одной парадигмы, а за счет

углубления теоретических дебатов по всем ключевым вопросам.

Как отмечает Растье, их противостояние может быть представлено с разных точек зрения:

1. философски, как противостояние 2-х наиболее влиятельных философий 20 столетия (аналитической философии и феноменологии);

2. онтологически, в связи с постулированием дискретности изучаемого объекта когнитивизмом и его континуальностью коннекционизмом;

3. наконец, поэтически, как противостояние двух метафор. Если когнитивизм в своих исследованиях изучает продукты деятельности мозга по аналогии с работой компьютера, то коннекционизм стремится к созданию компьютерных программ по аналогии с деятельностью мозга [21, с. 44].

Для понимания проблем, с которыми сталкиваются представители 2-х парадигм в попытка найти «точки соприкосновения», интересной представляется мысль Смоленского о необходимости различать исследования, и направленные на создание моделей, и направления, стремящиеся сформулировать общие принципы. Первые предлагаю тщательный анализ четко очерченной проблемы (чаще всего в форме компьютерной модели) и практически не касаются теоретических предпосылок, на которых они строятся, принимая их как должное и видя свою задачу в демонстрации эффективности и значимости последних для построения моделей. Вторые характеризуются большим вниманием к общим проблемам и их соединению в единую теорию.

Если для нейрунаук, на которые опирается коннекционизм, более характерной является восходящая стратегия (от фактов – к модели), то когнитивная психология и лингвистика в анализе языка и мышления проявляют склонность к исходящей стратегии, продвигаясь от теории к имеющимся в распоряжении фактам. В некоторой мере это может объяснить создающееся в изучении когниции зияние, в котором оказываются самые фундаментальные проблемы когнитивной науки, те, что затрагивают взаимоотношения между базовыми нейрофизиологическими механизмами и высшей нервной деятельностью. Смоленский называет это центральным парадоксом когнитивной науки.

Общим объектом когнитивизма можно считать знание, рассматриваемое в различных аспектах: когнитивная психология уделяет особое внимание проблемам рассуждения, инференций, усвоения и хранения знаний, исследования по искусственноому разуму особую роль отводят проблеме представления знаний, а лингвистика поставляет необходимые для этого модели. Все 3 отрасли сходятся в том, что знание – это процесс репрезентации, рассматриваемый как символическая перекодировка. Иначе,

1. Мир состоит из объектов и их состояний.

2. Знания – это символические репрезентации этих объектов и их состояний, и поэтому смысл в последней инстанции денотативен (лингвистические символы отсылают к объектам реального мира).

3. Задача когнитивистов состоит в построении символических репрезентаций самих знаний так, чтобы ими можно было манипулировать. Как следствие, важнейшая задача лингвистики – репрезентация символов естественного языка символами языка пропозиций.

Для представителей коннекционизма когнитивна любая интеракция организма со средой, а не только так называемая высшая первичная деятельность. Понятие знаний оказывается гораздо шире, нежели в ортодоксальном когнитивизме:

1. Коннекционизм – это попытка разрыва с теорией отражения. Знания не рассматриваются в терминах репрезентации.

2. Знания не носят обязательной декларативной формы, они могут быть неосознаваемы.

3. Мозг – это больше, чем кора полушарий, а нервная система – это больше, чем мозг. Большинство коннекционистов признает зонную специализацию мозга. (Д. Хинтон очень точно подметил, что наше представление о мозге локально, и глобально, когда мы рассматриваем мозг глобально, и глобально, когда мы переносим анализ на локальный уровень.) Но коннекциониз отрицает независимый характер работы разных зон мозга. Существующие модули не замкнуты, они работают параллельно и влияют на все когнитивные процессы. Специализация не отрицает взаимодействия.

4. Знания не обязательно концептуальны и символичны по своей природе. Коннекционизм не отрицает тот факт, что обработка информации в форме символов – несомненно типичная для человека деятельность, однако он задается вопросом, не сможем ли мы продвинуться дальше в нашем понимании когниции, если обратимся к анализу процессов, лежащих в основе символов, к уровню базовых механизмов.

Автоматы, конструируемые на основе коннекционистских моделей, не программируются, как классические компьютеры, они «обусловливаются»: вместо написания правил производится спецификация связей между формальными нейронами, а вместо последовательностей символов в качестве результата интерпретируются временные и стабильные активации отдельных частей сети.

Наконец, сама онтология коннекционистского объекта не логистична, а физична: он не дискретен и лишен самоидентичности, он рассматривается как один из возможных способов вычисления единичности в континуальном пространстве.

С момента формирования нового междисциплинарного поля огнитивных исследований лингвистика, наряду с психологией, культурной антропологией и другими «науками о человеке» в гораздо большей степени связана с символическим когнитивизмом. Когнитивизм, опираясь на положение о языке мысли, дает ответы на все ключевые вопросы современной лингвистики, в то время как коннекционизм еще не создал свою ясную и непротиворечивую концептуальную базу для рассмотрения лингвистических проблем. Однако современная лингвистика во все большей мере осознает, что ее данные не вписываются в противопоставление «истинное – ложное», «все – ничего», все актуальней звучит мысль о необходимости использования в анализе языковых явлений понятий вероятности и диспозиции, что, несомненно, свидетельствует о методологическом сближении между языковедением и коннекционистской парадигмой.

Мы не сомневаемся в том, что современная лингвистика может (и должна) подключиться к решению

принципиальных вопросов, разделяющих когнитивистику на два лагеря, и что выстраиваемые лингвистами модели, исследуемая проблематика и получаемые результаты могут послужить серьезным подспорьем в установлении краеугольных позиций современных когнитивных исследований.

Литература

- Dreyfus, H. (1979) *What Computers Can't Do: The Limits of Artificial Intelligence*. New York, Harper and Row.
- Andler, D. (1992) Calcul et representation: les sources. In D. Andler (Ed.). *Introduction aux sciences cognitives*. (pp. 9-46). Paris: Gallimard.
- Johnson-Laird, P.N. (1983) *Mental Models*. Cambridge, Cambridge Univ. Press.
- Maturana, H.R. and Varela, F.J. (1980) *Autopoieses and Cognition: The realization of the living*. Reidel Publishing Co., Dordrecht.
- Newell, A. (1980) *Physical Symbol Systems*. Cognitive Science 4, 135-183.
- Fodor, J. (1975) *The Language of Thought*. Cambridge, Mass., Yarvard University Press.
- Fodor, J. (1983) *The Modularity of Mind*. Cambridge, Mass., The MIT Press, A Bradford Book.
- Fodor, J. (1987) *Psychosemantics*. The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Cambridge, Mass., The MIT Press.
- Laks, B. (1996) *Langage et cognition, l'approche connexioniste*. Paris: Hermes.
- Chomsky, N. (1975) *The logical structure of linguistic theory*. New York: Plenum press.
- Traite de psychologie cognitive. 2. (Le traitement de l'information symbolique) (1993). Paris: Bordas.
- Schrodinger, E. (1986) *Qu'est-ce que la vie?* Paris: Christian Bourgeois.
- Hebb, D. (1949) *The Organization of Behaviour*. New York, Wiley.
- Rosenblatt, E. (1962) *Principles of Neurodynamics: Perceptions and the Theory of Brain Dynamics*, New York, Spartan books.

Bechtel, W. and Abrahamsen, A. (1990) *Connectionism and the Mind: An Introduction to Parallel Processing in Networks*, Cambridge, Mass.: Blackwell.

Selfridge, (1959).

Minsky, M. and Rapert, S. (1969) *Perceptions*. Cambridge, Mass., The MIT Press.

Anderson, J. (1983) *The Architecture of Cognition*. Harvard University Press, Cambridge.

Kintsch, W. (1988) 'The Use of knowledge in discourse processing: a construction-integration model,' *Psychological Review*, 95, 163-182.

Kintsch, W. (1998) *Comprehension. A Paradigm for Cognition*. Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Rastier, F. (1991) Semantique et recherches cognitives. PUF, Paris.

Сорокин Ю.А.

КОНЦЕПТ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ?

Задавая этот вопрос, поневоле оказываешься в той ситуации, о которой писал еще Григорий Палама: «...полагающиеся на словесные доказательства обязательно будут опровергнуты, пусть не сейчас<...>; ведь «всякое слово борется со словом», то есть, значит, и с ним же борется другое слово, и невозможно изобрести слова, побеждающего окончательно и не знающего поражения, что последователи эллинов и те, кого они считают мудрецами, доказали, постоянно опровергая друг друга более сильными на взгляд словесными доказательствами и постоянно друг другом опровергаемые» [1, с.8].

Но в чем же все-таки неправы «последователи эллинов»? А если и правы – какие доказательства приводят в пользу своих утверждений? И в чем их суть?

В «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт истолковывается следующим образом: «...термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка моз-

га..., всей картины мира, отраженной в человеческой психике. <...> К. – это скорее посредники между словами и экстралингвистической действительностью, и значение слова не может быть сведено исключительно к образующим его К.; <...> Правильнее было бы, наверно, говорить о концептах как соносительных со значением слова понятиях...» [2, с.90, 92,]. Обсуждая статус концепта, Л.О. Чернейко указывает на следующее: «Термин «концепт» в лингвистике старый и в то же время новый. Еще недавно он воспринимался как абсолютно эквивалентный термину «понятие». В последние годы наметилось существенное размежевание этих терминов на фоне их не исчезающей дублетности. Поиски за термином «концепт» зоны особой референции, отличной от других зон, приводят к закреплению за ними совершенно особого содержания. Р.М. Фрумкина считает первой на этом пути А. Вежбицкую, определившую концепт как объект из мира Идеальное, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире Действительность. <...> Основа концепта – сублогическая. Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество pragматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости. А сочетаемость имени отражает и логические, рациональные связи его десигнатов (денотата) с другими, и алогичные, иррациональные, отражающие эмоционально-оценочное восприятие мира человеком» [3, с.287-288].

В свою очередь, А.П. Бабушкин истолковывает концепт «...как любую дискретную единицу коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памятиносителей языка в виде...вербально обозначенного субстрата. Концептуальные сущности близки к понятийным...» [4, с.95]; он выделяет следующие виды концептов: мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, сценарии, инсайты, а также «калейдоскопические концепты». По мнению А.А. Залевской, необходимо «...четко разграничивать то, что функционирует в голове индивида (т.е. концепты), и то, что является продуктом научного (в том числе лингвистического) исследования (т.е. конструкты) [5, с.34; см. также на с. 30-33 обсуждение

точек зрения относительно термина «контцепт»]. Исследователь настаивает на необходимости различать «... контцепт как достояние индивида (припишем ему индекс «инд») и контцепт как инвариант, функционирующий в определенном социуме или шире – культуре (припишем ему индекс «инв»). Будучи носителем языка, исследователь несомненно опирается на КОНЦЕПТ – инд, тем самым он не может не отдавать себе отчета в том, что функционирующие у него ментальные образования чем-то отличаются от понятий и значений и далеко не всегда поддаются вербальному описанию. Это обуславливает потребность введения какого-то нового термина и отсюда – готовность принять ставший таким модным термин «контцепт», который на самом деле является транслитерацией английского соответствия слову «понятие», что само по себе должно было бы настороживать (особенно в совокупности с фактом многозначности термина «concept»). <...>... можно определить КОНЦЕПТ-инд как спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической деятельности человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от научных понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [5, с.88-89; 90]. Показательно также внимание А.А. Залевской к теории К. Харди, в рамках которой учитываются «... такие особенности познавательной деятельности индивида, как сочетание осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов и их динамику. Взаимопреплетение ощущений, переживаний и абстрактных понятий в мыслительных процессах, взаимодействие между сенсорно-аффективно-ментальным сознанием (mind) и значимым для него окружением. К. Харди подчеркивает, что подобный подход придает особое значение взаимодействию тела и разума (body and mind), интегрированию соответствующих процессов в единую сеть с множеством сечений по разным основаниям. Отсюда следует, что знание у человека никогда не бывает строго абстрактным, оно непременно увязано с рядом сенсорно-аффективных процессов» [5, с. 83]. Правда, следует учитывать вторичную новизну

указанных утверждений, ибо в разделе шестом книги М. Мерло-Понти «[6]и в разделе третьем введеия обсуждается та же проблема – существование телесно-логосно-психического как единства» [6, с.79-80, 80. 81. 235, 236, 243, 246-247, 251, 253]; ср. это также с моделью сознания, предложенной В.П. Зинченко, и истолкованием Н.А. Рубакиным сознания (и бессознательного) как существующих «в телесности» динамических и разно-качественных *мнематических ансамблей*.

Предложенный выше корпус точек зрения относительно концепта отнюдь не является исчерпывающим (см., например, аналогичные подходы в: [5; 7; 8; 9; 10; 11], но все-таки достаточно представителен. И все же некоторые интерпретационные «оттенки» концепта в перечисленных работах малосущественны. Например, утверждение И.Л. Медведевой о существовании концепта в виде «узлов» в сети, «следов» в поле [8, с.29] или расуждения Н.В. Рафиковской относительно комплексов/паттернов презентаций слова/текста [9, с.84-100] как фрагментов концепта. И именно потому, что эти оттенки излишне аподиктичны, не стыкуясь, например, с мнением П.Н. Джонсона-Лэарда о бесполезности анализа ментального лексикона (а тем самым и концептов) в терминах семантических составляющих, семантических сетей и «постулатов значения» [12, с.142].

Помимо этого, в толкованиях термина «концепт» следует отметить следующее: а)автологичность в его определении, б) неубедительность разграничения концептов и конструктов (ибо и те и другие в равной мере функционируют в голове человека), в) избыточную детализацию (на каком основании?) в видах концептов и их классификационную разнородность, а также г) у Л.О. Чернейко и А.А. Залевской «базовое перцептивно-аффективно-когнитивное образование» вряд ли то же самое, что и сублогическое образование. Это «фрагмент индивидуальной картины мира, единица индивидуального знания» [11, с.81], «достояние индивида» [5, с.88]? Или фрагмент образа мира (мира амодальных структур)?

Но самый важный, на мой взгляд. Дефект заключается в преимущественном толковании концепта как некоторой сверхрелевантной капсулы знания [5; 9, с.

13, 16, 21, 35, 68, 81, 83, 85, 90, 93, 105, 108 и др.], ибо «гедонистическое пространство», в котором «моментному состоянию отвечает не одна или несколько, а целая россыпь точек, каждая из которых соответствует отдельно переживаемому чувству», причем «близкие в том или ином отношении элементарные чувства объединяются по определенным законам, образуя более сложные чувства» [18, с.208, 209], оказывается в этом случае второстепенным/факультативным. Иными словами, между «аффективным пространством» и «интеллектуальным» не существует отношений паритетности.

Для выхода из такого противоречия, следует, по-видимому, оказаться от термина концепт применительно к обыденному верbalному и неверbalному человеческому поведению, считая, что оно опирается на динамическую совокупность *психологосем/иксириенситивов*, в принципе несводимых к тем «инструментам», которыми располагает «интеллектуальное пространство». Говоря иначе. Концепты/конструкты есть не что иное, как результаты рациональных усилий. А психологосемы – неотъемлемые и зачастую неосознаваемые (ингерентные) качества / свойства человеческой и внечеловеческой телесности. В связи с этим особое значение приобретают исследования. Ориентированные на изучение Я-соматологического пространства, соседствующего с соматологическими пространствами «своих» и «чужих» и предопределяющего характер позиции, занимаемой человеком и в мире его значений/смыслов, и в мире его поступков.

Примечание. В контексте таких исследований небезынтересно разобраться и в сути того, что можно было бы назвать *соматологическим гештальтом* (ср. с эмоциональным гештальтом Л.М. Веккера) и *соматологической комфортностью*. Небесполезность такого рода сведений очевидна и для «когнитивной лингвистики», и для лингвистики открытого корпуса. В частности, есть все основания полагать, что соматологические ассоциации являются свидетельством устойчивости «перцептивных оценок» и в силу этого устойчивости «соматологического времени». Так как соматологическое пространство является и пространством чувств/аффектов, или,

иначе говоря, оно «занято» и эмоциональными концептами [14], возникает необходимость рассмотрения статуса этих концептов/конструктов и сопряженных с эмоциями метафор. С мой точки зрения, эмоция – это нечто безразмерное.»ярлык», указывающий на некоторую агрегацию переживаний. Конкретизацией эмоции является чувство как многосоставной образ-состояние (образ-идентификатор) себя и других в определенной ситуации. Короче говоря, эмоция – генотипична, а чувство – фенотипично.

Эмоном (С.Ю. Перфильева) также безразмерен, лишь имплицитно указывая на невербальные координаты переживания, на те или иные эмономомоляры, специфицирующие это переживание. Именно они указывают на высшую точку развития чувства – на аффект.

Метафоры, используемые для опредмечивания аффективно-чувственного пространства, указывают на предполагаемую конгруэнтность состояний некоторых Икса и Игрека, метафоры – это безаргументные доказательства сходства или несходства, совместности или несовместности тех или иных переживаний, метаболы, чьи семы указывают на температуру чувства/аффекта.

Естественно, что соотношение между соматологическим и суперсоматологическим пространствами оказывается весьма непростым, ибо «многочисленные исследования последних лет показали, что когнитивные стили (полезависимость–поленезависимость) относятся прежде всего к личностному аспекту мышления. Это определяется несколькими причинами: 1) стиль является инструментальной, готовой, сформированной структурой мышления, 2) стильобъединяет в себе когнитивные и мотивационные компоненты, 3) стиль представляет собой в той или иной мере способность человека (познавательную и инретактивную), 4) стиль так или иначе организует процесс мышления, 5) в функциональном плане стиль обусловлен внешними явлениями, а значит, содержанием отражаемого [15, с. 29].

В некоторых работах, использующих термин концепт в качестве инструмента объяснения тех или иных данных, но ориентирующихся на спиралевидную модель СЛОВА, возникают не замечаемые, по-видимому, авторами внутритекстуальные противоречия. Если считать

концепт понятием, десигнатом, совокупностью общих и существенных признаков целого класса образов [16, с.18], то это не согласуется со спиралевидной моделью слова. В свою очередь, я полагаю возможным считать, что если концепты – это понятия, то психологосемы – это образы образов того предметного (внешнего контекста) и непредметного/ментального (внутреннего контекста) мира, на который мы осуждены. Вопреки мнению В.Я. Шабеса, полагающего, что «сцена и образ представляют собой уникальную единичную комбинацию признаков; события и концепт инвариантны и уникальны; признаки события и концепта представляют собой инвариантную часть уникальных наборов признаков, соответственно, сцены и образа» "[16, с20], я рискну утверждать следующее: уникальны события и образы, а сцены и концепты – ауникальны. Именно динамика событий создает сцену, которая стремится их унифицировать, гася уникальные признаки психологосем.

Литература

- Палама Григорий. Т ературиады в защиту священно-бездействующих. – М., 1996.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
- Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997.
- Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
- Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб, 1999.
- Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафиков Н.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. – Тверь, 1998.
- Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка. Автореф. дис...докт. филол. наук. – Уфа, 1999.
- Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. – Тверь, 1999.

Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова. Авто реф. дис...докт. филол. наук. – Уфа, 2000.

Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. – Тверь, 2000.

Джонсон – Лэард П.Н. Ментальные модели //Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. – Барнаул, 2001.

Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М., 1990.

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск, 2000.

Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Автореф. дис. ...докт. психол. наук. – М., 2001.

Шабес В.Я. Событие и текст. – М., 1989.

Суворова П.Е.

САМООРГАНИЗАЦИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИХОТВОРНЫЙ СТИЛЬ

Выявление общих принципов построения и функционирования стиховых систем подводит к необходимости рассматривать их в качестве неких самоорганизующихся систем. Эти системы, как любые другие, обладая способностью обмениваться информацией, претерпевают изменения под воздействием множества причин. Если посмотреть под этим углом зрения на стихотворную речь, то нетрудно обнаружить, что диссипативность – постоянное изменение некоторых величин системы – одно из ее свойств. К примеру, стиховая культура XIX в. основывалась на классической метрике, точной рифме, определенных строфических композициях. XX век принес стилю большую свободу. Процесс углубления рифмы, начавшийся в конце XIX - начале XX вв., постепенно привел к появлению неточной рифмы. Увеличение рифмующих элементов, расширение функций предударного пространства – все свидетельствует о «сдвигах» в отношениях строфики и графики, метра и рифмы. Звуковая и метроритмическая основы стиха, которые в XIX в. не

были взаимосвязаны, в XX в. обнаруживают явную взаимообусловленность: увлечение роли звуковых комплексов не может не отразиться на ритмической организации, а это приводит к ослаблению роли метрического каркаса.

Вопрос о зависимости / независимости поэта от общих тенденций развития стиховых форм решается с учетом того, в какой степени возможно проявление индивидуального начала в стихотворном стиле. В.А. Пиццальникова отмечает, что «идея нелинейности текста (речи) содержит в себе и установки *вероятностного видения мира...* Система как бы забывает все внешние воздействия, адаптируя к своим синергетическим потребностям любую информацию» [1, с. 7].

О том, что в художественной речи поле интерпретации довольно узко, писали и поэты и ученые. В.В. Виноградов показал, как динамика индивидуального стиля писателя осуществляется внутри литературного языка эпохи. Он считал, что основополагающие черты личности писателя (стиль, язык) проецируются на национальный литературный язык и становятся компонентами универсальной системы литературного языка. В.В. Виноградов предположил, что поэтическая речь является результатом целенаправленного, мотивированного психологически и эстетически отбора. Авторская индивидуальность, авторское «Я» по В.В. Виноградову, – это многочленная формула, где важнейшими элементами являются: намерение автора утвердить собственный стиль и создать индивидуальные речевые образы на фоне языка эпохи; сознательное сходство (или отступление) со стилистической нормой эпохи; способы связи автора с персонажами своих произведений [2; 3].

В полемике В.В. Виноградова и М.М. Бахтина развивалась концепция выражения поэтического самосознания автора / повествователя в разных поэтических жанрах, формировалось представление об отношении писателя к стандартному литературному языку эпохи. М.М. Бахтин считал, что авторское «Я» находит себе место в пределах собственного творчества, но поэтическое высказывание обитает в «межчеловеческом» пространстве, где ни один не обладает привилегией абсолютного авторства [4]. И В.В. Виноградов, и М.М. Бах-

тин внесли неоценимый вклад в развитие теории стилей, так как указали на необходимость системного изучения проблемы взаимоотношений общего и индивидуального в стиле.

Авторский стихотворный текст можно рассматривать как форму ритмико-структурной матрицы, определяемой стиховой культурой той или иной эпохи и фиксирующей глубинные структурные уровни речевой способности конкретного речесосителя.

Принципиальная возможность стихотворного текста члениться и благодаря этому самоорганизовываться и выстраивать разные системности взаимоотношений между стиховыми и лексическими единицами предопределила возможность структурирования собственных (авторских) концептуальных систем. Инвариант структуры текста выступает как универсальный ритмический регулятор организации текста на всех уровнях. Инвариант определяет значимость частей целого, выдвигает иерархию стилевых соотношений, подчиняется общим законам развития стиха и обусловлен стилевыми доминантами эпохи.

Ритм стихотворной речи предопределяет восприятие стихотворного текста как системы членимостей, рождающихся на самом глубинном уровне словесного мышления. Создавая свою систему членимостей, формируя свои языковые и стиховые соотношения, поэт мотивирует эти соотнесения личностным смыслом. Вычлененные сегменты вступают друг с другом в новые связи и создают новую системность. Только в этом случае можно говорить о сложившемся индивидуальном стихотворном стиле.

Литература

- Пиццальникова В.А. К становлению синергетики// Г.Г. Москальчук. Структурная организация и самоорганизация текста. – Барнаул, 1998.
- Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды.–М., 1976.
- Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды.–М., 1980.
- Бахтин М.М. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке.–Л., 1929; 1930; М., 1993.

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ СУГГЕСТИИ

Язык задаёт способы организации знания и структурирования информации, получаемой субъектом из объективной действительности. Но в реальном процессе смыслопорождения компоненты когнитивных структур, представляемых языком, могут модифицироваться и актуализация их зависит от мотивации деятельности индивида.

Владея речью, человек совершает рефлексивные акты, так как осуществление этих актов принадлежит самому языковому сознанию, а характер отношения этих актов в языке, как правило, не осознается. Поэтому основа суггестии – в изоморфизме познавательных и языковых структур.

Разработка проблемы внутренней формы слова (ВФС) внесла существенный вклад в изучение воздействующей функции языка. Суггестивный план слова проявляется в актуализации ВФС в языковом сознании (ЯС). ВФС при этом понимается как наиболее общий признак предмета или явления, положенный в основу номинации. Слово – эквивалент того, как этот признак был осмыслен продуцентом речи. По существу об этом и идёт речь, когда некоторые исследователи утверждают, что источник непонимания между людьми – разные значения слов и их объединение возможно только на смысловом уровне. Такая точка зрения принципиально расходится с общепринятым утверждением о том, что значение универсально, конвенциально, индивидуальны лишь смыслы.

В процессе суггестивного воздействия происходит гомоморфное объединение единиц разных уровней (в некоторых случаях может быть даже языковых и неязыковых). Подобное структурирование единиц при производстве речевого высказывания возможно лишь под влиянием ведущего мотива, при подчинении всех компонентов текста ведущему смысловому признаку (на уровне текста он выражается как доминантный личностный смысл - ДЛС). Известно, что смыслы детерминируются одновременным воздействием совокупности фак-

торов. В связи с этим, на наш взгляд, нет возможности рассматривать так называемые "суггестивные" компоненты разрозненно. Нельзя говорить отдельно, например, о суггестии фонетической, структурной, либо смысловой организации текста, так как нет возможности с уверенностью сказать, какой именно уровень текста оказывает наибольшее воздействие на воспринимающего. Целесообразнее говорить о *гомоморфном объединении единиц всех уровней под влиянием доминантного мотива для выражения ДЛС*. В связи с этим важно совпадение мотивов продуцента и реципиента. Непонимание возникает из-за разности концептуальных систем, признаков, расположенных в основу номинации, понимание же зависит от схожести когнитивных структур коммуникантов. Поэтому схожесть/степень совпадения смыслообразующих мотивов автора текста и его реципиента немаловажна для эффективности коммуникации, эффективности воздействия.

В коммуникации, строящейся по модели текст-реципиент, не последнюю роль играют те мотивы, которые побудили его к созданию верbalного произведения. Поэтому для прогнозирования индивидуального поведения исследователи стараются в первую очередь понять мироощущение субъекта, смыслообразующие мотивы его деятельности.

В процессе деятельности любой мотив может стать ведущим. При этом сам продуцент не всегда осознаёт, каким именно мотивом он руководствуется в конкретный момент времени производства верbalного произведения.

При намеренном структурировании текста доминантным может стать мотив *исследователя*. Поэтому понимание суггестивного текста как *намерено структурируемого* для воздействия на установку личности не совсем верно. Скорее всего, существуют лишь факторы, *направляющие ассоциации реципиента, задающие способ восприятия информации*. Процесс суггестии – это обязательное гомоморфное объединение, слияние эмоциональных и когнитивных компонентов, о разграничении которых допустимо говорить только при научном описании процесса. Другое дело, что возможно преобладание одних компонентов над другими, тогда обработка текста направляется по разным каналам.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ФИЛОЛОГИЧЕКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УНИВЕРСИТЕТА

Социокультурная и коммуникативная ситуация в современной России отличается рядом качественных изменений. Речь идет прежде всего о стремлении Homo Loquens превратиться из фактора речекоммуникативного пространства в его центр и неспособности достичь этого, ибо европеизация России толкает его в центр этого пространства, а почти 80-летний опыт развития страны в рамках общественности, да еще возникшей в традициях общинности, не пускает его туда; резком повышении коммуникативной активности россиян и размытии речекоммуникативных норм; постепенной замене господствовавшей многие десятилетия коммуникативной парадигмы монологического типа на коммуникативную парадигму диалогического типа; нарушении баланса в отношениях тенденций к речевой гармонии и тенденций к речевой агрессии в пользу последней; перемещении в центр гуманитарного образования фигуры человека в его многосложных отношениях к миру и сохранении системы образования, монологической по своей сути; требований "общественностью" запретов новых явлений и процессов в речевой практике и попытках признать не нужной отечественное филологическое образование, подменить его изучением языка - но не родного, а иностранного...

Эти, а также многие из неназванных здесь изменений определили содержание и структуру высшего филологического образования, что зафиксировано в Государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования по направлению 520300 / специальности 021700 - "Филология" (М., 2000) /далее: ГОС/. В частности, в расшифровке содержания дисциплины "Основной язык / языки" ГОСы ввели указание на риторику как ее (дисциплины) раздел: "**Основной язык / языки (введение в специфилологию, теория и история языка, диалектология, стилистика и риторика, прак-**

тический курс языка и другие лингвистические дисциплины) . Так риторическая составляющая получила прописку в содержании и структуре университетского филологического образования, а последнее с этой пропиской приобрело практически неограниченную возможность ответить на вызовы современной социальной и коммуникативной практики. Позиция риторики в ГОСах усиливается тем, что стандарты, проводя жесткую линию на сохранение фундамента филологического образования, его теоретического базиса, дают возможность факультетам (вузам) учесть особенности текущего момента, так как содержат открытый перечень дисциплин федерального компонента и не навязывают списка дисциплин национально-регионального и элективного компонентов. В контексте наших рассуждений это означает, что факультеты получают право вводить в рабочие учебные планы теоретические и прикладные дисциплины речекоммуникативного цикла, сердцевину которых составляет риторика.

Если учесть, что риторика как наука есть совокупность конкурирующих представлений о ее предмете, застоеах и методах (риторика как теория убеждения/аргументации, как теория эффективной/оптимальной коммуникации, "общая" риторика и др.[1]), а риторика как учебная дисциплина существует в современной России относительно недавно, то кажется важным осмысление опыта постановки риторического образования на отдельно взятом филологическом факультете. Данная статья опирается на опыт русского отделения филологического факультета Алтайского государственного университета. На факультете имеется специальная кафедра, которая и обеспечивает курсы общей и профессиональной риторики и др. дисциплины речекоммуникативной направленности, ведет специализацию по риторике.

Главный вопрос, который приходится решать в процессе реализации образовательно-профессиональной программы в части, касающейся риторики, - это вопрос о дидактически продуктивной модели риторики. Мы избрали понимание риторики как интегральной науки о речевой коммуникации, целенаправленной по сущности, действенной по средствам, эффективной по результатив-

ности, оптимальной по характеру (риторическая коммуникация). Исходя из сказанного дидактически продуктивной нами признается коммуникативная модель риторики [2].

Что нас привлекает в данном решении? Остановлюсь лишь на некоторых аргументах.

Эта модель позволяет адекватно и в полной мере учесть процессы, происходящие в современной речекоммуникативной практике (некоторые из них названы в начале статьи), новые реалии в филологии.

Речь идет прежде всего о том, что филология, оставаясь верной своему объекту - тексту, актуализирует одну из самых сильных связей текста - связь с коммуникативной деятельностью Homo Loquens, который представляет собой двуединство Говорящий/Слушающий. Поэтому в центре внимания филологических наук на современном этапе их развития становится не изучение текста как ставшего, как продукта, результата коммуникативной деятельности Говорящего (Автора) и Слушающего (Читателя), в отрыве от них, а изучение жизни текста - как его самореализации - в коммуникативном пространстве социума. Более того, как кажется, в филологии конца XX- начала XXI вв складывается междисциплинарная область - филологическая теория коммуникации [3].

Речь идет, замечу далее, о любых текстах, а не только о текстах художественных и фольклорных. Это принципиально важное положение, поскольку только учет всего массива текстов на данном языке позволит осмыслить духовную культуру этноса, ее устроенность, тенденции развития, обнаружить уровни коммуникативной компетенции говорящих (членов этноса), сформулировать критерии риторической коммуникации, разработать пути филологического вообще и риторического в частности образования и воспитания.

Коммуникативная модель риторики может быть выстроена как спецификация модели коммуникативного акта, которая, по сути дела, воплощается в любой сфере речекоммуникативной деятельности (а это очень важно дидактически). Воспользуемся, например, моделью, показанной Б.Ю.Городецким в русле комплексной теории моделей речевого общения [4].

В таком случае получается следующая картина. Коммуниканты выступают как Ритор и Аудитория, центральные характеристики которых "быть целенаправленно порождающим речь" (Ритор) и "быть целенаправленно понимающим речь" (Аудитория). Текст превращается в риторический текст, ибо приобретает в качестве атрибута признак "содержать персузивную программу" (заявляется Ритором и-или усматривается Аудиторией). Вербализация-и-понимание могут быть квалифицированы соответственно как "интегральная программа "трансформации" мысли в слово" (Н.А.Безменова) и деятельность, базирующаяся на риторическом анализе (включающем, например, по В.В.Бонгадову, сопряженный поиск ответов на вопросы *Кто сказал? Кому сказал? О чем сказал? С какой целью сказал? Как сказал? Каков эффект?*). Обстоятельства речевого акта, наряду с традиционными для лингвистики параметрами речевого акта, связанными с его деятельностным контекстом, включают в себя характеристики человека как субъекта деятельности, его отношение к коммуникации вообще и риторической в частности, например, интерпретацию им риторического идеала. Для коммуникативных и прагматических компонентов существенно их взаимное соответствие, наличие которого играет едва ли решающую роль в характеристике модели риторической коммуникации. Наряду с названными компонентами модель риторической коммуникации содержит предмет речи, включенный участниками коммуникации в свою теоретическую и-или практическую деятельность и обработанный сознанием.

Наконец коммуникативная модель риторики в ее реализации соответствует процессам переориентации образовательной деятельности на коммуникативно-деятельностные основы, то есть существенна и в профессиональном (педагогическом) отношении, существенна - об этом скажу в-последних (но именно по законам актуализации!) - и как средство развития личности обучаемого и обучающего. Не только "левый" участник образовательной деятельности имеет статус субъекта, но все более субъективируется участник "правый" - ученик, студент (обучаемый как таковой). Отмеченная тенденция находит свои проявления, в частности, в декларации но-

вых целей образования (оно ориентируется не на социум, а на отдельного человека), в процессах гуманизации гуманитарных наук, риторизации образовательной деятельности.

Другим важным вопросом является вопрос о статусе и месте риторики как учебной дисциплины. В нашем видении риторика предстает филологической дисциплиной: она, как и филология в целом, имеет своим смысловым центром *Homo Loquens*. Это позволяет разместить риторику как учебную дисциплину (курсы общей и профессиональной риторики) в образовательном пространстве на пересечении нескольких содержательных линий:

1) общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины: а) обязательные: философия, история, культурология, педагогика, психология и др.; б) введенные факультетом: русская философия конца XIX - начала XX вв., теория сознания, теория деятельности, логика, теория символа;

2) общие и элективные филологические дисциплины: наряду с литературоведческими это дисциплины, входящие в общегуманитарный круг (семиотика, герменевтика, мифология и др.), и лингвистического цикла. Из последних назову следующие: теория текста и практикум по интерпретации текста, психолингвистика и стилистика, основы теории массовой коммуникации (включая проблемы языка), ортография и др.

Курс общей и профессиональной риторики проводится на 8-ом семестре и имеет теоретико-практическую направленность, что определяет включение в его образовательно-профессиональную программу как лекционных, так и практических занятий. Общериторическая часть курса предусматривает изучение законов и принципов риторики, основной проблематики риторической коммуникации, вопросов мастерства публичного выступления. При изучении профессиональной риторики раздела курса студенты знакомятся со спецификой академического красноречия в России и основами педагогической риторики как его составляющей [5].

Реализация коммуникативной модели риторики создает условия для оптимального наполнения специализации "Риторика" (предусмотрена перечнем специали-

заций по специальности 021700 - "Филология"). Цель специализации, по нашему мнению, состоит в подготовке филологов, владеющих знаниями в области теоретической и прикладной риторики и умениями в сфере риторической коммуникации. Такая направленность специализации предполагает сопряжение теоретической работы с работой сугубо практической. Выпускники, прошедшие данную специализацию, подготовлены к практической деятельности в качестве учителей (преподавателей) риторики, а также спичрайтеров, референтов и других специалистов, способных создавать, оценивать, редактировать и интерпретировать тексты различных коммуникативных сфер.

Образовательно-профессиональная программа специализации предусматривает цикл специальных курсов и семинаров по риторике, курсовые и дипломную работы, производственную практику по специализации.

Цикл специальных курсов [6] открывается *введение в риторику*. Его содержание складывается из таких блоков, как возникновение и основные этапы развития риторики в ее классическом и современном варианте, объект и предмет современной риторики, условия и истоки ее формирования и место в структуре гуманитарного знания, основные направления исследования риторики, коммуникативная модель неориторики. Смысловым центром курса *теории аргументации* является аргументативная деятельность Человека Говорящего и ее реализация в аргументативном тексте. Объект соответствующих курсов составляет *диспозиция* и *элокуция*. В этих курсах обращается внимание на то, что композиционному структурированию подвергаются текстовые элементы различной природы - семантической, синтаксической, прагматической, рассматривается система и функционирование экспрессивных средств современного русского языка. На завершающем этапе обучения предлагается курс *практической риторики*; в нем осуществляется комплексное - теоретические и практическое - рассмотрение вопросов речепроизводства с учетом анализа риторической ситуации. Этот курс синхронизирован с практикумом по интерпретации текста, что существенно для профессиональной ориентации специализации.

В перечне курсов отсутствуют дисциплины, связанные с содержанием предмета риторической коммуникации. Этот пробел отчасти восполняется рядом выше названных дисциплин гуманитарного и филологического циклов; наряду с этим используется практика посещения студентами специализации соответствующих занятий на других отделениях факультета и за его пределами.

Начиная с шестого семестра студенты привлекаются к работе в специальных семинарах. Семинары по риторике имеют две составляющие: 1) научно-исследовательскую - предполагает овладение студентами спецификой риторического исследования и его методами и приемами, постановку и решение определенной исследовательской задачи; 2) прикладную - включает в себя аналитико-синтетическую работу над риторическим текстом.

На основе исследования, проведенного в специальном семинаре, студенты выполняют курсовую, а на 10-ом семестре - и дипломную работу.

„Язык чудовищно богат, и мы едва начали отчетливо понимать систематическим образом огромное разнообразие того, чем имплицитно владеем“ [7]. Убежден, что филолог, образованный риторически, сможет профессионально - осознанно и, главное, ответственно - распорядиться этим богатством во благо человеку.

Литература

Ср., например: Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978; Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию //Антология русской риторики. М., 1997; Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991; Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996; Дюбуа Ж. И др. Общая риторика. М., 1986; Зарецкая Е.Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. М., 1998; Клюев Е.В. Риторика. М., 1999; Михальская А.К. Основы риторики. М., 1996; Неориторика: проблемы, перспективы. Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1987; Предмет риторики и проблемы ее преподавания. М., 1998; Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997; Хазагеров Т.Г.,

Штрина Л.С. Общая риторика. Ростов-на-Дону, 1992; Юнина Э.А., Сагач Г.М. Общая риторика (современная интерпретация). Пермь, 1992 и др. См., например: Основы общей риторики. Барнаул, 2000.

Более подробно см.: Чувакин А.А. Заметки об объёме современной филологии // Человек – Коммуникация - Текст. Барнаул, 1999. Вып. 3.

Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXIV.

Из последних работ по педагогической риторике см., например: Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория. М., 1998; Мурашов А.А. Педагогическая риторика. М., 2001; Педагогическая риторика / Под ред. Н.А.Ипполитовой. М., 2001.

При написании данного фрагмента использован материал публикаций: Земская Ю.Н., Кацесова И.Ю., Панченко Н.В., Чувакин А.А. Специализация «Риторика» в Алтайском государственном университете // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. Воронеж, 2001.

Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика //Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993. С.168.

Шкурапацкая М.Г.

ДЕРИВАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СЛОВА

В современную концептуальную лингвистическую парадигму входит понятие пространства языка, значимость которого состоит в том, что “описание языковых категорий и всей языковой системы как особых пространств со специфической для них стратификацией и структурацией, в разных системах координат и с разными единицами измерения, с определением места этого или иного явления в системе координат или общем признаковом пространстве языка вполне отвечает новым представлениям о сути языка и эффективных методах анализа” [1, с.13]. Пространство деривационных связей слова также многомерно. Деривационная энергетика

слова, "обнаруживающаяся в возникновении и сохранении потенциала его деривационного функционирования и условиях его реализации" [2], имеет несколько источников. Основными из них являются: окружающая среда, отражающаяся в категориях языка; речь, закрепленная в тексте; языковая система, в которой заложены модели деривационного функционирования единиц.

Всеобщий принцип развития гласит: новое возникает как продолжение некоторых исходных суппозиций (данного). Деривация языковых единиц - это особая форма их функционирования, предполагающая модификацию, развитие. "Всякая единица в языке есть носитель потенциала своего деривационного функционирования, а в более общем виде - носитель потенциала своего саморазвития" [2, с. 67]. В сообщении содержится описание модели деривационных отношений слова, представленных в языковой системе. Данные отношения рассматриваются нами как одна из важнейших составляющих деривационного потенциала слова, под которым подразумевается его готовность быть производящим (перспективное функционирование) и быть произведенным (ретроспективное функционирование).

Наша работа находится в русле построения модели "тождества слова" в рамках его стремления к бесконечному варьированию. Разработка этой проблемы содержится в статье В.В.Виноградова "О формах слова", в которой он предложил "различать два понятия и два термина - слово и лексема, т.е. лексическая единица языка, как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом, или **форма слова и слово**" [3, с.37]. Слово как единица лексической системы имеет, таким образом, два статуса. Во-первых, статус самостоятельной номинативной единицы, отвлеченный от реальных функций в предложении. Во-вторых, статус синтаксического слова, элемента текста, в составе которого слова, соединяясь друг с другом, участвуют в создании и выражении общего смысла текста. А.М. Пешковский писал по этому поводу: "...Мы должны различать два образа: один, возникающий у нас при произнесении отдельного слова, и другой - при произнесении того или иного словосочетания с этим словом. Весьма вероятно,

что первый есть лишь **отвлечение** от бесчисленного количества вторых ... это "отвлечение" не есть плод научных размышлений, а живой психологический факт, и он может даже вопреки действительности, представляться как первосущность, а конкретные образы слов в словосочетаниях как модификации этой первосущности" [4, с.93-94]. С позиций осуществляемого нами подхода важным является понимание "тождества слова" и соотнесенности с ним понятия формы слова. "Сознание тождества слова покоятся на понимании его семантического единства в многообразии его мыслимых видоизменений, а эти видоизменения выражаются не только в морфологическом облике слова, но и в различиях его синтаксических связей и функций" [3, с. 47]. Придавая понятию формы такое расширенное значение, В.В.Виноградов видел различие форм слова не только в разновидностях морфологической структуры, но и в разнообразии так называемых лексических форм. Выявленный ученым набор лексических форм, в своем составе содержит: 1) синтетические и аналитические формы словоизменения; 2) фономорфологические варианты слова; 3) этимологические варианты слова; 4) лексико-стилистические варианты слова; 5)лексико-синтаксические варианты слова; 6) лексико-фразеологические варианты. Думается, что к данному набору вариантов можно причислить еще одно звено, которое можно было бы назвать "морфодеривационными", или "словообразовательными вариантами" слова. Тем более, что косвенное указание на это содержится в словах самого ученого, который полагал, что "область формообразования относится к морфологии слова, а область словообразования - к морфологии лексемы" [3, с. 38]. К этому следует добавить и расширение у В.В.Виноградова понятия формы слова "за счет" словообразования (в современном понимании его границ) в связи с квалификацией им явлений типа модификационного словообразования именно как форм (ср. формы субъективной оценки: стол - столик, дочь - дочка - доченька; короткий - коротенький или родовых форм: волк - волчица).

Таким образом, слово представляет собой систему сосуществующих, обусловливающих друг друга и функ-

ционально объединенных форм, каждая из которых связана со строго определенными, определенными языковой структурой контекстами употребления. Стремясь к максимальному сохранению классификационных основ при характеристике различных форм слова, принятых В.В. Виноградовым, мы выделяем в деривационном пространстве слова четыре основных сферы, которые условно могут быть названы следующим образом: зона фонетического варьирования, зона грамматического варьирования, зона словообразовательного варьирования и зона лексического варьирования.

Зоны фонетического варьирования образуют все видоизменения слова (точнее было бы сказать, корневой морфемы в качестве представителя слова) в речи, обусловленные действующими в языке фонетическими закономерностями. Изменение звучания связано с позицией звука и не меняет состава фонем в морфеме, который является в данном случае константой. Например: н[о]с // за-н[ъ]с // А-но[с']ь. Термин *фонетическое слово*, которое обычно употребляется для обозначения самостоятельного слова вместе с примыкающими к нему безударными служебными словами и частицами (см. два последних варианта в приведенном примере) [5, с. 512], в рамках нашей модели можно было бы распространить на всю совокупность фонетических вариантов корневой морфемы в пределах данного слова.

Сферу грамматического варьирования слова составляет совокупность его грамматических форм, служащих для выражения грамматического значения. Единство слова в данном случае организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим (константным) у всех его грамматических форм. Лексему как совокупность грамматических форм слова принято называть *морфологическим словом*.

"Словообразовательным" продолжением слова, например, *заповедник*, являются такие его морфодеривационные варианты, как *заповедный*, *заповедать*, *заповедывать*, *заповедоваться*, *заповеданный*, *заповедание*, *заповедность*, *заповедно*. Весь приведенный ряд можно обозначить термином *деривационное слово* (термин предложен Н.Д. Голевым), под которым понимается

вся совокупность лексических дериватов, объединенных под эгидой лексемы (ЛСВ) и способных к деривационному взаимодействию в пределах одного семантико-синтаксического контекста. Словообразовательные варианты в рамках деривационного слова связаны тождеством (константой) **специфицированного** лексического значения и различаются уникальностью своей морфодеривационной структуры и выражаемого ею категориального значения.

Сфера лексического варьирования представлена различными вариантами (см. классификацию В.В. Виноградова, представленную выше). Вместе с тем, ядерную позицию здесь занимают лексико-семантические варианты слова (лексико-фразеологические, по терминологии В.В. Виноградова). Эти формы слова связаны в единое целое непрерывной последовательностью или общностью **внутренней формы** (являющейся константой), прямым отношением к основному номинативному значению и другими средствами семантического строя. *Лексическое слово* как совокупность лексико-семантических вариантов является базовой категорией для всех других перечисленных видов варьирования в деривационном пространстве слова.

Литература

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.

Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. – Барнаул, 1998.

Виноградов В.В. О формах слова // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975.

Пешковский А.М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Избр. труды. – М., 1959.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976.

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ЦВЕТОФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦЕЛОСТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Любой художественный текст (ХТ), а особенно поэтический (ПТ), – это «сложно построенный смысл», поэтому степень глубины его понимания зависит от того, совпадают ли творческие позиции автора и исследователя.

Характер такой позиции определяется прежде всего системно-целостным подходом к самому ХТ в контексте более широкого целого – творческой индивидуальности автора.

Системная организация ХТ выявляет структурную дихотомию: **центр**, содержащий смысловой комплекс текста и **периферию**, через которую смыслы передаются на поверхность текста (речевую ткань) [5].

Творческая деятельность исследователя устремлена на восприятие глубинных смыслов центра художественной системы через периферию. В этом процессе внутренней расшифровки смыслового комплекса ядра важно опереться на такую систему знаков, через которую можно было бы с вероятной долей достоверности адекватно интерпретировать разную степень информативной суггестии художественного смысла. Таким кодовым ключом может стать система имплицитных цветовых поясов, образуемых звукоцветовыми соответствиями, которые отражают исконную синестезию звука и цвета, их духовное единство [1, 2, 3, 5].

Если взять за основу методику цветофоносемантического анализа [1], то на ее основе можно выявить шесть основных поясов имплицитного цвета во внутреннем системном пространстве ХТ. Центр ХТ представлен светильными поясами: светло-желтым до белого [o], светло-синим [i] и светло-желто-зеленым [э]. Периферия включает красный [a], наиболее близкий к центру, темно-сине-зеленый [у] и черный [ы]. Совокупность этих цветов и их системно обусловленная позиция в ХТ образует **инвариантную цветовую модель текста**, вариативно реализованную в конкретных ХТ.

Перспективная картина смыслового комплекса ХТ в своей имплицитности представлена взаимодействием цветовых поясов, где соответствующая звукобуква (з/б) по частотности превышает норму. Этот цветовой контакт составляет рисунок, через который проглядывается общая картина смысла.

Процесс трактовки такой внутренней картины сложен, т.к. не имеет устоявшейся традиции. Кроме того, этот процесс не нуждается в дефинициях и не опирается на принятую в науке аргументацию, т.к. ни то, ни другое здесь оказывается неважным для экспликации глубинного понимания текста. Уровень понимания текста зависит от того, что считается информативным в тексте, а последнее в определяющей мере зависит от того, с какой системной позиции происходит интерпретация текста: периферийной или центральной (ядерной).

Периферия, выполняя функцию разворачивания информации, сосредоточивает в себе в разной степени (в зависимости от цвета пояса) разрозненные смыслы ибо сущность красного [a] и поглощающая сила темных цветов способствуют разрыву внутренних смысловых связей.

Чем ближе цветовой пояс к краю периферии, тем менее целостно раскрываются смыслы центра. Восстановить смысловую целостность ХТ с периферийных позиций довольно сложно, поэтому такая интерпретация основывается на считывании информации лишь внутри самого цветового пояса.

В связи с этим периферийная позиция в интерпретации ХТ выявляет лишь **предметные** смысловые значения, которые тем не менее образуют микросистему на основе горизонтальных связей между «пойманными» цветовым поясом частями цельной информации ядра ХТ. В темных цветовых поясах наибольшая степень дискретности художественного смысла, и чтобы восстановить целостную картину текста, смысловые фрагменты нужно **собирать**, восстанавливая связи, – на этом и строится периферийная интерпретация текста.

Единство же цветовых поясов центра обладает внутренней бездонной глубиной и самодостаточной полнотой для естественного проявления целостности. Здесь связи между цветовыми поясами прочнее, т.к. уровень

смысловой суггестии выше, многослойность смысловой целостности обнаруживается лишь с светло-зеленого пояса, где в уравновешенном виде проявляют себя излучающий светло-желтый и поглощающий светло-синий цвет. Внутренняя взаимообусловленность этих трех цветовых поясов не образует иерархии, как в периферии: каждый цветовой пояс центра важен как *стадия* движения к эксплицитности смыслового комплекса ядра, различия между ними только в *функции*.

Исходя из вышеисказанного, интерпретация с периферийных позиций поэтического текста В. Набокова «Бабочка», в котором цветофоносемантический анализ выделяет **черный** [ы] как ведущий имплицитный цвет [4], будет ориентирована лишь на описание бабочки, внешней её «одежды», а поэтические указания на юность и Серафима воспримутся как знаки прошлого и будущего. С этой позиции эксплицитный и имплицитный цвета в ПТ совпадают, создавая характеристику текста как *закрытого*, сама же закрытость проявляется и методологически: как закрытость для целостной интерпретации. На уровне внутрипоясных (горизонтальных) связей выявляется только ближайший метафорический смысл черного цвета в субъективном мире поэта – как цвет **настоящего**.

Таким образом, периферийная творческая позиция исследователя предполагает лишь плоскостную интерпретацию, которая может охватить и значительный объем смыслового комплекса ядра (в зависимости от количества восстановленных связей в цветовом поясе), но дискретно-структурирующее мышление будет мешать этому количеству перейти в другое, объемное, качество.

* Бархатно-черная с теплым отливом сливы созревшей,
Вот распахнулась она; сквозь этот бархат живой.
Сладостно светится ряд васильково-лазоревых зерен.
Вдоль круговой бахромы, желтой, как зыбкая рожь.
Села на ствол, и дышат зучбатые нежные крылья,
То припадают к коре, то обращаясь к лучам.
О, как лягут они, как мерцают божественно!
Голубоокая ночь в раме двух палевых зорь.
Здравствуй, с здравствуй, грезы березовой северной рощи.
Трепет, и смех, и любовь юности вечной моей.
Да, я узнаю тебя в Серафиме при дивном свиданье,
Крылья узнаю твои, этот священный узор.

Если же исследователь займет позицию центра в интерпретации того же ПТ, то на первый план в трактовке выступит функция, обнаруживающая сквозную связь центральных и периферийных смыслов, распределенных по **всем** цветовым поясам. В связи с этим бабочка будет трактоваться не как насекомое с определенной окраской крыльев и навевающая автору воспоминания и т.п., а как знак *божественной функции* крылатого существа, способного осуществлять связь миров, как носитель «священного узора». В этом знаке усматривается и авторская душевная устремленность к тонкому, божественному миру. Этот знак трактуется как *вневременный*, обнаруживая центральный смысл через семантику *вечности* крылатой души, способной жить в разных мирах одновременно.

Черный цвет с этих позиций интерпретируется как **загадочность** этой функции бабочки, как неразгадываемость мира Серафима, доступного лишь в намеке, лишь через *одномоментность* мелькания «священного узора» на крыльях бабочки.

Поскольку с позиций центра целостно видны **все** смыслы художественной системы, которые раскрываются в цветовых поясах, то интерпретация учитывает как внутрипоясные, так и межпоясные смысловые связи. Поэтому ведущий имплицитный цвет трактуется не изолированно, а только как доминанта в системе всех цветозвуковых соответствий, превышающих норму. Так, в ПТ Набокова вариант цветовой модели представлен четырьмя цветовыми поясами: **черным** [ы] (превышение нормы в 1,7 раза), **светло-желтым** [о] (в 1,3 раза), **красным** [а] (в 1,2 раза) и **темно-синим** [у] (в 1,1 раза).

Как мы уже отмечали, черный [ы] – это не только основной цвет конкретной бабочки, но и *информационный* характер самого текста. Красный [а] – внутренний цвет бабочки (слова «бАбочка»), метафорическое внутреннее пламя, зов тонкого мира (мира огненного) – отсюда загадочная, фатальная устремленность бабочки не только к огню, но и к свету вообще, который представлен в подтексте светло-желтым [о]. Взаимосвязь красного и желтого поясов объясняется их общей **огненной** семантикой, которая в одном случае (красный) восприни-

мается как **сила**, данная бабочке для осуществления ее божественной функции, а в другом (светло-желтый) – как сам **Свет**, как главная составляющая «священного узора». Двуединство красного и светло-желтого цветов в тексте – это «маяк» для бабочки как метафоры загадочной сути всего живого, здесь заложена тайна **божественной возможности** для каждого живого существа. Эта возможность не обнаруживает себя явно, она **проблескивает** в цветовой палитре подтекста и интерпретируется как возможность движения на эволюционной вертикали через исчезновение в одном качестве (гусеница) и возрождение в другом (бабочка).

В контексте вышесказанного системно познается и функция темно-сине-зеленого [у] цвета, который, лишь незначительно превышил норму, тем не менее активно связан с остальными цветами варианта модели. Темносиний – это первый более светлый цвет после черного, поэтому он трактуется через функцию *приоткрывания* тайны, именно через этот цвет осуществляется угадывание автором священности узора бабочки, – шире – **прозревание** бабочки в гусенице.

Так, периферийный смысл черного цвета *настоящего* во временной парадигме творчества Набокова оказывается подчиненным трактовке центровой интерпретации стихотворения «Бабочка»: **загадочность настоящего** как обобщенным временного момента эволюционного скачка, **онтологической закрытости** знания этого самого момента будущего. Но одновременно это и **прозревание** автором того, что этот загадочный акт связан и с **преображением** человека по природной аналогии преобразования ползающей гусеницы в летящую к Свету бабочку.

Литература

Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1981. – 158 с.

Казарин Ю. Проблемы фоносемантики поэтического текста: Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. уни-та, 2000. – 172 с.

Прокофьева Л.П. Цветовая символика звука как компонент идеостиля поэта (на материале произведений А. Блока, К Бальмонта, В. Набокова). – АКД. – Саратов, 1995.

См. интерпретацию того же стихотворения в более широком звукоцветовом варианте: Прокофьева Л.П. Цветовые и смысловые модуляции в звуковой архитектонике поэтического текста // Художественный текст: онтология и интерпретация. – Саратов, 1992. – С. 117–122.

Шуришина Т.И. Актуальные проблемы стилистики текста (цветофоносемантический аспект): Учебное пособие. – Черновцы: Рута, 1999. – 96 с.

Кузьмина Н.А.

КНИГА СТИХОВ КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Истории литературы известны примеры абсолютно противоположного отношения авторов к составлению своих поэтических сборников. Ни Тютчев, ни Батюшков, ни Пушкин, как известно, не «выстраивали» поэтическую логику своих книг, они выходили – даже при жизни автора – без его участия. По наблюдению А. Кушнира, книга стихов в ее нынешнем понимании начинается с Баратынского, хотя, возможно, мысль о новом способе объединения стихов возникла в последние годы жизни и у Пушкина. [Кушнер 1991: 36]. Опыт поэзии XX века – попытка осмыслить явление КНИГИ СТИХОВ как нового способа упорядоченности поэтической материи, дающего неожиданное приращение смыслов. Уникальна в этом отношении деятельность И. Анненского, стремившегося воплотить идею «сплошных соответствий, подобий, взаимной сцепленности всех веющей и явлений мира» [Гинзбург 1964: 348] через неожиданные соположения стихов в «трилистниках» и «складнях» «Кипарисового ларца».

Пример Блока, стихи которого, по его собственному, неоднократно высказываемому им ощущению, как бы спаяны, слиты в одно целое, сложены в одно произведение, почти хрестоматиен. Вспомним, речь идет о поэте, воспевшем «стихию», «ветер», «революцию», «грому» и «снежный вихрь». Рассуждая о поэзии В. Пастернака, Александр Кушнер, поэт и филолог, заметил, что, с одной стороны, трудно найти поэта, так отчетливо заявляющего идеи стихийной жизни, неуправляемости

хии стиха, как Борис Пастернак, однако именно Пастернак был чрезвычайно внимателен к организации своих произведений, выделению главок и подглавок, заголовков и подзаголовков – и перерастанию их в Книгу (“Сестра моя – жизнь”).

Между тем противоречие между стихийностью и ассоциативностью творческого метода (Анненский, Блок, Пастернак) и стремлением к жесткости и упорядоченности организации стихов в более крупные конструкции мнимое и может быть объяснено с помощью постулатов синергетики.

1. Книга есть классический пример процесса суперпозиции – формирования сложной структуры из более простых. При этом выполняется существенное начальное условие: между фрагментами будущего целого должна быть определенная степень связи – “топология перекрытия”. Любая авторская книга стихов (а мы рассматриваем только этот объект) обладает общим уже по определению: это стихи одной творящей личности – следовательно, отображение, вербализация одного психоментального образа мира. Иногда Книга возникает естественно, как результат линейного процесса, когда поэт осознает, что он пишет не стихотворение как нечто самодостаточное, а именно Книгу. Пример этого рода – “Сестра моя – жизнь” Б. Пастернака или “Кинематограф” Ю. Левитанского. Однако гораздо чаще возникновение книги – нелинейный процесс “сборки” простых структур, которые уже живут и развиваются в своем темпомире, со своей скоростью. Иначе говоря, каждое стихотворение создано в определенный момент, соотнесенный со стрелой времени, этот момент обозначен в дате его написания, обычно стоящей после стиха. Будучи создано, оно – в соответствии с нашей теорией интертекста [Кузьмина 1999] – начинает двигаться во времени и в пространстве интертекста, восприниматься разными читателями, отдавать и накапливать имплицитную энергию. Естественно, их имплицитная энергия к определенному моменту времени, когда автор решает создать книгу, совершенно различна. Известны слова А. Блока о том, что он испытывал внутреннюю необходимость включить в книгу некоторые свои полудетские или слабые по форме стихотворения, многие из кото-

рых, взятые отдельно, не имеют цены. В книге стихов Е. Баратынского “Сумерки”, наряду с гениальными произведениями, грандиозными по степени обобщения, есть и стихи более камерные, и, наконец, эпиграммы. Их объединение в одно целое определяется главной идеей книги. Это и есть “мерило, определяющее отбор материала и место каждого фрагмента или текстового блока в структуре целого. Это и есть атTRACTор творческой деятельности” [Князева, Курдюмов 1994: 116]. В результате создания книги все стихотворения теряют свою абсолютную самостоятельность, становятся элементами, “кирпичиками” более сложной системы, попадают в один темпомир. Происходит синхронизация их темпа жизни, скорости движения в интертексте. Далее, согласно законам синергетики, наступает момент обострения, то есть во всей объединенной области устанавливается новый, более высокий темп развития: целое развивается быстрее составляющих его частей [Князева 2000: 230]. Если говорить о судьбе книги стихов, то можно заметить, что резонанс её гораздо более мощный, чем резонанс отдельного стихотворения, даже опубликованного в специальном издании. Есть здесь и причины чисто технического характера (тиражи изданий, степень вероятности попадания к “своему” читателю), и причины, связанные с большей энергетической мощностью книги по сравнению со стихом.

2. Возникающее целое, новая Книга, уже не равно сумме частей – оно не больше и не меньше суммы частей, оно качественно иное (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов). Это означает, что в книге стихов начинают по-новому восприниматься стихи “с ослабленной возможностью самостоятельного существования” (А. Кушнер), именно в структуре целого они оказываются неожиданно необходимыми, полноценно живущими, они являются логически существенными звенями в общем замысле книги, без них она могла бы рассыпаться. Известны факты, когда поэт, выстраивая книгу, дописывал некоторые стихи, руководствуясь логикой замысла, другие переписывал и бесконечно перераспределял порядок их следования в структуре целого (см. воспоминания Валентина Кривича об отце – Иннокентии Анненском в период работы над книгой стихов “Кипарисовый ларец”).